

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров.

От составителя.

Имя архимандрита Софрония (Сахарова; 1896–1993) вряд ли нуждается в особом предисловии в наше время. Его книги «Преподобный Силуан Афонский», «О молитве», «Видеть Бога как Он есть» уже хорошо знакомы православному читателю по всему миру. Также многие знают о нем как основателе православного монастыря святого Иоанна Предтечи в Англии.

Издав все законченные произведения Старца, его монастырь приступил к подготовке публикаций оставшихся материалов. Возможно, что те, кто читал ранее изданные книги Старца, найдут много знакомых мыслей. Однако публикация всех текстов, даже при кажущихся повторениях, вполне оправдана. Ни Церковь, ни богомудрые святые отцы никогда не пытались упорядочить ни евангельские тексты, ни свои писания, изобилующие повторениями. И Старец также не боялся неизбежных «повторений» в своих книгах или письмах, объясняя это так:

Если когда-нибудь кто-либо будет читать написанное мною, то прошу его молиться за меня, не отягощаться неизбежными повторениями, хранить в памяти перечисленные основы христианской жизни, не требовать от меня точных формулировок (что и невозможно вообще), потому что меняются способы выражений, смысл многих слов в течение времени также подвержен изменениям. Искать через молитву мою мысль в ее бытийной реальности, а не индивидуальной деформации, возможной всегда в силу неодинакового процесса вхождения в Божественные сферы бытия.

Природа всякого духовного текста совершенно иная, нежели литературного или научного. Он не дает просто некую «информацию», когда, раз «прочитав» книгу; человек затем убирает ее на полку. Общение с духовным словом совсем иное по природе своей и по целям. Мы читаем Евангелие каждый день, входя каждый раз через слово в таинственное общение с Самим Христом. Слово движимое Духом Святым, несет в себе нетварную Божественную энергию, будучи тайноводителем Божественной благодати. Такое слово становится таинством. Цель его – сообщить благодать и Истину, устроив спасение души читателя.

Так, читая и открывая сердце такому слову, всякий непременно будет каждый раз входить в потоки дыхания Духа, пережитые, в данном случае, самим Старцем в глубокой молитве и в неуклонном предстоянии умом престолу Божию. Входя в мир его слов-идей, человек погружается духом в сферу Божественного присутствия, в которой постоянно жил сам Старец. И всякое пребывание сознанием в сей умной сфере таинственно воздействует на всего человека дух, душу и даже тело: «Царство Божие не приходит приметным образом» (см.: Лк. 17:20), так и слово Старца, будучи плодом многолетнего плача и напряженной молитвы, незаметно для человека преображает его внутреннее устройство, возводя дух его в «горня, где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3:1).

Такое «таинство слова» нам предано самим Христом: «Слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63). Они животворят и очищают человека чрез словесное причастие самому Христу – Богу Слово: «Вы уже очищены через слово, которое я проповедал вам» (Ин. 15:3). Старец был одним из немногих в наше время носителем сей величайшей христианской культуры духовного слова. К сожалению, в наше время эта культура, столь привычная для ранней Церкви, теперь понятна и доступна немногим. В первые века христианства вдохновленные последователи Христа неизменно пребывали в атмосфере евангельского слова, жили слово его как первую реальность и особенно интенсивно в моменты агапы-евхаристии, причащаясь через слово, как через таинства, Самому Христу. Не зря святитель Ириней Лионский использует то же понятие «причащение», относя его и к причастию Христу через Святые Дары, и к евангельскому слову о Христе; и там, и здесь присутствует вся Личность Христа. Для первохристиан это было единой реальностью: общение и единение с Богом через Святую Чашу и Слово Его. В Старце мы видим редкий современный пример, который раскрывает для нас литургическую природу духовного слова.

В предлагаемой книге, как и в других книгах, Старец много пишет о богословии. Каждый настоящий христианин должен быть богословом не в академическом, а в глубоком бытийном смысле этого слова. Для самого Старца богословие стало его внутренним состоянием. Старец жил догматическое наследие Церкви, как реальность его повседневной жизни. Христология и триадология не были для него отвлеченной наукой или гимнастикой ума в логических упражнениях, а сама жизнь в Боге: в них он ощущал источник никогда не умаляемого вдохновения, которое двигало его сердце на горячую молитву. Именно, прежде всего, такое богословие как состояние, заключенное в словах, пытался передать Старец, состояние, в котором он жил, – его умное предстояние Богу. Из-за постоянного пребывания умом в молитве вокруг Старца

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org всегда царил атмосфера живого присутствия Христа. К нему интуитивно тянулись люди. Поэтому вокруг Старца так «естественно» собралась монашеская община монашеский подвиг в такой атмосфере был нормальным образом жизни. Само присутствие Старца, пусть даже молчаливое, его внутреннее устройство и его состояние уже сами по себе вдохновляли людей на жизнь во Христе, и прежде всего на монашескую. Видя Старца и общаясь с ним, легко было понять его слова, что «монашество – полнота жизни». «В начале (в принципе всего) было Слово (Христос)» (Ин. 1:1). Сознание Старца никогда не отступало ни на шаг от этого главного принципа нашей жизни – Христа Слова: всякий вопрос и церковной, и повседневной жизни решался Старцем только с позиции Христа и Его Вечной Истины, в глубокой молитве. И не было у Старца других принципов, приземленных и разбавленных человеческим сознанием. Потому особо ценно для нас всякое мнение Старца о любой жизненной проблеме, будь то вопросы церковной или личной духовной жизни. Слово его помогает нам с вершин духовного ведения, о которых говорит Старец, в трезвой перспективе взглянуть на самих себя, на свою жизнь, поставив себя лицом к лицу с Вечной Истиной – Христом как Он есть.

Большинство из текстов, вошедших в настоящее издание, представляют собой подборку отрывков, оставленных Старцем как заметки и черновики. Перегруженный пастырскими попечениями и бременем забот о монастыре, Старец почти никогда не имел возможности упорядочить свои заметки. Многие из них остались в виде клочков бумаги, положенных как бы беспорядочно в единую грудку. Старец не уделял времени себе, но всегда посвящал его другим. При всей нехватке времени он очень бережно относился к письмам обращавшихся к нему людей, аккуратно собирал все письма в отдельные для каждого папки – «классеры», как их называл Старец, потому что каждый человек, все его слова и проявления для Старца имели непреходящую абсолютную ценность.

Для своих черновиков Старец неохотно использовал покупную чистую бумагу, а писал на клочках, на использованных конвертах или просто обрывках, иногда очень мелким почерком. На машинке печатал только окончательный вариант. Не было это экономией из-за скупости или неких материальных расчетов, а из-за глубокой благодарной ответственности пред Богом за каждый дар Его. Сам Старец прошел школу предельной нищеты, доступной человеку, когда он жил в Афонской пустыне. Как позднее вспоминал он, даже ржавая пустая консервная банка была настоящим достоянием: в ней можно было держать воду. И каждая мелочь была для Старца даром Бога. Так сформировалось особое устройство души его, которой было свойственно евхаристическое сознание (евхаристия означает «благодарение»): Старец благодарил Бога за все, что Он посылал ему, и с бережной трепетностью относился к каждой вещи, даже самой малой, видя в ней заботу Отца Небесного, ничего не принимаемая как должное и повседневное. Пример такому отношению дан самим Господом. Насытив пять тысяч, Господь повелел собрать каждую «укруху» всего дарованного Отцом: «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных» (Мф. 15:37). «Мы должны сосредоточить все наше внимание только на том, чтобы не согрешить ни пред Богом, ни пред человеком, ни пред вещами, – говорил Старец. – И из этой жизни, простой, но сосредоточенной на этой заповеди, рождается состояние человека, когда он бытийно уже связывается с Богом» (Архимандрит Софроний, Духовные беседы. М., 2003. Т. 1. С. 193.). Поэтому Старец всегда заботливо «собирал все оставшееся», что можно было употребить в его «дело» – дело спасения вверенной ему Богом паствы. В этих малых отрывках и заметках высказываются как бы вскользь мнения Старца, которые, на самом деле, имеют чрезвычайно важное значение для жизни Церкви.

Помимо подборок из таких заметок, в книгу вошли и более развернутые тексты – статьи и доклады Старца «О вере», «Духовная жизнь», «Материнство как служение женщины», «Эпилог».

Статья «Духовная жизнь» была включена в греческое издание книги «О молитве», но на русском языке публикуется впервые.

Статья «Материнство как служение женщины» является текстом доклада, прочитанного Старцем еще в 1965 году в английском городке Halstead для Young wives Fellowship («Содружество молодых жен»). Старец охотно соглашался на предложение Содружества говорить о так называемом «женском вопросе», потому что Старец относился с особым уважением к служению и роли женщины в Церкви, которые зачастую недооцениваются в повседневной церковной жизни. Никогда женщина не превращалась для него в неравноправную «служанку» Церкви, но всегда была «служителем Церкви», носителем не функционально-иерархического, но того великого царственного священства,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org примером которого являлась Божия Матерь, молящаяся за все человечество, и которое Христос даровал всем верующим: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2:9). Священное служение женщины Старец видел в ее великом подвиге материнства, когда мать дает жизнь новому человеку не только по плоти, но и по духу – свыше (Ин. 3:3), являясь родителем «сынов божиих» (ср.: Лк. 1:32). Для Старца не было уже «ни иудея, ни язычника... ни мужского пола, ни женского: ибо все одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28), потому что в каждом человеке Старец созерцал прежде всего неповторимое величие образа и подобия Абсолютного Бога – личность, каждая из которых дороже всего сотворенного космоса.

Текст заключительной главы «Эпилог» был найден в архиве монастыря среди груды бумаг Старца с карандашной пометой: «Конец книги». Было ли это предварительным наброском для окончания главной книги «Видеть Бога как Он есть» – его духовной автобиографии? Или же Старец хотел написать еще одну книгу? Теперь это останется навсегда тайной. Там приводятся мысли Старца о всем его пройденном пути и предстоящем исходе его ко Господу. Еще при жизни Старца многие слышали от него те же слова и, быть может, не раз читали их и в других книгах, но простота и доступность Старца как-то приглушали их истинный смысл и глубину. Их истинное понимание открывается только теперь, когда его уже нет с нами. С благодарностью Богу за Старца, за этот величайший дар чудесного Его Промысла для каждого, кто так или иначе столкнулся с ним на своем жизненном пути, нам хотелось бы привести прощальные слова Старца:

Я предаю себя на суд Божий и суд людской. Немалое число людей «осторожно» вели себя со мною: отталкиваясь, осуждая меня и подобное. Но также и, быть может, еще большее число обращались ко мне с доверием и любовью. Для них пусть написанное мною будет моим завещанием, которое отдаю «даром», подобно тому как сам я получил даром от Бога через отцов моих в Духе.

Мысли о монашестве

I

Предание в каждой религии представляет накопленный веками опыт и составляет в каждой религии своеобразную религиозную аскетическую культуру, отличную от других в силу различия догматического сознания. Таким образом, каждая религия: христианство, иудейство, магометанство, пантеизм (во всех видах), язычество и демонизм – имеет свою аскетическую культуру.

Считаясь с тем фактом, что в настоящее время в христианских странах в силу увлечения рационализмом наблюдается или совершенный отпад от веры, или усвоение пантеистического мирозерцания, мы позволим себе провести некоторое сравнение христианской православной мистики и пантеистической.

Православное восточное монашество обладает величайшим аскетическим опытом, в значительной мере своей зафиксированным в богатейшей аскетической литературе, творениях святых отцов Церкви. Каждый православный подвижник стремится ценою личного опыта и внимательного изучения творений святых отцов приобрести и опытное, и теоретическое познание основ аскетизма, чтобы иметь возможность свободно и разумно пользоваться различными аскетическими средствами, чтобы все существующие формы аскетических упражнений слить в единое целое, привести в стройную систему. В идеале желательно знание всей совокупности аскетических видов, форм, методов, чтобы прийти к внутренней свободе от рабства форме. В идеале желательно познание всей последовательности духовного возрастания, последовательности восхождения от низшего и меньшего к высшему и большему, чтобы тем обеспечить непреткновенное преуспеяние, иначе говоря, нужно знать иерархию духовных ценностей, чтобы не поставить низшее над высшим и тем неисправимо положить конец восхождению. Вся история человеческой культуры вообще и в частности история религий сверх меры изобилуют нарушением, «превращением» иерархии. И тут встает вопрос: как же это возможно?

Для православного подвижника этот вопрос разрешается доверием опыту святых отцов и следованием аскетическому преданию Церкви, ибо никто не может установить иерархию прежде опыта. В христианстве же этот вопрос усложняется еще и тем, что опыт в конечном смысле не зависит от человека, потому что сущность христианского опыта в богообщении, в приобщении Божественному бытию, Бог же абсолютно свободен и никакими человеческими средствами не

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org может быть вынужден к такому общению.

Это последнее обстоятельство приводит к тому, что при наличии богатейшей аскетической системы подвижник относится к ней, как к чему-то второстепенному; иными словами, ни на какое внешнее человеческое действие не полагается надежда, и вся сила внимания обращена на внутреннее устройство, на внутренний подвиг молитвы, смирения, послушания, и каждое из этих действий представляет собою бесконечное творчество, так что нет уже и возможности удерживаться в пределах системы.

Проблема аскезы является актуальною не только для тех, кто именуется подвижником в узком и, так сказать, специальном смысле этого слова, например, монахов и отшельников, но и вообще для всякого христианина, ибо актуальность и современность этого вопроса во все века, во всякую эпоху пребывают неумаленными по самому существу той жизни человеческого духа, которая имеется здесь в виду. Аскетизм как духовный труд неотъемлем не только от всех известных истории великих и невеликих религий, но и вообще от всякой человеческой культуры, даже и безрелигиозной. Все религии, все старые и новые парарелигиозные формы мистической жизни имеют свою аскетическую культуру, отличную в той или иной мере от других в силу различия догматического сознания, лежащего в основе всякой религии. В данный момент мы вовсе не предполагаем остановиться на чрезвычайно важной и интересной теме – зависимости аскетического акта от формы догматического сознания, как и наоборот – зависимости доктрины от реально пережитого духовного опыта. Наша задача – нарисовать возможно короче картину православного подвижничества.

Христа мы принимаем как абсолютную Истину, как Бога Творца и Бога Спасителя. Заповеди Его суть несозданный Свет Божества, и стремление к тому, чтобы они стали единственным законом всего нашего бытия – и временного, и вечного – составляет сущность православной аскезы.

Мы решительно отвергаем всякую попытку поставить Христа в ряду других «основателей религий» или «великих учителей человечества». Христианство предстает нам во всей своей исключительности и ни в каком случае не рассматривается нами лишь как одно из данных человечеству «откровений», как одна из «традиций» среди других аскетических культур и традиций. Мы не допускаем никакого ограничительного толкования таких слов Христа, как, например: «Никто не знает Отца, кроме Сына» (Мф. 11:27); или: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6); или: «Если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах своих» (Ин. 8:24).

Аскет пребывает в подвиге и ведет борьбу за достижение совершенства. Но совершенство, мыслимое нами, не заключено в тварной природе человека и потому не может быть достигнуто путем развития возможностей этой природы, взятой в самой себе, в своей ограниченности. Совершенство наше в самом Божественном бытии, оно есть дар Святого Духа. Отсюда – внимание аскета сосредотачивается на том, чтобы слить свою жизнь и свою волю с жизнью и волею Самого Бога. Достигается сие главным образом в молитве, и потому молитва есть вершина всех аскетических действий (деланий); в молитве – культура православного аскетизма достигает своего наивысшего выражения; ей отдается первая (главная) сила подвижника. Молитва, будучи творчеством выше естественного порядка, может быть бесконечно разнообразною и по формам, и по своему достоинству. Наиболее же совершенной является так называемая ЧИСТАЯ молитва, посредством которой совершается наше вхождение в Божественное бытие силою Святого Духа, что и составляет последнюю цель истинного аскетизма. Ради достижения сей цели подвижник оставляет все прочее как бы позади себя, и в этом оставлении заключена сущность монашеского отречения от мира.

Быстрый переход нашего слова к вопросу о монашестве не должен явиться сужением нашей темы, так как монашество не есть иная вера, чем у прочих христиан, но несколько иной образ жизни, вытекающий, однако, из тех же самых заповедей Христа, соблюдение которых сопряжено неизбежно с подвигом. Нет христианина не подвижника, и потому, когда мы говорим о монашеской аскезе, мы говорим о том, что близко и родственно всякому православному.

Обратившись к тем формам, в которые выливается монашество, мы, естественно, должны остановиться на тех обетах, которые приносит монах при отречении от мира, и на их смысле, или соответствии вышеуказанной цели подвижничества. Идея отречения от мира порождает вопрос: возможно ли строить подлинную

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org жизнь на отречении, на отрицании? Конечно, нет. Да и заповеди Христа по преимуществу носят положительный характер – «люби». Вообще, вся жизнь в Боге должна быть лишь положительным актом. Отсюда (в силу этого) аскеза, как таковая, никогда не становится целью; она лишь средство к стяжанию дара Божия. Как разумный подвиг в своем развитии аскеза становится наукою, искусством, культурою. Но, как бы ни была высока эта культура, взятая в своем человеческом аспекте, она имеет весьма условную ценность. Пост и целомудрие как преодоление плотских, бессловесных движений и вообще комплекса плоти через пребывание в памяти Божией; нищета, понимаемая как нежелание иметь, как свобода от власти над нами вещества; послушание как преодоление эгоизма; отшельничество как искание внутренней клетки, где возможно «помолиться Отцу втайне»; поучение в Слове Божием как напоение себя духом благодатной жизни и богопознания, заключенных в Священном Писании и творениях святых отцов; сострадание и милостыня как проявление любви к Богу и ближнему; вера, мужество и смирение как тот же подвиг любви – все сие может и должно быть содержанием свободного подвига, но доколе не придет всеутверждающее действие Божественной благодати, доколе все сие остается лишь человеческим действием и, следовательно, тленным. Жизнь христианина есть самое реальное, чуждое всякой фантазии, превышающее всякое воображение, всякое рассудочное понятие, исключающее всякое сомнение – общение с Истинным Богом, «в котором нет ни единой тьмы» (ср.: 1 Ин. 1:5). Поэтому научить христианской жизни подлинно может только тот, кто удостоился видения света Божества. При умном свете боговидения становятся видимыми духовные пути, незримые пребывающему во мраке неведения. И если нет с человеком этого света, то никакое человеческое знание не спасет. Обладатели самых обширных теоретических богословских познаний будут почти такими же слепыми вождями, как и не имеющие этих познаний, а иногда и хуже, то есть более вредными, потому что, обладая в силу этих познаний некоторым видимым преимуществом над братом, они становятся лжепророками, увлекающими с собою во тьму своих последователей.

Задача старца – привести ученика ко Христу. И как может он выполнить ее, если сам он не стяжал Христова духа?

Назначение старца – научить послушника борьбе со страстями. И как возможно, чтобы он выполнил его, если и сам он не стяжал опыта в этой брани? Борьба со страстями в аскетической жизни сводится к борьбе с помыслами. И как может научить этой борьбе тот, кто сам не знает этой великой науки?

Пред каждым послушником неизбежно встанет вопрос о том, как найти себе истинного наставника. Старец Силуан, выслушивая многожды жалобы послушников на старцев, говорил, что «в наше время послушник должен быть совершенным, ибо для совершенного послушника легко находится старец». Смысл слов Старца двойной: с одной стороны, для совершенного послушника и не совсем искусный подвижник будет добрым старцем, с другой – неисканный послушник, как духовно неопытный человек, не может отличить подлинного святого и истинного отца, часто строгого в своих требованиях, от слепого вождя и даже «волка», часто льстивого. Найти незаблудного старца – великий дар Божий. Многими усердными молитвами, с плачем и смирением надо искать себе наставника; и тот, кто действительно смиренно ищет, тот, по утверждению святых отцов, найдет; гордому же никто не может быть старцем.

Блаженный Старец Силуан говорил, что, «если старец и словом, и жизнью учит кротости и любви к врагам, – он добрый наставник, а если подвижник гневлив и исполнен ненависти, то не может он быть наставником, но сам нуждается в учителе».

Афонское монашество подвигу послушания отдает исключительно большое внимание. Добрый подвижник всю жизнь пребывает в послушании, несмотря на то что покрылся сединами духовного опыта и приобрел дар чистой внутренней молитвы, а следовательно, и дар через молитву познавать волю Божию.

Послушание имеет много сторон, возможны самые разнообразные положения. Общее аскетическое правило – не доверять себе, и потому всякое указание духовного отца относительно внутренней жизни должно приниматься с благоговением. Это правило особенно должно соблюдаться начинающими монахами, но и обученные духовной брани и постаревшие в монашестве не оставляют его.

Другая сторона послушания, касающаяся внешнего действования, в равной мере соблюдается и старыми, и молодыми монахами. Всякое дело, всякое начинание

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org должно твориться по благословию, чтобы актом благословения всему предать характер Божиего дела. Все житейские мелочи и немелочи требуют познания воли Божией.

Наша повседневность погружена в мелкие воды ничтожных нужд, но каждая, даже самая малая, вещь может открыться нам как отражение или слово о величии Божиим, предстать нашему духу как удивляющая тайна. Так, например, подвиг монашеского послушания, который вызывает презрение в гордых душах, при разумном понимании сущности этой аскезы является путем к расширению нашего сознания до неожиданно великих созерцаний. Он начинается, казалось бы, с нуля: мы просто становимся внимательными к нуждам окружающих нас людей. Постепенно мы научаемся воспринимать их мысли, их волю. Этим путем мы проникаем в сокровенные места их внутреннего мира. Развивается способность в едином акте внимания услышать и различить, какие настроения, какие внутренние движения сердец наличествуют среди тех, что вокруг нас. В дальнейшем восхождении послушание приводит к уразумению онтологической основы православной соборности. Вне культуры послушания живое постижение тайны СОБОРНОСТИ – не дается.

Члены Соборов, больших и малых, воспитанные должным образом в этом чудном делании, становятся утонченными в своей восприимчивости к тому, чем «дышат» все присутствующие. Пребывая, конечно, в непрестанной умной молитве, такие участники соборного искания воли Божией духом обнимают весь Собор и чувствуют, когда и в ком говорит Дух Святой. Дух же сей «дышит, где хочет» (Ин. 3:8), не считаясь непременно с иерархическим положением собравшихся.

В подлинно святом Соборе как бы нет места иерархии, ни борьбы за преобладание или превосходство; единое у всех стремление: верно ощутить изволение Духа Святого. Нормативный прототип этого важного аспекта церковности – Первый Иерусалимский Собор апостолов и пресвитеров (см.: Деян. 15), из описания которого мы видим, как вели себя все, не исключая и Петра, на этом благословенном Соборе, вырвавшем Слово и Откровение Божие из тесных рамок еврейской национальности на вселенские просторы. Каждый из тех, кому открывается по действию Духа Истина, выражает ее в смирении, и все остальные в радости духа своего приемлют Истину.

Когда нет сих признаков, святой Собор превращается в «коллегию» или «коллектив» специалистов администрации или богословов-профессионалов, без возможности выхода из плана человеческих соображений.

Сущность христианской аскетики – в непрестанном предстоянии Абсолютному Богу. Оно (предстояние) восторгает ум, все наше существо, но оно же болезненно разрывает нас. Мы, вызванные в бытие из «ничто», в пределах Земли не освобождаемся от условности и относительности во всем. Водимые словом Господа, растем мы, но рост сей кажется нам нестерпимо медлительным: это от боли видеть себя несвободными от убийственной силы греха, присутствующего в нас. Изнуряющая неуверенность нередко томит нас: мы не можем быть совершенно убежденными в том, что наша мысль, движения нашего сердца, всякое действие наше входят всецело в святой поток предвечной воли Святого святых. Мы просим со слезами печального сердца: «Да будет воля Твоя на земли сердца моего таковою же, как она от века на небесах в Твоем Бытии». Но мы не в силах вместить того, о чем мы молимся. Итак, если я не вмещаю сей жизни Отца нашего, то я никогда не бываю уверен окончательно, что я спасен. Его, Отчая, мысль безмерно превосходит мой ум. Если я останусь таким, как я есть, то ни я не смогу пребыть с Ним единым в вечности, ни Он – во мне. А вдруг и по исходе моем я явлюсь неспособным для восприятия Царства? Мы видим, какую молитвою молился Христос в Гефсимании. Если Ему было ТАК трудно согласовать Свою волю с волей Отца, то где я окажусь? В этой разорванности – и надежды, и агонии – проходят дни, годы, десятилетия, вся жизнь.

Бывают, однако, блаженные моменты, когда Дух Божий склоняется к нам; тогда неземная сладость наполняет сердце и ум. И эти моменты дают силу на восход, вслед возлюбленному Иисусу: «Что тебе до кого бы то ни было? Ты иди за мною» (ср.: Ин. 21:22). И успокаивается дух в надежде несомненной: придет час, когда все мои болезни, в которых рождается новая жизнь, забудутся от радости окончательного входа нашего в нетленное Царство Отца.

Периоды наибольшего напряжения страданий духа нашего, за пределами сего мира, станут внутри нас основанием неколебимой жизни. Мы должны, и мы делаем все, доступное нам, до исчерпания наших возможностей, чтобы устоять

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org в хранении Христовой заповеди о любви в атмосфере ни на мгновение не прекращающейся повсюду братоубийственной вражды. Любовь – та, которая есть как бы сущность Божественной вечности, – в этом веке не может не страдать (ср.: Деян. 26:23). И чем глубже наша мука, тем крепче надежда, что искомое нашим духом – совершится; что желаемый нами Господь не презрит нас.

Даже в гуманистическом воспитании люди обучаются некоторому воздержанию от необузданных похотений, но, по существу, все же зло – гордость и связанная с нею страсть к доминации над братом – положено в основу всего мирского прогресса.

Мы узники, свергнутые с неба, изгнанные из рая – непосредственного общения с Богом.

Святые отцы говорят: одно смирение может спасти человека, и одна гордость достаточна, чтобы свести до последних глубин ада. Смирением доставляется прощение всех грехов, исцеление от всех страстей. Без смирения все иные добродетели теряют свою силу, достоинство, ценность, не могут достигнуть цели, ценности вечной. Победа же над всем комплексом страстей означает обретение богоподобного бытия. Все страсти непременно облечены в ту или иную форму, видимую или мыслимую, воображаемую. В акте покаяния христианин совлекается воображения видимых вещей и рассудочных понятий.

«Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист» (1 Ин. 3:23). Нет большего греха, чем ГОРДОСТЬ. Она основа всех прочих грехов. Господь повелел нам у Него учиться смирению и кротости. Смирение есть свойство любви Божией. Вне очищения от гордости всякое слово о богоподобии было бы люциферизмом.

Велик покой безмолвника: ему даруется состояние сверхмысленного внимания в невидимом центре духовного сердца; внешний мир при этом или едва ощутим, или забывается вовсе.

Безмолвие иногда принимает характер торжественного молчания, созерцающего безначальную красоту: тихий восторг пред неисследимым Божественным истощанием. Когда человеку приоткрывается глубина смирения Бога, тогда дух его подлинно смиряется. Сладостно преклонение пред ТАКИМ Богом. Кто опишет это состояние? Господь недомыслим в Его предвечном величии; Он же недостижим в Его самоумалении. Нет такого земного поклона, который выразил бы достаточно благоговейную любовь ко Христу. Плач сердечный более действителен в следовании Христу. И когда кончается поклонение и престаёт плач от истощения телесных сил, тогда мир исполняет и тело, и душу. Ум умолкает. Вне образов ощущается невидимый, но возлюбленный Бог. Но душа знает, что она еще не достигла Искомого.

Наилучший путь к созерцанию Божественного истощания – монашеское послушание. Через послушание человек разрывает тиски эгоистической замкнутости. Через послушание сердце открывается и расширяется, чтобы вместить хотя бы отчасти Божию любовь, которая не знает границ. В подвиге послушания дух человека научается отдавать себя на распятие. Сначала болезненное, распятие затем становится раскрытыми объятиями души, стремящейся вместить в себя, если возможно, всю полноту Бытия.

Нам дана заповедь – ЛЮБИТЬ. Если сия любовь была реальностью нашего существа, то излишне было бы давать повеление стяжать любовь. Любви естественно послушание, как ненависти свойственно противление. Без культуры послушания человек пребудет в тисках смерти греховной.

Многое множество горячих молитв и столько же выражаемых в словах воздыханий будут долгие годы разрывать наше сердце, а затем и ум, прежде чем душа станет способною воспринять принесенный на Землю Христом небесный Огонь, прелагающийся в чудный Свет и неопишемую радость. От степени напряжения нашего чаяния, да и воли, зависит наша вечность. Созерцание великолепия сотворенного Богом космоса поражает удивлением нашу душу; но еще и много более сего страшит и вместе влечет Царство внутритроичной любви, которое дано нам увидеть отчасти, как бы сквозь щель в заборе, которое «берется силою, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12).

Испытывая себя во Свете благодати без излишнего снисхождения, мы

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org убеждаем, что посеянное в душу и ум семя райского искушения – люциферической гордости – так глубоко срослось с нашим существом, настолько пронизало своими корнями не только ум и сердце, но и весь наш состав, то есть включая и тело, что вырывать это зло – значит подвергнуться страшной операции всего нашего существа. Сражение с этим «невидимым» врагом, которого Господь назвал «человекоубийцей от начала» (см.: Ин. 8:44), – сущность нашего подвига. Власть князя мира сего над нами крепка только потому, что мы в гордости сроднились с ним. Побеждается эта смерть смирением, то есть истощанием нашим от всего, что противно Божией любви. Совершеннейший акт истощания явлен Иисусом Христом, который возлюбил нас «до конца» (Ин. 13:1): принял на себя нашу смерть и Своею смертью поправил смерть всеродного Адама.

«Вышел сеятель сеять семя свое» (Лк. 8:5). Христос – сеятель сего семени. Оно, будучи воспринято землю сердца нашего, также прорастает и тоже своими корнями разрывает ткани сердца. И это составляет ту операцию, которая излечивает человека от последствий падения. Операция весьма болезненная, но боль не убивающая, а животворящая нас. Опять соединение – страдания и торжества победы. Надежда наша в том, что если мы и не осушим вполне в пределах сей жизни призыв Христа стать Ему подобными победителями: «Я победил мир» (Ин. 16:33. Ср.: Откр. 3:21), то есть стать божественно универсальными в любви, превзойти сей земной мир, то и по смерти брошенное Им семя святое не умрет в нас, но даст нетленный плод за пределами времени. Подобно тому как из ничтожного по своим физическим измерениям человеческого семени раскрывается нечто неизмеримо большее, так, и еще грандиознее, будет со словом Божиим (см.: Лк. 8:8–11), пустившим корни внутрь нас. В Нем и через Него мы станем родными Ему носителями святой вечности.

Мы молимся всею силою, чтобы Господь даровал нам познать истину, и больше того – Истину, прежде чем мы покинем сей образ бытия. Когда духу нашему становится ясным, что наша духовная битва имеет космические измерения, так же как и падение Адама имело последствия, отразившиеся на всей космической жизни, тогда мы получаем начатки спасительного ведения (гносиса). Сражение наше – святое, противоположное братоубийственным войнам, заполнившим всю историю человечества со времени первого братоубийства Каином Авеля. Борение наше – с невидимым, но весьма реальным врагом: Люцифером, «человекоубийцей от начала» (см.: Ин. 8:44. Ср.: 1 Ин. 3:15). Он прельстил человека обманчивой идеей – стать богом помимо Бога; и поскольку люди с доверием приняли его дух, он стал «князь мира сего» (Ин. 14:30 и др.).

Смертоносное оружие врага – гордость; диаметрально противоположное ему – живоносное смирение Христа. За стяжание сего Божественного смирения подвигаемся мы; оно дано нам Христом, ниспославшим на Землю Духа Святого. Это есть святое семя, брошенное с небес в наш план; открывшие ему свое сердце испытывают некое Божественное вдохновение стать подобными Безначальному Отцу, через уподобление Его Единородному Сыну, в благородном подвиге за любовь.

«В мире будете иметь скорбь, но дерзайте, мужайтесь, (ибо) Я победил мир (космос)» (Ин. 16:33). Если «человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (1 Тим. 2:56), победил космос и так стал сверхкосмическим, то, естественно, Евангелие Христа воспринимается нами как надмирное (сверхкосмическое). «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, В Е Р А наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий» (1 Ин. 5:45). «Побеждающему (же) дам сесть со Мною на престоле моем, как и Я победил (как человек) и сел с Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит» (Откр. 3:21–22).

Сие есть истинное Откровение о человеке, образе Божиим. Он сотворен по образу Абсолюта, но сначала как чистая потенция. Он носит в себе образ Абсолютности Божией: он может иметь некий опыт своей «абсолютности» (с малой буквы), будучи образом Абсолюта. Выражается сей опыт в некоторые моменты духовного напряжения как осознание своей свободы самоопределения. Ограниченный во всем телесно, человек в акте своего самоопределения даже на вечность не зависит ни от кого. Но сию малую абсолютность не должно принять как наше происхождение от Сущности Перво-Бытия, как наше единосущие с Ним. Мы тварь; мы можем воспринимать воистину Божественную жизнь, но как дар Отца нашего, то есть Его Бытие, в содержании, но не в сущности, не сообщимой твари. Тварь получает обожение, Божественную форму бытия, но сама не предлагается в Перво-Бытие, оставаясь вечно тварью по сущности своей. В

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org этом отношении Бог вечно остается Богом нашим, как говорит и Сам Христос: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). По слову святителя Григория Богослова: «Отцу Моему – в собственном смысле, но в силу воплощения; Богу вашему – в собственном смысле». Полнота нашего богоподобия не устраняет онтологической дистанции между Самобытийным Богом и Человеком-тварью.

Обожение изливается на человека-ипостась, то есть человек как лицо будет вечным в Боге; обожение – личное, неотъемлемое, непреложное. Сообщается полнота Божественной жизни; человек становится «безначальным», как воспринявший безначальную жизнь; и в некотором смысле – нетварным, поскольку носит в себе нетварную жизнь. Но нетварная жизнь не означает нетварности человека, как такового. Обетованное нам Христом бессмертие есть подлинное, наше личное. Ипостасность наша не растворяется в безбрежном океане Божественного бытия; мы не исчезаем как самосознающие себя личности. Наоборот, «там» мы сможем говорить: «Аз есмь» – по дару Любви Его.

Бог явно хочет быть с нами, как с равными Ему. Потому Он и открылся нам в Своей истине через Воплощение, чтобы «мы слышали своими ушами, чтобы мы видели своими глазами, чтобы мы осязали руками» (см.: 1 Ин. 1:1, 5) исшедшее из недр Отчих СЛОВО вечной жизни. Имея такое очевидное и осязаемое свидетельство, мы уже не блуждаем в догадках нашего тварного рассудка, не спотыкаемся, потому что ходим при Свете незаходимого Солнца (ср.: Ин. 11:9–10).

Единственный источник всякого бытия, Он всегда «начинает»; Он первый «избирает» нелицеприятно (ср.: Ин. 15:16). Но все сие Он делает незримо для нас; как тайный друг Он не хочет навязать нам долг быть Ему обязанными, благодарными. Как часто Он неуловим, когда благодворит. Он являет Себя нам, когда мы расположены к восприятию; Он просвещает наш ум, но акт решения нашего следовать Ему, неизбежно связанный с трудом, Он приписывает нам. В этом смысле мы можем сказать, что мы сами избираем путь в свободе нашей. И мы добровольно терпим все встречающееся нам, чтобы пребыть на избранном нам пути до конца. Бог действует таким образом, что не только наше временное состояние, но и саму вечность строим мы или в линии Его откровений, или в расхождении с Ним.

Господь возложил на нас чрезвычайную задачу. Наша ответственность сокрушительная, непонятная тем, кто отказался встать на «краеугольный камень» (см.: Еф. 2:20. 1 Пет. 2:67). Чем дальше продвигаемся мы на пути сем, тем грандиознее становится раскрывающаяся пред нами картина.

Велико бремя нашей свободы. Если я, в моем самоопределении, не найду тех «тесных врат и узкого пути», которые ведут в жизнь и которые находят с трудом лишь немногие (см.: Мф. 7:14), то ГДЕ обретусь я? Как избежать мне «пространного пути, ведущего в погибель»? Ясно, что если я удержу при себе нечто, чуждое Его святости, то в плане вечном я окажусь чуждым Ему. Если я пребуду в споре с Ним, а не в единстве преданной любви, то покину Землю, скованный страстями, и вселюсь «во тьму внешнюю» (Мф. 8:12).

Мы не устойчивы во всем до пришествия благодати. Смотрите на Петра: он исповедал Божество Христа с такой, казалось бы, уверенностью в непоколебимости своей (ср.: Мф. 16:16); он был удостоен видения фаворского света и слышал голос Отца, свидетельствовавшего о возлюбленном Сыне; он клянется в непреложной верности, даже до смерти, Христу (см.: Мф. 26:33–35. Ин. 13:37) и весьма скоро вслед за этим, во время Гефсиманской ночи, он малодушно изменяет. Если так было с Петром – «камнем» (ср.: Мф. 16:18), то я в трепете. Не отойдет от меня сознание моей немощи, доколе не перешагну силою Духа Святого последних граней, доколе не вниду окончательно в область Света, избежав тьмы внешней.

Всю нашу жизнь мы распинаемся на невидимых крестах, но распятие от сего не теряет своей силы... Но вот, удивительное явление: когда я в душе своей улавливаю мысль «сойти со креста», то меня покидает небесный мир и некое тонкое утешение, исходящее от Духа Утешителя. Так, шестые наше вслед Христу сопряжено с глубокими страданиями и вместе с чудным утешением. И я из опыта познал, что без многоразличных терзаний в мире сем невозможно достигнуть того, что принес Господь на Землю.

После того как Господь сказал Старцу Силуану: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся», он стал делать, как научил его Христос, и ум его очистился, и

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org дух внутри свидетельствовал спасение, то есть вечную жизнь в Боге. В этом есть некоторая аналогия с тем, как сам Господь вочеловечившийся действовал: после сотворенных Им чудес, прославляемый от людей, Он часто говорил, что «Сын Человеческий предан будет первосвященникам... и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание, и биение, и распятие; и в третий день воскреснет» (ср. Мф. 20:18–19; 16, 21. Мк. 8:31. Мф. 17:22–23. Мк. 9:31. Лк. 9:44 и другие). Христос о Своем воскресении говорил как человек. Все, что Он совершил ради нашего спасения, Он совершил и как Бог, и как человек: Он открыл нам и Бога в Его безначальности, и человека в его последних измерениях, то есть в его завершенности. Он дал нам «пример» (Ин. 13:15), как можем мы достигнуть обожения, к которому предназначался человек в воле Отца прежде создания мира.

Подлинная встреча со Христом есть встреча с Тем, Кто есть прежде всех веков, от начала, то есть безначальным Богом.

Всякий духовный акт, и прежде всего молитва, укорененный в Боге безначальном, и сам приобретает бессмертную силу. «Душевым» свойственна страстно эмоциональная жизнь, что христианский подвижник стремится преобразить силою Духа Святого, по слову апостола Павла: «Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (1 Кор. 15:53). Христианин, по существу, не ставит себе задачей убить в себе прекрасно созданное Богом в начале, то есть ни мысли, ни чувства, ни даже плоти. Он стремится все наше естество, пораженное грехом, восстановить в перевозанной красоте и чистоте. Наша настоящая жизнь вне Христа слагается из страстных греховных движений; и это составляет тот мир, который должно возненавидеть (ср.: 1 Ин. 2:15–17. Мф. 6:24. Лк. 14:26).

Все мысли и переживания, имеющие своим источником грех, – все сие погибнет: «Всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится» (Мф. 15:13); «Земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3:10). И обратное сему: всякое действие, мысль или переживание, движимые благодатью, исходящей от Бога, не уничтожимы и пребывают вечно.

Но где достоверный признак Божественного в нас действия? По мнению Старца Силуана, любовь к врагам есть непогрешимый критерий. Самое воплощение Сына Единородного есть любовь к врагам (ср.: Ин. 3:16. Рим. 5:6–10). Вся земная жизнь Христа есть любовь к врагам. Всякий истинный дар, свыше сходящий от Отца Светов (ср.: Иак. 1:17), несет в себе любовь, попяющую всякую ненависть. И это есть, по учению Старца Силуана, истинная вера.

Уверовать во Христа, молиться Отцу, воспринять благодать Духа Святого – значит умом утвердиться в вечности Божественной. Все восприятия человека коренным образом изменяются: духом он в Бытии непреложном, не теряя, однако, самоконтроля в условиях земной жизни. Бешеная свистопляска низменных пороков и разгул злодейских преступлений не могут не потрясать наших душ, и никогда не престающая печаль вселяется в глубину сердец наших. Но молитва за страждущий мир низводит на верующих потоки небесной энергии, преобладающей смертоносную силу умножающегося греха.

Не мал труд хранить заповеди, но нет иного пути, чтобы Дух Святой благоволил сопребывать человеку. Это Он, Святой Дух, производит в нас сердечные движения, уподобляющие Господу. Вследствие сего те силы мира сего, которые гнали Христа, всегда гнали и будут гнать исполненных Духа Христова верующих, «благочестиво живущих» (см.: 2 Тим. 3:12). Так отражается в судьбах их (верующих) вековой конфликт между Христом и князем мира сего (см.: Ин. 12:31). Подобие Господу в расположении сердца (ср.: Флп. 2:5) делает и судьбы христиан в сем мире до некоторой степени подобными жизни Его на Земле. «Если Меня гнали, будут гнать и вас... и будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Ин. 15:20. Мф. 10:22). Высшие ступени «блаженств» – «блаженны изгнанные за правду... блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах» (Мф. 5:10–12) – суть и последние ступени уподобления Христу человеку и Христу Богу.

Условие, неперемное для нашего спасения, – не перестать сознавать нашу недостаточность даже в лучших проявлениях наших: «блаженны нищие духом»... «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10). Великий опыт отцов наших показал, что как только мы теряем сие смиренное состояние, как только мы удовлетворены собою, так все последующие восходящие ступени

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
блаженств падают. И, наоборот: когда мы сокрушены сознанием нашей
удаленности от совершенств Божиих до отчаяния, тогда в нас начинает
действовать благодать, возносящая нас до престола Всевышнего.

Богословие как бытийное познание Бога, как духовное состояние единения с Богом достигается на пути борьбы со страстями, с живущим в нас «законом греха» (ср.: Рим. 7:23). В очищенное сердце легко и обильно проникает Свет, воспаляющий дух любовью к Богу. Сия любовь, святая, есть не что иное, как действие в нас Духа Святого; «действие», включающее человека в самую реальность Божества; и это есть то истинное ведение Бога, которое само в себе есть вечная жизнь (ср.: Ин. 17:3). Последний возможный предел богословия на Земле есть мученичество за Христа. Через отдание себя на смерть за Христа и Евангелие (ср.: Ин. 12:25. мф. 10:39; 16, 25 и др.) уподобляется человек Самому Богу в кенотической любви, любви «до конца». Мученический «венец» в том, что положивший душу свою по любви к Богу как бы естественно и беспрепятственно шествует к престолу Бога.

Но не только смерть по телу за исповедание имени Его и Евангелия во времена гонений есть мученичество, но и всякая скорбь, подъемлемая христианином за осуществление, за торжество любви Христовой в мире сем. Любить врагов есть мученичество. Сей род любви становится естественным для души через действие в ней дыхания вечности; она парадоксальным образом соединена с ненавистью к самому себе, к своей душе (ср.: Лк. 14:26). Молиться за обижающих и гонящих, благотворить ненавидящим, благословлять проклинающих, не противиться злomu... и подобное – равносильно мученичеству (ср.: Мк. 8:31–38).

Божественное бесстрашие не есть покой безразличия к сему ничтожному миру, вечно терзающему нас, как некий «мираж» (обманчивый), недостойный, по существу, никакого внимания. Нет. Сие бесстрашие есть любовь, объемлющая, одновременно носящая в себе и скорбь всего мира, и радость спасения. И это есть наш христианский ПУТЬ, несравненно более богатый и глубокий, чем всякий иной, и единственный приводящий к подлинной Божественной вечности. Во Христе Духом Святым нам открываются ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕРЕНИЯ БЫТИЯ, ПОЛНОТА ИСТИНЫ. Мы не ищем НОВЫХ откровений; пред нами стоит единственная задача: в полноте воспринять дары Духа Святого; совершенно уподобиться Христу Человеку, чтобы быть вечно подобными Ему в Божестве Его.

Слова: «Мир Мой даю вам» (Ин. 14:27) сказаны Христом апостолам за несколько часов до Его смерти на Кресте. Сущность сего Христова мира в том, что Он знает Отца совершенным познанием. И мы если знаем вечную Истину, то все терзания Земли будут происходить для нас как бы на периферии нашего бытия, в то время как внутри нас присутствует свет жизни, истекающей от ведения Истины.

«Мир Мой даю вам». Никакой успех или временное благополучие не может дать нам истинного мира, если мы пребываем в неведении об Истине. Редкие люди обладают духовным мужеством, достаточным для того, чтобы сойти с общего для всех, банального пути. Мужество рождается из непоколебимой веры во Христа Бога: «И сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4). Иногда постигающие человека испытания ставят его в положение путника, пред которым неожиданно разверзлась бездна и в то же время нет путей к отступлению. О какой бездне говорим мы? Бездна мрака неведения и отчаяния осужденных на смерть. Чтобы перелететь эту бездну мрака неведения и смерти, нам необходима энергия святого отчаяния. Влекомые неведомою силой, мы бросаемся в неизвестность, призвав имя Господне. И что же? Вместо того чтобы разбиться головою о скрытые во мраке пропасти скалы, является некая невидимая рука, бережливо держащая нас над бездной без всякого вреда. Что значит броситься в пропасть неведомого? Довериться Богу, оставив всякую надежду на силы этого мира, и искать иной жизни, где первое место отдано Христу. «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он крестит вас Духом Святым и огнем...» (Мф. 3:11), – говорил Иоанн Креститель. Сам же Господь сказал: «Огонь пришел я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12:49). Крещением Духом Святым и огнем, брошенным Христом в сердца уверовавших в Его Божество, монашество вызвано и держится в веках. В писаниях отцов-аскетов первых веков монашества отразилось пламя, нетленное, несозданное, от Бога исходящее. Мы – наследники их: они сохранили заповеди Христа, и мы устремились вслед им. Святой Иоанн Синайский, автор знаменитой «Лестницы», говорит: «Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных... Монах есть всегдашнее понуждение естества... Всем,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org приступающим к сему... подвигу... должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь... Исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар» – и так многажды.

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего Небесного... будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:44, 45, 48). В этих словах Господь открывает нам образ Человека, как он есть в творческом уме Бога от вечности. Через уподобление Сыну удостаиваемся мы сыноположения. Слово сие никак не должно быть умалено в нашем сознании: это слово есть Откровение Бога нам – о нас самих, а также и о Нем, «Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны», – пишет святой Павел к ефесянам (Еф. 4:1). Услышав сие призвание, свыше, с небес нисходящее к нам, мы восплаемся сердцем. Странное действие его на всего человека: сердце горит от объявшего его нетварного пламени; уму сообщается сила видеть себя в двух планах: как он есть в данном состоянии и каким он мог бы быть. Без узрения нами Божественного о нас замысла, без созерцания явившегося нам Творца в нашей плоти мы не можем предпринять подвиг покаяния. С одной стороны, невыразимая тоска о себе, от такового, какой я есмь, и с другой – влечение к недостигаемо прекрасному облику Единородного Сына Божия, нашего Прообраза.

Я горько плачу о себе самом и вместе торжествую о дарованном мне видении. Безутешен при этом мой плач, но неотступно со мною присутствие Бога Живого. Я разорван внутри: я завишу от мира в существовании своем, но, влекомый к небесному, не могу оставаться среди опустошающей душу людской суеты. Я еще во всем невежда, но жар, что в сердце моем, заставляет искать новых условий жизни. И вот, пришел чудный момент: я вспомнил о существовании особого класса людей – монахов. Слиться с ними становится моей насущной нуждой. Я все в мире ценю и даже люблю; с восторгом смотрю на красоту всего, что окружает меня; однако ничто уже не удовлетворяет меня. Мой ум необъяснимым образом видит мой внутренний ад, мою гадость, мой мрак. И все же воспламененное сердце предвосхищает вечность. Он, ум, не может оторваться от пребывания в молящемся сердце: он отходит от видимого. Даже страсти мои умолкли; я весь странным образом изменялся под действием прежде неведомого мне состояния: молитва овладевала мною с непреодолимой силой.

II

В православном аскетическом подвиге преобладает негативное действие – покаяние и самоосуждение. Положительное исходит от Самого Творца. Но негативное, кенотическое действие не исключает и в нас возможности положительных актов. Чудесный аспект заповедей Христа: они побеждают и вдохновляют нас к творческому преображению нашей, далеко не совершенной, действительности. Они открывают нам необозримые горизонты; приносят потоки Света и Разума, Красоты и Смысла. Они обогащают нас созерцанием творчества Отца, у Которого и мы должны учиться.

Сначала мы живем заповеди как бы в пределах нашей индивидуальности: имеем их как этические принципы для нашей жизни. Постепенно познаем мы их истинную природу: они исходят от Вседержителя Бога, как Откровение о Нем Самом. Мы начинаем прозревать их (заповедей) универсальность. Они (заповеди) ставят нас лицом к Лицу Абсолютного Бога, и в них самих присутствует сия абсолютность. В силу сего прогресса мы, подобно птице из яйца, выходим из узких границ индивидуума в беспредельные просторы иной формы бытия: Ипостаси Личности. Через соблюдение заповедей Христа в нас проникают потоки нетварной жизни, свойственной Самому изначальному Богу.

Самым главным делом монаха является внутреннее предстояние Богу – молитва. Вся жизнь монаха строится на скале повелений Христа. Строить свою вечность спасение на базе человеческой науки – безумие. Область эмпирической науки ограничена объективным знанием детерминированных природных явлений. Бытие как Благо, Любовь, Свобода, Творчество, Красота, Мудрость свойственно Персоне, рождающейся свыше в молитве нашей лицом к Лицу Бога Творца нашего. Вне сего Персонального Бога ничто не существует и не может существовать. Миротворческая воля принадлежит Ипостасям Святой Троицы.

Наука экспериментальная не дает нам познания о вечности: она всецело принадлежит временной и пространственной форме бытия. Она, наука, смертна по природе своей. Ее служение человечеству закончится вместе с окончанием

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
земной истории нашей.

Не скрою, много раз мои богословские понятия о «Человеке» (антропология) становились на критическую линию: я готов был думать, что далеко не все «антропоиды» являются подлинно людьми, при всей их животной красоте. Человек, в сущности, начинается тогда, когда он обращается к Отцу всяческих с молитвой «Отче наш». Впрочем, мы никогда не знаем, с каким из этих красивых и умных животных произойдет чудо преображения. Мне приходили мысли: не так ли надо понимать творение человека из «праха земного»? Когда сия земля и пепел воспринимают дыхание, исходящее от Бога, тогда человекообразные становятся созданными «по образу Божию и по подобию» (Быт. 1:26). Окружающие нас массы «сырого материала» несут в себе потенциальную возможность к такому блаженному изменению, и мы должны молиться о том, чтобы все жители Земли познали Бога действием в них Духа Святого: «Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли».

Горе тем, кто отвергает древние предания, заключающие в себе положительные опыты отцов и матерей наших по наитию Святого Духа. Все, что когда-либо было дано по действию благодати, принадлежит к Божией вечности, не страдает от времени. Отвергая духовное содержание Предания Церкви, мы нарушаем заповедь? «чти отца твоего и мать твою» (Мф. 15:4).

Если и в наше время что-либо дано свыше, то приложим со страхом, как приращение, к богатству отцов, священному для нас.

Если во всей совокупности преданий исторической жизни людей наличествуют элементы отрицательные, то преодолеем их покаянием.

Только так жизнь наша примет должный характер ко спасению нашему да и отцов наших.

Монах охвачен горячим желанием воспринять в себя полноту жизни, преодолеть смерть, дыхание которой омрачает течение времени. Ему, монаху, свойственно ощущать, что все преходящее теряет всякий смысл, если за ним не последует Божественная вечность, на искании которой сосредоточено его существо. О, сей дивный и таинственный процесс! В молитве последнего напряжения дух наш восходит к возлюбленному Богу с быстротой, превышающей скорость света: он сотворен таковым, что в одно мгновение он пронизывает и объемлет беспредельность бездн. Когда же является Свет Божества, тогда в неизмеримо краткий срок он воспринимает откровение о богатстве духовного мира.

Возможны случаи, когда подобный опыт вечности и беспредельности дается человеку по благодати в самом начале его вступления в подвиг. Обычно же способность созерцать Божественный мир развивается в нас постепенно, часто годами и даже десятилетиями. Так и Самой Божией Матери откровение сначала дано было в день Благовещения о зачатии Ею Сына Всевышнего, Царству Которого не будет конца, затем через все течение Ее жизни вплоть до Голгофы и воскресения, вознесения Христа и сошествия Святого Духа в Пятидесятницу; после же в день Ее усновения и далее, по кончине Ее... И лишь тогда Она восприняла в свое личное бытие полноту Божественной жизни.

Так и с нами должно происходить. Старец Силуан после явления ему Христа в начале его монашества затем в свою долгую, полувековую жизнь усиленно подвизался, чтобы усвоить полноту данного ему откровения.

Итак, когда человек получает сие высшее познание, «высшее» по отношению ко всякому иному рода знанию, включая туда и школьное богословие, тогда дух его освобождается от колебаний, неизбежных при отсутствии живого опыта.

Академическое образование в наше время стало монаху более необходимым, чем в прежние века. Мы живем в этом данном нам мире и зависим от него в плане нашего земного существования. Мы непрестанно испытываем на себе влияние нашего окружения; влияние в большинстве случаев – отрицательное, которое необходимо преодолеть, отразить. Научное богословское образование открывает нам горизонтальный план, знакомит нас с религиозной проблематикой нашей эпохи. Ознакомившись со многими течениями духовной жизни нашей современности, мы затем не испытываем на себе ударов неожиданных встреч и остаемся незатронутыми философией мира сего. Но эта способность превозмочь всякое отрицательное влияние погруженного в тление мира дается нам не столько наукой, сколько действительным опытом живого Бога. В богословских училищах некоторые из профессоров пытаются ставить своих учеников пред

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org необходимостью «вертикального» восхода к Богу, то есть познания в глубину и высоту, но сии попытки не изменяют общего положения, а именно – принадлежность школьного образования горизонтальному плану, его неспособность дать подлинный духовный опыт, то есть опыт покаяния и чистой молитвы.

Иное – монашество: оно является УЧИЛИЩЕМ БЛАГОЧЕСТИЯ, наукой побеждать страсти. Монастыри и пустыня дают свободу предаться плачу покаяния в такой мере, в какой мир едва ли когда позволяет. В этом смысле монашеству принадлежит образование высшего, по сравнению с академическим, порядка. Но, и поняв сие положение вещей, монах, как я могу свидетельствовать, не презирает школьного образования, что было бы не просто ошибкой, но и грехом. Значительно чаще погрешают академисты богословия неведением экзистенциального опыта подлинного монашества, его неоценимого значения для жизни всей Церкви, всего христианства.

Старец Силуан говорит в своих писаниях: «Иное дело только веровать в Бога, и совсем иное – ЗНАТЬ ЕГО». Конечно, Старец имел в виду самого себя до и после явления ему Христа. Монах устанавливает для самого себя следующую позицию: при наличии полноты монашеского опыта научное образование становится «не необходимой декорацией», ибо Дух свидетельствует внутри нас о спасении нашем. Если же кто-либо стяжывает «полноту», то есть предельно доступную человеку меру, количество теоретических познаний, то опыт живого богообщения все же остается обязательным для его спасения.

Опять-таки в писаниях Старца мы находим: «Если ты чисто молишься, то ты богослов; а если ты богослов, то это значит, что ты чисто молишься» (это есть несколько измененная формула, приписанная сначала преподобному Нилу, по новым открытиям принадлежащая Евагрию). В первой части сего выражения «богослов» имеется в виду бытийное пребывание человека в Боге. Вторая часть в сущности повторяет содержание первой. Создается положение, что здесь вовсе нет места академическим титулам.

Такое понимание вещей было свойственно монахам с первых веков зарождения монашества в Египте. Мы находим подобный ход мышления в житии и писаниях преподобного Антония Великого и после него у весьма многих просиявших святостью и богатым познанием отцов. Здесь я приведу в русском переводе гимн 48-ой преподобного Симеона Нового Богослова.

ГИМН 48

Кто есть монах и какое его делание и о том, на какую высоту созерцания восшел этот божественный отец.

Монах есть тот, кто не причастен миру,
Кто присно с Богом говорит единым.
Он, видя (Бога), видим (ИМ), любя, – любим,
Становится сияющим неизреченно светом.
Он, прославляемый, зрит себя в большем обнищании
И, принимаемый как странник, пребывает.
О чудо, дивное весьма и несказанное!
От беспредельного богатства беден я,
И, многим обладая, я неимущим чувствую себя.
Я жажду томлюсь при множестве великом вод.
(И вопрошаю я:) кто даст мне то, чем я богат?
И где найду (Того), Кого на всякий день я созерцаю?
Как удержу я то, что есть и внутри меня,
(А вместе) и вне мира, ибо совсем незрим Он?
Имеяй уши слышати да слышит,
Глаголы неуча истинно разумея.
Наша монастырская жизнь

Я благодарен Божиему Промыслу о нас: в нашем маленьком монастыре все мы из разных стран, разных языков и культур, неодинакового происхождения, но мы хотим жить по христиански: выше национальных сознаний, биологических патриотизмов и прочих подобных лимитаций; и это без отвержения или презрения к реальностям временного существования. Мы подвигаемся молиться за весь мир, за всего Адама. В этом отношении нам содействует и тот факт, что мы вне территорий Поместных Православных Церквей, где социальные

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org условия момента в той или иной мере вносят обособленность от других, хотя и братских, Церквей, вынуждают «свидетельствовать преданность народным идеалам», чтобы не раздражать государственные власти противодействием избранному ими курсу. Здесь, в Англии, мы – не имеющее ни значения, ни веса ничтожное меньшинство – свободны от давлений, снижающих уровень христианской свободы. Пусть в весьма ограниченных количественно случаях, но нам позволено зажигать в сердцах людей огонь, принесенный Христом, свидетельствовать о несравненной привилегии быть христианином.

Наша здесь (в Old Rectory) жизнь является НОВЫМ ОПЫТОМ, который далеко еще не достиг той фазы, когда мы смогли бы сделать какой-либо вывод для будущего.

Наш эксперимент ненаучен в том смысле, что мы его не организовываем сами. Больше того: мы даже не видим возможности такой «организации», поскольку ударение ставится на проявлении двух свобод: Божеской и человеческой. И та, и другая – не детерминированы. «Никто не приходит ко Мне, аще не Отец Мой привлечет его», – сказал Господь (Ин. 6:44). Наша установка, скорее, пассивная. Иначе говоря, мы не предполагаем активного действия с целью привлечь кого бы то ни было к нам. Мы оставляем все сие на Промысл Творца всех. Трудна для нас первая инициатива еще и потому, что мы не в состоянии материально обеспечить жизнь приходящих к нам. Приходящие к нам рискуют потерять все в плане социальном без гарантии в плане Духа. Ожидать от них такую меру решимости, при которой они были бы готовы на несение всех постигающих нас испытаний, мы не позволяем себе. Мы делим с ними все положительно при всей нашей бедности, не спрашивая от них ничего.

Не исключена возможность, что наш первый опыт в будущем даст некоторое основание другим монашеским объединениям идти уже более уверенно; если уместно здесь, то сказал бы – рационально. В новых условиях секуляризованного, научно-технического мира та форма монашеской жизни, которая создается у нас не надуманно, а в силу обстоятельств, может оказаться наиболее реальной для будущих поколений.

Я не проповедую, мало позволяю себе беседовать, словно мало занят я «образованием» приходящих ко мне монахов ли, мирян ли прихожан. В значительной мере это потому, что, живя на Афоне, я понял, что при такой общей жизни самым важным уроком является ПРИМЕР, «образ» жизни, а не слова. Как бы ни умножали мы словесное учение, если нет жизни, соответствующей слову нашему, вернее, слову Христа, все становится напрасным.

В самом начале нашей жизни в Англии я не раз говорил моим монахам, чтобы они не ждали от меня примера, достойного подражания. Говоря сие, я прежде всего думал о внешнем образе жизни, об аскетическом напряжении в плане поста, бдений и подобное. В глубине же моей души я полагаю, что от блаженного Старца Силуана я узнал нечто такое, чему я желал бы всех видеть подражателями. С самых молодых лет меня охватило горячее желание воспринять в себя полноту жизни, преодолеть смерть, дыхание которой непрестанно пугало меня своим присутствием. И когда мне было восемнадцать лет, говорю приблизительно, я с большой силою ощутил, что все преходящее теряет всякий смысл, если за ним не лежит Божественная Вечность. Иными словами, вся сила мысли, вся горячность устремления моего духа сосредотачивались на искании сей Божественной Вечности. Трудно, вернее, невозможно описывать этот таинственный процесс, столь напряженный и столь быстрый, что быстрота света физического ничто перед быстротою движений духа нашего. В те годы я познал, что Бог сотворил наш дух таковым, что в одно мгновение он может воспринять беспредельность Бытия. И когда является нам Свет Божества, тогда действительно в неизмеримо краткий срок мы видим безмерности духовного мира. Но также заметил я, что прежде сего «неизмеримо краткого момента откровения» мы проходим множество ступеней нашего развития, утончения нашего восприятия духовного. Даже Божией Матери откровение было дано постепенно, не сразу, не в один миг: если принять за начало данного Ей откровения день Благовещения, то концом его надо признать явление Ей Христа по воскресении, Его, Христа, вознесение и затем сошествие Святого Духа. Больше того: быть может, и в час Своей смерти Она получила еще новое дополнение к прежде познанному и лишь тогда восприняла в Свое личное бытие полноту Божественной жизни.

Так приблизительно должно происходить и с нами. Но каждый раз, когда является нам Свет Несозданный, он дает нам ощущение беспредельности Божественной и коренным образом изменяет всего человека. Вот, Старец

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Силуан, говоря о явлении Ему Христа, говорит о «внезапности» сего явления и о такой его силе, что если бы видение продлилось хотя бы одну секунду более, психофизический состав наш уже не смог бы вынести и человек должен был бы умереть. И в Библии мы встречаемся с тем, что явления Бога, то есть увидеть Бога – значило также и невозможность человеку остаться живым (см.: Суд. 13:22. Ис. 6:5).

Переселение наше в Англию было броском в неизвестность. У меня было мало средств, и они скоро истощились. Создалось отчаянное положение. Я молился Богу: утвердить немощных рук наших дело – алтарь для приношения Бескровной жертвы. И к сердцу моему коснулась благодать, которую я расшифровал так: «Если ты за истекшее время служения переживал Литургию должным образом, то будь благодарен за прошлое и не терзайся мыслями о будущем!» И я возблагодарил Господа за уже полученное сверх надежды, и мои беспокойства о грядущем стали менее сокрушительными.

Воистину я был исполнен благодарности Богу за излитое Им на нас благословение, но, странным образом, я понял, что если бы я достиг Литургию в ее подлинных измерениях, если бы я причастился в большей мере той любви, которая свела Христа на Землю и затем возвела на Голгофу, то, возможно, не было бы мне нужды повторять сей акт часто, множество раз вот уже полвека. Господь совершил Свою Литургию только однажды, но она пребывает в своем могуществе и беспредельности во все века и дальше временных веков. Мы не достигаем в полноте соучастия в земной жизни Христа Иисуса, поэтому нуждаемся повторять сие священнодействие, чтобы оно глубже отпечатлелось на теле нашего бытия, чтобы возросла в нас любовь Божия и овладела всем нашим существом и ныне, и в грядущем Царстве.

«Искуплены мы от суетной жизни... драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного прежде создания мира...» (1 Пет. 1:18–20). Искупление наше мы разумеем в том, что теперь нам, всему миру, всем народам «во имя пострадавшего и воскресшего Иисуса проповедано покаяние и прощение грехов...» (см.: Лк. 24:46–47). До Христа никто не имел полного познания о путях, ведущих в Царство любви Отчей. Теперь нам открыта сия тайна. По вере во Христа нисходит на нас благодать Духа Святого, Который учит нас и содействует нам в хранении заповедей о любви к Богу и о любви к ближнему. В этом – наше искупление. Крестная смерть Иисуса Христа не искупляет нас «юридически», чтобы не сказать «автоматически», без того, чтобы мы коренным образом во всецелом покаянии изменились и стали жить в духе заповедей евангельских. Без покаяния мы не способны воспринять прощения. Покаяние же (по-гречески – «метания») означает радикальное изменение нашего разумения вещей, усвоившегося нам в состоянии падения.

Искупление не завершается односторонним актом Божиим. И обожение также есть двусторонний акт: Бог – дающий; человек – воспринимающий. Бог не действует насильственно, и спасение не приходит автоматически за «заслуги» Христа. Благодать, спасение, обожение – все, исходящее от Бога, есть чистый дар, но, чтобы воспринять сие, мы проходим трудный подвиг истощания в покаянии, иначе не раскрывается в нас способность ассимиляции Божественной формы бытия. Возможно, что мы не достигаем глубин истощания в течение нашей жизни в этом теле, но в умирании нашем нам может быть дано и сие.

Я повторяюсь: никто из людей не достигал в исчерпывающей полноте Христова истощание, но верующим в Него непременно дается опыт бытийный Его страстей, иначе было бы невозможно верить и знать Его ТАК, как познали миллионы людей за истекшие два тысячелетия. Я говорю о необходимости «аналогии» в жизни нашей с жизнью Самого Иисуса. Он Сам говорил об этом таким образом: «Я – свет миру» (Ин. 8:12); в другой раз, обращаясь к ученикам и, быть может, к народу: «Вы – свет мира» (Мф. 5:14). Господь проводил аналогию между Собой, Светом безначальным, и нами, то есть уверовавшими в Него, светом отраженным. Нет полного тождества, но аналогия непременно должна быть.

Самоуничтожение – истощание до опыта ада предстоит христианину, «желающему жить благочестиво» (2 Тим. 3:12). Это есть образ бытия, открывшегося нам в Троичном Боге любви.

Любовь, мудрость, всеведение, творческая сила могут являться атрибутами только Персонального Бога. Союз с Ним – до преизбытка жизни (ср.: Ин. 10:10).

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Наш опыт в Эссексе не является подражанием кому бы то ни было. Строим мы свою жизнь в реально данных условиях, исключая для православных хранение в полноте внешних форм, созданных в последние века. Быть может, кто-нибудь назовет результаты творчества наших ближайших отцов «классическим монашеством», но я лично испытываю большее влечение к первым векам зарождения великой аскетической культуры нашей Церкви. В границах Поместных церквей (Греция, Россия, Болгария, Афон, Сербия, Румыния и др.) по инерции удерживаются еще привычные установления, но повсюду, даже на Святой Горе, входят понемногу изменения, вызванные отличиями новых поколений от старых. Перемены замечаются во всех планах. Современники наши не обладают выдержкой, ни физической, ни психической, которая сравняла бы их с отцами. Замечается приход, скорее, образованных людей, развитых интеллектуально, но воспитавшихся в условиях едва ли не совсем безмолитвенных, и которые лишены духовных опытов, свойственных младенцам, детям, юношам и так далее. Скорым темпом изменились и продолжают изменяться социальные и экономические структуры государств. Некоторые западные монастыри перешли уже к индустриальным производствам, не требующим грандиозной организации, но все же далеко не всем доступным материально. И многое подобное. В мои цели не входит детальный разбор всех трансформаций как внешних, политических, так и внутренних, психических, приводящих к необходимости найти разрешение этих жизненных проблем.

Мое знакомство с наиболее классическим монашеством (говорю об Афоне) дало мне смелость не останавливаться перед внешними трудностями нашего века, но так, чтобы свято и крепко пребыть в том, что непреходяще в нашей аскетической культуре. Постольку, поскольку оказалось возможным, и мы не отбрасываем установившихся форм в одежде, в соблюдении наиболее важных литургических традиций, богослужебных уставов, но главное внимание обращено на воспитание приходящих в плане богословия, разумения аскетических принципов, дарованных человечеству воистину Духом Святым. Мы ищем путей углубить наше покаяние, достигнуть через плач подлинной молитвы, доходящей до Всевышнего, использовать плоды монашеского послушания. Мы почитаем все, к чему через тяжелый подвиг пришли предыдущие роды, храня заповедь Божию: «Чти отца твоего и мать твою» (Мф. 15:4), то есть почитай их не только как живые лица, но и приобретенные ими через долгий путь познания. Сие так сильно соблюдается в научном воспитании, где строение дальнейшей культуры является обогащением предшествовавшего знания. Невозможно нам обогащать данное свыше Откровение, не надеемся мы углубить опыт апостолов и отцов, но идти вслед за ними до последней нашей силы – мы стремимся. Задача всех поколений христиан – не умалить дара Божиего человечеству через воплощение Логоса и сошествие Святого Духа. Так мы понимаем наше положение.

У нас нет специального монастырского установления. Мы все время стараемся быть в напряженном внимании и реагировать на все обстоятельства соответствующим образом. Когда нас спрашивают, почему мы не имеем зафиксированных уставов, то мы отвечаем: «В наше время мы не можем предвидеть, какие изменения во всех отношениях могут произойти завтра. Всякая форма историческая – условна. Не подлежит никакому изменению лишь положенный в основание пути ко спасению образ жизни, показанный нам Христом, усвоенный дивными древними отцами». Дорога нам свобода, «которую даровал нам Христос» (Гал. 5:1). Но бесформенность бывает двух родов: одна стоит «ниже формы», другая – выше всякой формы. Это подобно вопросу о власти. Есть анархия страшная, преступная, но есть и иная, божественная, превышающая всякий внешний закон (ср.: 1 Кор. 15:24). Там, где дышит дух любви, там не остается места для законных установлений. Умаление любви, появление преступлений против этой любви ставит пред необходимостью полагать пределы преступности. Апостол Павел пишет к галатам: «Для чего же закон? Он дан после (падения) по причине преступлений...» (Гал. 3:19). Закон дан Богом. «Закон свят» (Рим. 7:12). Живущих во грехе закон руководил к познанию греха. Закон, в этом смысле, является руководителем к праведности, но только до известных пределов, ибо ветхозаветный «ЗАКОН НИЧЕГО НЕ ДОВЕЛ ДО СОВЕРШЕНСТВА» (Евр. 7:19), хотя и был дан Богом. Для нас, христиан, всесовершеннейший канон истины – заповеди Христа. Все иные законы суть следствия преступлений, праведникам же он не положен. «Закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорливых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для отцеубийц и матереубийц, для блудников, мужеложников, клеветников, скотоложников, человеко-хищников, лжецов, клятвopреступников и для всего, что противно здравому учению, по славному благовестию (Евангелию) блаженного Бога, которое (Евангелие) мне вверено» (1 Тим. 1:9–11). Мы стремимся не забывать слова Господа: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев (закон

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Моисеева), то вы не войдете в Царство небесное» (Мф. 5:20).

Всякая внешняя форма – ниже замысла Божия о человеке. Отцы, основоположники монашества, вели своих учеников к совершенству через уставы и формы, никогда не упуская из виду, что «суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк. 2:27–28). Сказанное о субботе относится ко всякого рода учреждениям, уставам и подобным им внешним формам организации, особенно когда они абсолютизируются в сознании людей.

Институции необходимы вначале. Продолженные до пределов жизни, они становятся препятствием для духовного возрастания до полной реализации ОБРАЗА БОЖИЯ, до уподобления Христу.

Даже в нашей Православной Церкви практически иногда возможно наблюдать, что человек умален пред «субботой». Пока живы были отцы, должное применение уставов гарантировалось ими. В массах еще не преодолено примитивное сознание. Сколько времени понадобится человечеству, чтобы перешагнуть эту ограду, чтобы войти в Царство свободы «чад Божиих» (см.: Флп. 2:15), для которых единственный закон их вечного бытия состоит в неизменном пребывании в ЛЮБВИ ОТЧЕЙ (ср.: Ин. 15:10)!

Ни Гефсиманская молитва, ни Голгофа Христа не кончатся, доколе существует сей мир. Так, апостол Павел «в плоти своей восполнял недостаток скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1:24). Христос страдал и страдает не только в той плоти, которую воспринял и носил во время земной жизни Своей, но и в плоти всех верных Ему тех, кто последовал Ему. Так будет, доколе не очистится внутри нас место для пребывания в нас одного Христа: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Если мы успех или неуспех наших начинаний будем принимать как критерий нашей правды или неправды, то останемся рабами сего мира и не сделаемся рабами Христа. Чтобы служить Христу всецело, необходимо стать свободными от власти мира над нами. Игнорировать суд людской может быть следствием презрения к ним, и это гадко. Но быть судиму словом Божиим прежде всего, независимо от впечатления, которое производим на посторонних нам, приближает нас к «свободе, которую даровал нам Христос» (Гал. 5:1).

Следовать неуклонно заповедям Христа – неизбежно приводит к конфликту с миром. Необходимо мужество, чтобы решиться на сей конфликт, принимающий формы парадоксальные, болезненные. Все наше существо (ум, душа, тело) страдает, потому что странным образом заповедь Христа о любви ставит нас в оппозицию с теми, к кому любовь заповедана. Вызывается сие противоречие тем, что подавляющее большинство пытается втиснуть Христа в узкие рамки своих земных пожеланий, мыслей, страстей. О человек, образ Абсолютного Бога, как ты умалился в своих же очах!

После того как было дано узреть образ Бога, каковым он был в «начале», видеть его извращенным больно сердцу. Падение столь ужасно, что никакие деяния, никакие молитвы не приводят с необходимостью к искомому результату. Соппротивление людских масс Духу Христа чрезвычайно велико. В скорбном предстоянии нашем пред Богом за весь мир душа погружается в отчаяние. Мрачная стена, непроницаемая для света, высится пред нашим духом. И если Дух Божий в этой молитве не изведет нас в область, где забывается мир, то преобладает некое, пусть малое, подобие Гефсиманскому томлению. Истинно учение блаженного Старца Силуана, что когда душа возвратится из сладостного покоя в Боге, при забвении о Земле, к памяти о мире, тогда снова и снова с умноженным состраданием желает она всем познания неисповедимой радости спасения в Боге.

В силу сказанного выше мы решили сосредоточить наши малые силы на том, что представляется нам наиболее важным. В данном нам Промыслом месте, в стране, высоко цивилизованной, мы не можем себе позволить принимать простых людей. Мы предлагаем им ехать в страну православную, а здесь все монахи должны знать, почему они православные, как понимают они монашеское призвание и служение. Во внутренней же жизни, без уставов, от всех членов нашего братства мы ждем подлинного понимания необходимости сознания каждым своей ответственности пред Богом и перед братьями и сестрами. Эта персональная чуткость к нуждам каждого другого члена и готовность самоотверженного служения общим интересам, а не своим индивидуальным – нам необходима. Без этого условия мы не устоим ни духовно, ни материально. Самым существенным

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org моментом, конечно, является Божественная Литургия. Не располагая возможностью установить традиционную безмолвническую (исихастов) жизнь в современных рамках, мы следуем советам отцов наших: стремимся удержать литургическое служение со страхом и насколько возможно глубоким пониманием смысла сего Божественного акта, лежащего в основании спасения мира.

Мы считаем таковые порядки более благоприятными для личного духовного роста каждого брата и каждой сестры. Персонализм христианский является высочайшей, но и труднейшей задачей. Быть по образу Христа, молиться за весь мир, как за самого себя, следуя примеру Старца Силуана, – вот в чем состоит спасение во Христе. Да поможет нам Сам Господь продвигаться на сем святом пути, давая нам свыше всякого рода силы и разум.

Пред нами стоит необходимость сочетать наш молитвенный и аскетический акт с посильным усвоением лежащего в основе духовной жизни догматического православного сознания. Мы изучаем богословие не столько в его академических формах, сколько с целью подлинного проведения во всю нашу жизнь духа Божественного Откровения. Познание Бога неотделимо от истинного благочестия. Но сие познание, конечно, не приходит скоро. Ему предшествует самое полное покаяние и упорная борьба со страстями. Только в единстве с познанием становится монашеский подвиг полноценным.

Православный монах стремится к восприятию Откровения в его полноте и неповрежденности. Отсюда для него нормально предаться всецело в руки Бога, Творца нашего. Если спасение есть обожение человека, то надо ожидать сего от Самого Бога. Для сего надо исполнить заповедь Христа: «возлюбить Бога до ненависти к самому себе» (см.: Лк. 14:26). Ища полноту дарований Божиих, естественно, мы должны отдаться всей полнотой нашего существа: сердце-душа, ум-дух, тело (ср.: Еф. 3:19).

Православие мы понимаем «динамически». Никто из благоразумных не назовет самого себя всецело православным. Только Церковь – Православная, а мы должны стремиться к тому, чтобы воспринять ее учение в полноте и непогрешимости. Быть ПРАВОСЛАВНЫМ – значит быть святым по жизни и совершенным в познании Божественной Истины.

Монашеское отречение есть положительный акт. Цель его – возможно полное самоопределение пред Лицом Бога. Это есть преодоление «земного притяжения». В глубине своей сей акт есть показатель действующей в нас живой силы вечности. Внешне сие выражается в форме отрицания. Сей «отрицательный» аспект есть показатель еще не преодоленных в нас страстей, «закона греховного» (ср.: Рим. 7:23; 8:2).

Самый акт отречения есть лишь НАЧАЛО новой жизни, еще далеко не вполне ассимилированной нами. Впереди раскрываются чрезвычайные, грандиозные перспективы, которые обязывают нас освободиться от всего другого, пойти на всякий риск, вплоть до смерти. Самый акт отречения монах не считает еще чем-то великим, хотя должен уже в этом подвиге отречения разуметь, что необходимо все прежнее оставить позади: забыть отца и мать, братьев и сестер, друзей и имения и даже «душу свою возненавидеть», чтобы идти свободнее на распятие любви Христовой.

В современном мире в процессе его весьма глубокого изменения, революции, большей частью отрицательного в духовном смысле характера, сие отречение требует большого разума и зрелой воли.

Опытное, «бытийное» познание Бога достигается через пребывание в духе заповедей Христа. Таким путем познание может стать достоверным, исключаящим сомнения. Однако Бог превосходит меня: я не могу вместить Его вполне. В силу этого остается неизбежным элемент веры. Но этот элемент вовсе не колеблет мой дух, не вносит недоверия. Подобно тому как мы в обычной нашей жизни воспринимаем пространство: мы не постигаем его бесконечности, мы не воспринимаем его пределов, но мы не сомневаемся в его наличии, – оно реально для нас, хотя и превосходит наше понимание.

Итак, вначале – вера, по любви к слову евангельскому, несмотря на сопротивление иногда нашего рассудка. Затем опыт, принимающий форму познания. Умножение опытного познания (ср.: 1 Кор. 13:11) начинает превосходить первую, «детскую» веру, но это не значит, что мы совершенно превзошли ее. Познание наше хотя и сделало нас свободными от сомнений, однако остается недостигнутой полнотой познания: «Теперь мы видим как бы

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» от Бога (1 Кор. 13:12).

Первая вера – «побеждает мир» (1 Ин. 5:4), то есть притяжение Земли, сферу плоти, темницу пространства и времени. Вторая вера – свойственна человеку, возводимому в сферу нетварного Света. Итак, вера сливается с познанием, а сие последнее неразрывно связано с любовью: «возлюби Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением, всею крепостью» (Мк. 12:30).

Первая вера выражается в болезненном подвиге жить по закону любви Божией. Если я позволю себе говорить исходя из моего опыта, то должен подчеркнуть, что СТРАХ остаться вечно недостойным Святого Бога был во мне сокрушающим; он был для меня источником энергии к преодолению многих препятствий. Суд Божий бывал и продолжает быть воистину СТРАШНЫМ. Полюбив Христа, я пребывал в УЖАСЕ не удостоиться познать Его должным образом. Он был и есть в моем глубоком сознании ИСТИНА, лежащая в основе всего Бытия, временного и вечного.

Победа над миром возможна только через ВЕРУ (см.: 1 Ин. 5:4). Вера есть следствие рождения свыше, от Бога. Вера наша есть вера в Божество Христа Иисуса. Сия вера есть духовное чувство, стоящее выше рассудочных операций. Рассудок, если ему отдано первое место в нашем бытии, неизбежно приводит к потере веры. Он, рассудок, стоит на земной почве твердыми ногами. Все, что выше, ему недоступно. Вера есть уже некое присутствие Божие в нас. Через веру, как тончайшую интуицию, человек восхищает высшее познание. Превзойти сей мир тварный рассудок не в силах, но вера, как вдохновение свыше, совершает сие чудо в нас. Вера приводит нас к преддверию в Несотворенный мир. Через веру мы становимся способными воспринимать наше бытие в категориях вечности. Могущество веры велико, и красота ее неопишима. По введении нас в осуществленное Царство Отца она вся становится чистой любовью.

Монах, взирающий на стоящую пред ним цель – воспринять христианское Откровение в его вечных измерениях, не может принадлежать ни к какой партии или категории мира сего. Мысль подвижника стремится найти путь к мысли Бога Отца о Человеке и слиться с нею навеки. Это задание вырывает его из всего, что носит на себе печать земной ограниченности: расовой, классовой, политической, психической, интеллектуальной, культуры определенного плана. Мы просим в молитве: «Да придет Царствие Твое» в надежде, что Бог Отец ниспешлет на нас Духа Своего, носящего в Себе все сущее, дабы Сей вселился в нас и сделал нас гражданами сего Непокколебимого Царства.

Наш блаженный отец Силуан учит нас понимать монашество как молитву за весь мир: «Монах – молитвенник за весь мир: в этом его главное дело».

Монах – значит один. Никто никогда не жил такого глубочайшего одиночества, как Христос. До последних минут Его жизни на Земле никто вполне не понимал Его, не был в силах разделить Его скорбь, Его любовь, Его мысль. Было полное отсутствие понимания, что видно из приведенных в Евангелии бесед Христа. Итак, опыт «одиночества» всем нам нужен и важен. В момент умирания все равно будем проходить через сие испытание, когда прервется контакт с окружающими, если они обретаются. Как Христос говорил в Свое время: «Наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели мир во Мне» (Ин. 16:32–33). Так и мы не останемся в одиночестве в час смерти, но Он будет с нами, и в Нем мы обретем мир.

От Бога нам дана заповедь о любви, потому что Сам Он есть любовь. И если Господь «возлюбил нас до конца» (см.: Ин. 13:1) и умер на Кресте (для того времени самой позорной и тяжелой смертью), то и мы должны умереть за него, если возлюбили Его «до конца».

Час смерти неизбежен для земнородных. Но, прежде чем он придет, нужно нам готовить душу нашу к тому, чтобы, благословляя Господа, испытать предстоящую нам чашу умирания. Начинать возможно с малого: приучать себя предаваться на заклание ради Христа, помня апостолов, и мучеников, и многих вообще святых. При любви к Богу кончина наша будет болезненной главным образом для тела. А при великой благодати даже и болезнь может уже не восприниматься в надежде освободиться от уз плоти и всецело погрузиться в море Божественного Света. Сие погружение вовсе не значит, что наша личность (ипостась) растворится в сем море, как капля соли. Наоборот: это есть достижение в беспредельность

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Божественной любви, которая все сущее объемлет в себе; когда и Бог, и все тварное явится содержанием жизни спасенной ЛИЧНОСТИ. Божественная любовь смиренна; она не заключается в замкнутое кольцо себялюбия; ей свойственно раскрываться в ее ненасытимом, неиссякаемом порыве к возлюбленным. Замкнутое кольцо есть гордость, закрытая для истинной любви. Смирение, явленное Христом, есть характер Божией Любви, самоистощающейся неистощимо, в предельном напряжении никогда не умаляемой, не оскудевающей жизни.

Здесь приближение к этой любви выражается в молитве, которая не оставляет сердце ни на минуту даже во сне. Сердце чувствует особую теплоту жизни, иногда как бы «жар», иногда как бы тает от блаженства. Этому состоянию свойственно одновременно ощущать некую боль и радость.

Схематически богословие монаха-аскета можно представить так: любовь к Богу дает подлинное ведение о Боге в силу действенного общения с ним. Сия любовь умножается в нас по одержании победы над страстями. Христианское бесстрастие может приблизить нас к единственному истинному богословию, которое есть уже вечная жизнь (ср.: Ин. 17:3). Последний возможный на Земле предел живого богословия есть мученичество за Христа. Оно не есть только насильственная смерть, претерпеваемая за исповедание Христа во времена гонений. Мученичеством за Христа почитается ВСЯКАЯ скорбь, поднимаемая за осуществление в сем мире заповеди Христа, и особенно о любви к врагам. Сие есть настоящее «несомненное мученичество». Любить врагов способен только тот, кто, по слову Христа, «видел Царствие Божие, пришедшее в силе» (ср.: Мк. 9:1); кто губит душу свою в следовании за Христом. Не в этом ли существенный смысл слов Господа: «Погубивший душу свою Меня ради и Евангелия спасет ее (сбережет ее), а берегущий свою душу в мире сем отказом следовать Христу, потеряет ее» (ср.: Мк. 8:35)?

Богословие монаха в том, чтобы через молитву достигнуть созерцания Бога. Богосозерцание, которое имеется здесь в виду, совсем не то же, что философское созерцание или научное богословие. Христианское созерцание есть приобщение Божественной жизни; оно сверхрационально и в своей последней чистоте протекает вне всяких рассудочных демонстраций. Доколе монах в этой плоти, его рациональное мышление, в свойственной ему форме, будет привлекаться к усвоению откровенных истин, но не ему отдается преимущественное место, а налагается на него задание следовать мудро за духовным опытом благодати. Рассудок не должен превалировать над дарами свыше, не должен предварять их. Для рационалистов именно рассудок является опорой всякого суждения. Если отодвинуть его (рассудок) на второй служебный план, то он теряется. Для монаха опора – заповеди Христа. Монах отрицает за рассудком, особенно в данном состоянии нашего падения, право последнего суда над заповедью Божией, которая, несомненно, превосходит меру человеческого ума. Это не значит, что прежде совершенного опыта благодати человеческий рассудок лишен всякой возможности оценить достоинство Божиих повелений. Заповедь Божия в ее наиболее совершенной степени для рассудка представляется БЕЗУМИЕМ, а до сих высоких степеней она может уживаться с естественным разумом.

БЕЗУМСТВО, то есть СВЯЩЕННОЕ БЕЗУМСТВО, о котором говорит апостол Павел (1 Кор. 1 и 2 главы), начинается, когда речь доходит до любви к врагам, до ненависти к себе, до погубления души в мире сем. Однако БЕЗУМСТВО сие по существу есть восхождение выше всего преходящего, что доступно человеческому разуму; оно есть «премудрость Божия, тайная, сокровенная, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор. 2:7). Она открывается Духом Святым, Который пронизывает глубины Божии.

В падшем мире установлена обратная иерархия: попытки оправдать Бога нашим разумом (что невозможно); поставить Откровение Писания на суд разума (что значит опрокинуть иерархию ценностей), через отдавание примата рассудку искать принудительных доказательств (как в математике) для веры или неверия, и подобное.

Но все же стоит вопрос для всех нас: каким образом можем мы, люди, совершить свой ВЫБОР, КУДА и ЗА КЕМ ИДТИ? первый акт выбора происходит в глубинах нашего духа – тех глубинах, которые некоторые склонны именовать иррациональными (часто в негативном смысле). Для нас это есть «сверхлогическая интуиция», «внутреннее влечение». Лишь позднее, по истечении значительного времени, и особенно после опыта Гефсиманской молитвы, приходят подлинно разумные бытийные оправдания, нравственные или логические. Опыт посещения Несозданным Светом открывает новый мир духовному

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org зрению. Но ничто из всего этого не подлежит рассудочным доказательствам. Просто опыт; «...блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17); «...вам ДАНО знать тайны Царствия Небесного, а им не дано» (Мф. 13:11); «Утешитель, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, НАУЧИТ вас» (Ин. 14:26); «...но, как написано: не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, ЧТО приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

Не знаю, что сказать о решающем моменте ВЫБОРА. Простите, но мне после долгих «безумных» молитв выбор был указан до невыразимой очевидности.

Церковь не принимает монашество тех лиц, которые приходят к нему по гнушению естественным браком.

Монашество, как исключительный путь, сопряжено с трудным подвигом. Не плотская страсть, не безбрачие или пост составляют главную трудность. О, нет. Есть многое другое, более болезненное, чем телесное воздержание. Например: отречься от мира страстей, не имея более в нем жизни, не достигнуть в течение многих лет, иногда до конца жизни, мира любви Божией. Монашество, в сущности, есть борьба за стяжание любви Духа Святого. Там, где забыта эта цель, там утерян смысл монашества; там, где нет любви, нет и спасения. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8). Любовь всеобъемлющая, нетленная, неопишная. Совершенная любовь на Земле принимает характер странный: она связана с отвращением, ненавистью к себе самому, пленнику страстей. В мудрой жизни по Богу мы приходим к тому, чтобы возлюбить или, по крайней мере, не бояться «трудного». В своей крайней форме это и будет – ненависть к себе. Без такой ненависти невозможно победить страсти, а следовательно, исполнить заповеди.

Поскольку подлинная любовь переносит жизнь в существо любимое, так что возлюбленное становится содержанием нашей жизни, поэтому, доколе в нас живет самолюбие, не можем мы любить Бога в полноте. Совершенная любовь к Богу возможна лишь при условии святой ненависти к себе. И когда нам дается такая любовь, тогда только Бог будет вся наша жизнь; тогда умрет в нас семья тления; тогда Господь с Отцом и Духом Святым творят из нас Свою вечную обитель. Тогда Бог познается не отвлеченно, но всем нашим существом. И наша личная жизнь сливается с Божией воедино, становится событием. Это есть также и истинное богословие как состояние нашего духа. Нам нужно не забывать о таком роде нашей жизни. Все тяжкие положения составят наш «крест».

Когда все это совершается с нами, тогда наша персональность, личность, ипостась достигает своей актуализации как завершение нашего возрастания в Боге, как достижение нами полноты Образа, по Которому мы созданы.

«Много скорбей праведному» (Пс. 33:20), но одна из самых глубоких, когда делатель любви Христовой в ответ на свое смирение встречает отвержение и даже ненависть со стороны тех, по отношению к кому была проявлена любовь.

Обратимся духом к созерцанию жизни Богоматери. Она, движимая сверхъестественным состраданием к страждущему человечеству, Свою молитвою привлекла на Землю Единородное Слово Отчее. И вот после того, как благоволением Отца Небесного Она родила непостижимым для нас образом Бога Слова плотью, была поставлена в положение, о котором страшно и говорить. Те, за кого Она молилась, те, которых Она любила и ради которых влекла Его на Землю, отвергли и распяли Ее Единородного Сына, несравненного, безмерно любимого. Есть ли некое подобие сему страданию? Представим себе женщину, глубоко и сильно любящую своего мужа и единственного сына. И вот, этот последний в порыве своего безумного гнева убивает отца, трудившегося над его воспитанием. Я думаю, что даже такая женщина еще не достигает меры страданий Богоматери. Святой Симеон Богоприимец пророчествовал о Ней: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2:35).

За мою жизнь более чем полвека монашества я встретил отцов, с глубоким плачем о всем мире молящихся Богу. И удивляюсь, что этот мир в ответ на их любовь отвечает совершенно непонятной неприязнью, клеветой, часто гонениями, даже в наше время, до массовых убийств подвижников любви Божией. В то время как терпят неизбывные безобразия миллионов молодых и нередко даже немолодых людей, совершающих всякого рода наглости, насилия и подобное, за малейшее уклонение от норм высокой нравственности какого-либо монаха требуют уничтожения всего сего «бесполезного рода». В этом они,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
монахи, уподобляются Христу, которого за Его любовь распяли люди мира сего.
Да будет и в этом воля Отца Небесного, посылающего нам сию чашу.

Прямой путь есть внутреннее монашество (монашество-покаяние). Идущие этим путем до конца – вожди человечества в плане познания Истинного Бога. Вне сего прямого пути до конца нет полноты познания. Служить ближнему, прежде чем сам познаешь Бога, конечно, по-настоящему невозможно. Все те, которые начинают свое шествие к Отцу Небесному через служение ближнему, видимое служение, хотя и носят в себе весьма доброе и даже богоугодное стремление, однако помогают братьям своим лишь на поверхности, а не на глубинах Бытия. Многие верующие, к сожалению, не понимают совершенной необходимости существования «прямого», мироотреченного монашества не только для их личного спасения, но и для сохранения духовного предания отцов, для более углубленного проникновения в мир Божественный всего церковного тела. Все понимают важность – и для науки, и для искусства – наличия людей, отдающих этой задаче все свои силы, всю свою жизнь, но в сфере богопознания, превосходящей безмерно все иные области знания, предполагают достаточным отдать для молитвы лишь немного времени. И это настолько, что доходят до мысли о ненужности вообще монашества.

Прежде чем стать способным служить, да еще в качестве наставника или руководителя, нужно самому пройти ад покаяния, победить вековой спор человека с Богом в самом себе, получить от него благословение через озарение Несозданным Светом, утвердиться в преданной любви к Отцу нашему, терпеливо нести постоянное присутствие Его, Страшный Суд Его на каждом шагу нашей повседневной жизни. Без всего этого как может кто-либо явиться вождем других к Богу? «Слепой слепца» водить не способен, ибо оба они падут в яму, по слову Господа (см.: Мф. 15:14).

Сознавая себя не обладающим даром служения, со дня моего призвания к сей чрезвычайно важной функции в Церкви я пребываю всегда в болезненном страдании и за себя самого, и за всех других, обращающихся ко мне. Молюсь всей силой души моей, чтобы Господь Сам нашел бы способ восполнить мои недостатки неотступным пребыванием со мною в часы моего духовнического служения. Внутренним криком молюсь о помощи мне, слепому, не попустить мне впасть в ошибки, могущие повредить брату моему на его пути к Богу.

Школьное богословие дает сведения об учении Церкви, о событиях в истории ее, об отцах и подобное, но редко сообщает бытийное познание Бога. Можно это выразить такой формулой: «Знать, что учит Церковь о Боге, – одно, а знать Бога через пришествие Его в человека – другое». Те служители Церкви, что полагаются на свои дипломы, могут при руководстве людьми или управлении церковными делами впадать в весьма опасные ошибки не только для отдельных лиц, но и для всей Церкви. Им важно осознать свою недостаточность в порученном им служении и не без страха пред судом Божиим восчувствовать свою ответственность. И им совершенно необходима самая усердная молитва на всякий день, при всяком деле, вымаливать сердечным плачем благоугодное для Бога слово. Только при этом условии – и их литургическое служение, и административное или пастырское – таковое будет насыщено дыханием свыше и оживотворит все Тело Вселенской Церкви.

О пройденном пути

Нормально в моем возрасте ощущать приближение конца. Также естественно остановить свой взгляд на прошлом в его целом. Конечно, я весьма многое забыл, и неудивительно: ведь в течение десятилетий мой ум не возвращался на себя. Благополучнее обстоит дело с моими духовными опытами, врезавшимися в тело моего бытия, быть может, неизгладимо. Прежде всего имею в виду мои преступления пред Богом и затем Его благодеяния, излитые на меня щедро. По мере продвижения моей работы восстанавливались в памяти моей события, о которых я не вспоминал уже полвека. Не исключено, что многое стерлось уже совсем или скрывается в глубинах моего существа до времени Страшного Суда Божиего.

Если когда-нибудь кто-либо будет читать написанное мною, то прошу его молиться за меня, не отягощаться неизбежными повторениями, хранить в памяти перечисленные основы христианской жизни, не требовать от меня точных формулировок (что и невозможно вообще), потому что меняются способы выражений, смысл многих слов в течение времени также подвержен изменениям. Искать через молитву мою мысль в ее бытийной реальности, а не индивидуальной деформации, возможной всегда в силу неодинакового процесса

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
вхождения в Божественные сферы бытия.

На мою долю выпало в прошлом немало скорбей; и я множество раз бывал в обстоятельствах, которые ставили меня пред лицом смерти. И волею, и неволею, наблюдая страшные бедствия и катастрофы, сначала в пределах моей родины, затем и в других странах, я научился жить мои тяготы не только в узких рамках моей индивидуальности, но и как откровение о страданиях всего человечества в планетарных масштабах, в вековом потоке нашей трагической истории. Молитва моя принимала при этом формы агонии, и в ночной тишине Святой Горы слезы иногда текли ручьями и подолгу, до изнеможения. Откуда сообщалась мне такая сила, кто тогда бывал со мною? Конечно, Он, Христос, потому что мой ум и сердце жили в Нем и через Него уже я жил Отца и Святого Духа, да и все человечество... В моем настоящем опустошении я теперь не узнаю себя.

Моя жизнь совпала с эпохой страшных событий в мире вообще, и в первую очередь, и особенно в той стране, где я родился. Всякий раз, когда в моем сознании возникает прошлое, я до глубины и с благодарностью удивляюсь Промыслу Бога моего обо мне: столько раз я бывал в положениях, в которых люди погибают, но я выживал, опасности удалялись, и Господь находил для меня новый приют. В моей молитве за мир я жил все человечество, поэтому всякое место было для меня Богом данное: повсюду я был гражданином всей Земли. Но мое социальное положение, как русского эмигранта, было далеко не легким. И я, как и подавляющее большинство моих соотечественников, переносил общественную деградацию, нищету, несправие, беззащитность, скитания. Этого рода испытания, с одной стороны, дали мне на моей шкуре узнать, что значит насилиями сколоченная пирамида общественной жизни, с другой – соответствовали моей духовной потребности, когда необходимым было быть свободным от материальных забот ради изобильного досуга для молитвы; и главным образом в пустыне: там я действительно был одним из самых нищих пустынных. Но этот опыт драгоценен для меня, как дар исключительной привилегии: молиться «чистым умом».

Я стыжусь, как маленький мальчик, который вынуждается открыть свои секретные мысли о том, что превосходит его меру, а именно: два апостола занимают в моем духовном бытии особое место – Павел и Иоанн.

Путь первого, Павла, мне более других близок. С самого начала моего возврата ко Христу я связан с ним. Его послания ярко рисуют ту борьбу, которую он вел, защищая свою миссию от всех наветов; также и его покаяние за те преступления, которые он совершил против Христа и христиан. Все сие помогало мне в некоторые часы отчаяния, когда меня безжалостно отталкивали те, в ком я нуждался в той или иной мере.

То благословенное «отчаяние», которое даровал мне Господь Иисус, источало такую молитву в моем сердце, что мне не было времени останавливаться на чем бы то ни было долго; сие чудное отчаяние бросало меня в неопишемую бездну, где утопали все скорби. Да будет слава Богу Спасителю моему во веки веков.

Когда мы что-либо весьма трудное переживаем, то в самом том времени мы, естественно, только страдаем. По прошествии же некоторых сроков воспоминание о данном нам опыте становится приятным, так как мы вышли из него обогащенными духовно. В пустыне я познал такую нищету, что в Европе едва ли кто может вообразить нечто подобное. Но, возвратившись в Париж и затем приехав в Англию, я счел себя вправе (духовно) говорить слова утешения бедным людям, погранным и отверженным, больным и гонимым, хотя материально мое положение существенно изменилось. Редки случаи, когда я стою перед страдающими в большей мере, чем мне пришлось переносить за мою жизнь. В таких случаях я уже не дерзаю утешать, а только молюсь Богу и о них, и о себе, чтобы ниспослал нам силу терпеть без ропота выпавшее по Промыслу Его о нас.

Больше того: ныне, на закате дней моих, я решаюсь писать даже о дарованиях Божиих, излившихся на меня. Я думаю так: если меня помиловал Господь, то, значит, Он всякого человека помилует, и больше, чем меня. Конечно, если человек тот обратится к Богу в молитве покаяния о содеянных грехах. Нет никого, кто чист от греха: следовательно, всем нужно покаяние. Я боюсь умолчать о милосердии Спасителя нашего; надеюсь, что кто-нибудь и через мое слово воспрянет духом и мужественно возьмет на рамена свои бремя Христово. О многом поневоле я умолчу, чтобы не восполнять стершееся в памяти моими теперь догадками и воображением. Не без чувства стыда осмеливаюсь совершить

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org акт моей исповеди пред лицом многих. Я полон страха, но черпаю мужество из слов, данных пророку Иеремии свыше: «Не малодушествуй... чтобы я не поразил тебя... Они будут ратовать против тебя, но... Я с тобою, чтобы избавлять тебя» по смерти твоей, как покрывал Я тебя в жизни твоей (ср.: Иер. 1:17 и 19).

Ныне в моей повседневности я окружен, многими любящими меня, заботящимися обо мне. Знаю, что немало есть таких, с которыми я не имел счастья встретиться, но которые расположились ко мне с благодарностью за то, что я дал народу узнать Старца Силуана. И всех сих я прошу молиться за меня по смерти моей: да простит мне Господь все вольные и невольные грехи мои.

Преподобный Серафим Саровский († 1833) говорил: «добродетель не груша, скоро не съешь». Полагаю, что святой имел в виду бесстрашие – венец длительного подвига. Надо достаточно долго жить, чтобы как-то приблизиться «с конечной цели: вечного пребывания во свете Святой Троицы. И в псалмах есть прошение о том, чтобы жизнь наша не пресеклась на полпути: „Боже мой! не восхити меня в половине дней моих“» (пс. 101:25). Молясь о продлении нашей жизни или жизни других лиц, мы, конечно, просим не о бессмысленном продолжении биологического существования, когда становимся неспособными к лучшему восхождению. Мы молимся о благословенном умножении дней наших на Земле, пока все наше существо исполнено духовной силы, света разума, для восприятия новых познаний о свышнем мире. Мы в сердце мыслим о переходе в мир Божий, как о нашей личной Пасхе: чтобы сия совершилась в момент наиболее благоприятный, в любви и мире, – том мире, который Господь дал Своим ученикам пред Своим исходом (см.: Ин. 14:27).

Великое благо – ощущать внутри нас дыхание Божией силы, если возможно, непрестанно; а когда любовь Христова овладеет умом и сердцем – хорошо перейти в тот мир, искание и чаение которого было преимущественным содержанием нашего духа. Мы знаем, что Он Сам взыскал нас и возжелал, чтобы мы пребывали с Ним в Его беспредельности, – «там, где Он» (см.: Ин. 17:24). Творец наш воистину хочет видеть нас равными Ему в полноте Бытия.

Тела наши достойны почитания как сосуды или храмы Святого Духа (ср.: 1 Кор. 6:15 и 19). Но мы знаем и из Писания, и из нашего опыта, что это биологическое тело не выносит огня небесной любви, влекущей нас к Богу безначальной любви. И о целом тварном мире, который в расширенном смысле также есть тело наше, мы мыслим в той же перспективе: мы восторгаемся неисчислимым богатством населяющих его тварей; мы приходим в исступление от созерцания его красоты; мы поражаемся недомысленной премудростью и всеведением Творца его, но мы знаем, что и он, сей тварный мир, взятый во всей своей полноте, тесен для нашего духа, познавшего свое родство с Создателем нашим.

Когда я вставал на порог преодоления моей персональности как ограничительного момента в бытии, тогда я сильно ощущал, что в сущности я влекусь к НЕбытию. Остаток моего христианского сознания о Бытии Бога – в то время – выражался в том, что я никак не мог обезбожиться вконец, чего требовала от меня стоявшая предо мной задача. То сверхличное, абсолютное, к чему я стремился, для меня все же было БОГОМ. И мое усилие становилось усилием самообожения. Сей контраст между влечением к небытию и в то же время стремлением к самообожению полному, к полной идентификации Абсолюта, вызывал во мне некое невыразимое логически сопротивление. Я глубоко и сильно переживал онтологическое противоречие в сих двух, полярно противоположных, движениях. Как некая воистину гениальная философия, эта теория звала меня к еще большему напряжению. И все же, никакое напряжение с моей стороны не приводило меня к полному совлечению от всякого существования. Я в то время продельвал долгие посты, я оставался без пищи несколько раз по тридцать и более дней. Я часто переживал дивные психологически состояния, некое тонкое наслаждение утонченной плоти, некую «невещественность». И память об этих опытах навсегда как-то осталась во мне. Были случаи, когда я физически (иначе не могу и выразиться) ощущал выход моей души из тела.

Внешне я жил, как вообще живут люди, но смертная память все же оторвала меня внутренне от развертывавшихся вокруг меня событий и поставила меня как бы на периферии жизни мира сего. Однако с начала февральской революции 1917 года становилось ясным, что война с Германией кончится поражением. Общая атмосфера того времени предзнаменовывала дальнейшее развитие катастрофы. Я, как и прежде, почти не отдавал внимания происходившим переменам во всех

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org планах государственной жизни, едва ли брал в руки газеты, но освободиться совершенно от влияния на меня трагического напряжения я все же не мог. В моей личной жизни это приняло характер отстранения от всего внешнего и погружения или в переживания, производимые смертной памятью, или в медитации нехристианского типа. Последние приводили к странным положениям, для меня новым и неожиданным. Сейчас расскажу об одном из них. В медитациях я стремился совлечься всего преходящего. Иногда благодаря сему я испытывал некий психический мир, упокоение; в другие моменты, между медитациями, наоборот – умственная работа принимала характер весьма интенсивный, настолько, что было бы невозможно фиксировать в словах ход мышления. Раньше мне казалось, что мыслить без слов – нельзя. Тогда же я имел впечатление, что при сосредоточении внимания вовнутрь натягиваются струны души, чтобы интуитивно, без логических концептов воспринимать нечто, еще не определенное, из космической жизни. Что воспринимать? Постигание структуры мирового бытия. Я не сомневался, что существует такой универсальный Ум, который носит в себе знание, искомое мною. Так проходило мое время: без слов, без рационально контролируемого процесса мышления. Мое еще элементарное знакомство с различными философскими системами содействовало моему уму в одно мгновение построить, казалось бы, полную картину мироздания. Появление в уме такой картины немедленно сопровождалось проверкой всей моей структуры; обнаруживался быстро такой пункт, где отсутствовала связь между основными элементами, и вся моя комбинация падала. Опять наступали дни и более длительные сроки, когда мой ум не был занят вопросом мировой структуры, но я жил умирание всего или убежал мысленно от всякого существования. Но снова и неожиданно приходил момент, и в уме моем появлялось новое здание, в котором исправлялись бывшие в прошлом пробелы, находились, казалось мне, уже серьезные скрепы всей системы; но следовал молниеносный контроль всего, снова где-то моя «Эйфелева башня» оказывалась непрочной и, следовательно, рушилась, как карточный домик.

Так без того, чтобы моя воля сознательно направлялась на искание беспротиворечивой общей системы бытия, продолжалось некоторое, скорее, немалое время, пока не открылся мне основной порок всего пережитого мною процесса. В действительности все мои взлеты исходили не из нисходящих на меня откровений свыше, но из идущих снизу постулатов; во всех сих операциях: строения башни и затем контроля сей стройки – участвовали категории рациональной логики и современные тому моменту научные эмпирические знания.

Прошло несколько лет в напряженных усилиях, но дух мой не находил исхода из ряда внутренних конфликтов. Ни выход души из тела, ни потеря ощущения своей индивидуальности, ни погружение ума в некую неясную бездну по совлечению умственных представлений и видимых образов – не привели меня к живому ощущению искомого Вечного в моем сознании...

Не понимал я и того, зачем я родился. В вихре исторических событий отдать свою жизнь за еще не осознанный мною идеал? Так родилась во мне смертная память и с нею новое чувство бессмысленности всех стяжаний на Земле. Ни этих мыслей, ни этого чувства я никак не удерживал, но они приходили ко мне, как некий дух овладевали всем моим существом и потом снова на некоторое время оставляли меня. Постепенно внимание мое отвлекалось от всего окружающего меня и сосредотачивалось вовнутрь на вопросе: вечен ли человек, или все мы снова уйдем во мрак небытия? Душа томилась в искании ответа на вопрос, ставший для меня важнее всех мировых событий. Все рушилось вокруг, но я почти не замечал происходившего. Доминировала нужда знать: уйду ли я в совершенное ничто или?.. Ведь если я умираю, то с моей смертью во мне умирает весь космос. Даже и Бог. Моя смерть есть конец всего Бытия вообще. Я был молодым, восемнадцати лет, но уже тогда жило ощущение, что всякий человек в самом себе является в каком-то смысле центром всего Бытия.

Я жил, как во сне. И сон был кошмарным. Я не разумел тогда, что Господь приближался ко мне. И как возможно подумать об этом, если моментами подо мной была черная бездна, а предо мной возвысилась толстая свинцовая стена. В начале революции дважды я был арестован. Многие погибли в то время, но я не ощущал никакого страха, словно в арестах не было ничего ужасного. Но это видение стены и пропасти наводило на меня необъяснимый тихий ужас. И это продолжалось долгие годы. Кончилась война с немцами. По всему лицу России бушевала гражданская братоубийственная бойня. Я уехал во Францию. Но память смертная не только не покинула меня, но продолжала возрастать в своей силе. И все же я внешне жил почти как все. Я сохранил нормальные отношения с

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org людьми; я выполнял многие сложные работы; я беседовал на серьезные темы, главным образом об искусстве. Мне кажется, по воспоминанию, что и со мною все обращались как с нормальным. Создавалось странное положение двойной жизни. Ненормальным, пожалуй, было то, что молитва внутрь меня не прекращалась ни днем, ни ночью. Я и не искал ее: она овладевала мною. Все, что не пребывает вечным, обесценивалось в моих глазах. И, естественно, я искал уединения на долгие часы, чтобы высказать Богу всю мою боль, все мои недоумения; я вступал с Ним в спор за все, чего я не понимал, было ли то вне меня или внутри. Я рассудочно боролся со многими, новыми для меня, явлениями. Я говорил однажды самому себе: «Ты еще молодой, ты здоров, и смерть, возможно, придет через сорок или пятьдесят лет». Но, прежде чем я договорил, в ответ на это с силой и немедленно ворвался голос: «Хотя бы и тысячу лет, а потом что?» И тысяча лет представлялась короче электрической искры. Время теряло свою протяженность. Но это еще не потому, что вечность открылась мне, а потому, что мир весь объят смертью. Люди мертвы, дела их бессмысленны. На них жалко смотреть, даже когда они веселились.

Душа начала томиться исканием чего-то непонятного, чего-то скрывающегося от меня, и вместе с тем странно близкого. Думаю, что для окружающих я был «как и все», и внешне я продолжал жить почти «как и все». Почти, потому что многое, что обычно занимает сознание людей, не занимало уже меня.

Происходили великие события, великие мировые сдвиги (перевороты), но я их не видел, не замечал. Все рушилось вокруг меня, но мое внутреннее крушение было более интенсивным и не допускало до моего сознания внешних событий.

Во мне доминировала мысль: если я умираю, то есть ухожу в ничто, то, значит, и все другие люди умирают, и, следовательно, все суета, следовательно, жизнь нам не дана. Разрешение этого вопроса было для меня важнее всех мировых событий, потому что с моею смертью ВО МНЕ умирает весь мир, и даже больше – Сам Творец мира умирает во мне. Если я ухожу в Ничто, значит; и все – Ничто. Моя смерть есть КОНЕЦ БЫТИЯ ВООБЩЕ.

Эта смертная память, постоянно возрастая, достигла такой силы, что весь мир воспринимался мною как мираж, как сон, как некое странное видение; под ногами я не ощущал твердой земли: я ходил над пропастью; подо мной была бездонная, жуткая, черная пропасть. Мало этого, предо мною была странная, непроницаемая, как бы свинцовая толстая стена и жуткая черная тьма, наводившая ужас на меня. И это продолжалось долго, годами. Кончилась война, вызвавшая во мне эти мысли и чувства, а смертная память не оставляла меня, продолжая возрастать в своей силе. И все же внешне я продолжал жить ПОЧТИ как все.

Несмотря на происходившее со мною, я продолжал сохранять подобную нормальной реакцию на окружающее: я говорил с людьми о разных предметах, на различные темы (кроме своих переживаний) и думаю, что люди говорили со мной как с нормальным человеком. Я работал, выполнял очень сложные работы.

По временам меня охватывал, особенно вначале, животный страх смерти, по временам только душой я чувствовал смерть. Когда я опирал голову на руки, в руках я ощущал череп, и образ смерти вставал предо мною. Моя «нормальная реакция» говорила мне, что я еще молод и здоров, что смерть еще, быть может, далека, что, естественно, я могу прожить еще и сорок, и пятьдесят лет, но в ответ на это с силой врвался голос, говоривший: «Хотя бы и тысячу, а потом что?»

И тысяча лет в моем сознании суживалась в краткое МГНОВЕНИЕ. Время теряло свою протяженность. Над всем превалировала смерть и ужас пред НИЧТО.

Будучи уже во Франции, в моем кламарском ателье, я пришел в состояние более глубокого недоумения.

Тот факт, что душа не удовлетворялась ни мыслями о том, что я проживу тысячу лет, ни идеей о всемирном могуществе царства, ни вечной исторической славой, большей, чем Александра или Сократа и кого бы то ни было другого из величайших гениев, поэтов, художников, философов и подобное, но с превосходящей все сие силой голос говорил, что если все же они умерли, то все сие ничто. Итак, это был вопрос вечного абсолютного значения.

Странно, я теперь не могу восстановить в моей памяти ничего, кроме этих слов, которые в течение ряда дней поглощали все мое внимание. Я

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org спрашивал... (кого? себя ли или еще кого?): «Что в моей жизни является собственно „химическим исканием“»? Трудно мне теперь восстановить хронологическую последовательность моих внутренних событий, и возможно, что в значительной мере еще и потому, что я одновременно носил в себе несколько идей, притом же никогда не вел дневника. Так или иначе, наступил день, когда я вспомнил в глубине моего существа слова Христа: «Прежде нежели был Авраам, АЗ ЕСМЬ» (Ин. 8:58). И Бога я осознал как Персону. И это сознание явилось, как Свет. Мои же стремления слиться с Единым, сверхличным Абсолютом предстали как абсурдное искание вне подлинного Бытия, так как подлинно живет только Персона. И так Христос снова ожил во мне, и в Нем явилась мне Истина, и душа моя полюбила Его. Заповедь Христа о любви раскрылась мне как единственная форма действительного познания – познания через единство в бытии. Молитва свободно потекла и неудержимо влекла меня день и ночь, «мешая» мне писать картины. Обращенная к живой Персоне молитва стала осмысленной, и мои «безымянные» взывания о расширении моего сознания и моего восприятия до космической беспредельности превратились в искание Духа Святого.

Не без страха скажу, что в этот период молитва моя переходила много раз в видение Света, но я не улавливал происходящего со мной. Много было для меня еще неясным. Будучи на Западе, среди христиан иных традиций, главным образом имею в виду сейчас римо-католичество, преобладающее во Франции, еще никак не способный разобраться, где обрету я большее приближение к Богу Истинному, я обратился к такой молитве, которая много-много раз вырывала меня из этого мира. В моем «отчаянии» от сознания своего невежества я просил Бога не скрывать от меня путей к нему. Это был страшный период моей жизни.

В это время я покинул Кламар и снова поселился в центральном Париже. Много раз для молитвы я входил в католические храмы, открытые целый день для народа. И вот однажды, увлеченный молитвой на долгое время, что было обычным со мною в то время, я увидел подошедшего ко мне священника (католического), который сказал мне, что он часто видел меня усердно молящимся и хотел узнать, кто я. При беседе с ним я смотрел на него с удивлением: все в его облике было для меня чужим. Странно. Ведь в тот период я действительно находился в таком состоянии духа, что если бы кто-нибудь выколол мне глаз, я ответил бы только состраданием. Вырванный из этого мира молитвой, я не дорожил ничем в этой жизни. Время исчезало, или, можно сказать иначе: сокращалось до ничтожества.

После этого случая я, хотя и не пережил никакого шока, однако перестал ходить не только в тот храм, но и вообще в католические храмы, и впервые пошел в русский храм на Рю Дарю. Несмотря на царивший там беспорядок, ощутил сильный прилив теплоты молитвы и почувствовал себя «дома».

Форма временного бывания – скоропреходящность всякого явления феномена – рождала в душе движение мысли к бесконечности все же времени, но эта форма вечности никак не соответствует нашей идее об искомом внутренне; скорее, наоборот – ощущаешь ее абсурдность и даже смертельный мрак. Снова душа погружается в отчаяние и снова восстает протест в душе против ТАКОГО бессмысленного существования. На что все это нужно и кому это может быть интересно? КОМУ? Без этого КТО все теряет смысл, но как Его встретить, как Его найти? Как освободиться от кошмара обманчивого времени, когда все превращается в некий мираж, привидение?.. В часы озлобления ум охватывается злыми мыслями: воображение рисует возможность гибели нашего мира, гибели желаемой, искомой: «Не произойдет ли сие через некое столкновение планет; через вхождение в нашу Солнечную систему некой иной звезды, кометы и многое подобное?.. Нет ли путей разрубить Землю на две половины, которые потеряют свое бессмысленное верчение вокруг Солнца, и вся жизнь на Земле тогда погибнет? О, где найти этот меч, разрубающий всю Землю? И как интересно было бы увидеть эту картину! Куда пойдут вода океанов? Как будут и будут ли крутиться эти глупые половины? Как будут на короткий момент кричать обезумевшие люди и животные? Интересно, не правда ли? И затем конец этой нестерпимой злой комедии. Лучше не быть этому миру, чем такое бывание. Да, конец сего мира неизбежен, но пусть он придет как можно скорее».

И много подобных мыслей осаждают ум и отягощенное сердце. И вот и в этом нет успокоения. Опять жизнь есть не больше, чем ужасная тюрьма. Где найти невидимого «тюремщика»? Спросить его: «Да разве Тебе это нравится, то есть видеть наши страдания? Какой Ты страшный садист! Откуда Ты? И если Ты не первичное бытие, то кто Тебя создал?» Где найти Его? И потребовать, чтобы

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org возвратил он меня в покой небытия. Я не терплю даже красоту, если в ней нет смысла, то есть если она не бессмертна. Что за странная идея Создателя: сотворить мир так, чтобы повсюду были только неразрешимые противоречия? Можно понять буддистов, их стремление совлечься такого бытия бывания и погрузиться в вечный покой небытия, оставив всякую заботу об этом мире, о действовании в нем. В таком мире даже любовь не дает ничего, кроме страданий. Увидеть лицо любимое с выражением глаз, полных отчаяния, и не находить в себе силы изменить это нетерпимое положение вещей – кто может вынести сие? Опять изменение в душе: полюбить мир, всех людей, страдающих, от самого рождения приговоренных к казни, независимо от их нравственности и даже святости, и возмутиться Тем, Кто виновник всего этого кошмара.

Это ужасное видение вызывало во мне молитву, сначала молитву ужаса, крик о спасении, по временам протеста и даже вражды, вражды на Того, Кто дал мне эту ложную жизнь. Преимуществовала молитва ужаса, адского, неопишуемого ужаса, с постоянным ощущением черной бездны под ногами вместо земли и мрачной непроницаемой стены предо мною. Все кругом было смерть и Ничто. Люди мертвые, и все дела их бессмысленные, и жалко становилось смотреть на них, даже когда они смеялись и веселились, не говорю уже, когда болели и страдали. Всякое начинание, всякое дело потеряло смысл.

Я молился; я не мог не молиться; молитва становилась все напряженнее и постоянной и днем и ночью, и во сне и наяву. Душа страдала нестерпимо, но не было исхода. Мрак смерти и ужас Ничто убивали меня.

Так продолжалось несколько лет, в течение которых я не причащался. И вот, находясь в таком состоянии, я однажды утром пришел в церковь, исповедовался и причастился. И как-то странно все изменилось и во мне, и вокруг меня. Исчезла пропасть под ногами, исчезла мрачная непроницаемая стена, и положительно весь мир расширился и озарился странным тихим утренним светом: то был свет не вечернего дня, то был свет воскресения из мертвых; и люди перестали быть мертвыми, но все ожили, все стали вечными, вечными во мне, как до того часа были мертвыми во мне. С этим воскресением моим все воскресло для меня. Вечен я, вечен и всякий другой человек. Вышел из гроба я, «и мертвый ни один во гробе» (святитель Иоанн Златоуст), и уже иначе зазвучали в душе слова Христа, что «Бог не есть Бог мертвых, но для Него все живы» (Лк. 20:38), потому что и для меня в какой-то мере стали все живы.

Видение утреннего света воскресения продолжалось три дня и потом оставило меня, но уже новая жизнь началась во мне. Душою овладело новое чувство любви ко всякому человеку и выливалось в молитву за всех. Я тогда ясно чувствовал, что если бы кто-либо сделал мне какое-нибудь зло, например: выколол бы мне глаз, или еще что-либо большее, душа моя не подвинулась бы ни даже на малейший гнев, но только бы на молитву за того человека; не жалко было отдать за него и самую жизнь.

Возрастая, чувство любви томило меня. Я не мог видеть страдания людей и непрестанно молился, молился о том, чтобы все люди спаслись.

Жуткий мистический мрак свинцовой стены и глубокой бездны «тьмы кромешной» преложились в СВЕТ, невыразимо прекрасный. Из метафизического страха родилась любовь – неизъяснимо прекрасная, разумная, мучительная при зрении страданий людей, временами сладкая. Закон Евангелия стал для меня единственно естественным, и Христос, распятый по любви к миру, – МОИМ БОГОМ, родным, понятным.

О вере

В Послании к евреям есть замечательное слово о дивном Аврааме, который может служить для всех нас образом внутреннего ответа на зов Всевышнего, еще недоведомого, не именуемого, но уже влекущего к Себе больше всех иных вещей мира сего: «Верю Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. Верю обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования, ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель – Бог. Верю и сама Сарра, будучи неплодна, получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший. И потому от одного, и притом омертвелого, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском. Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (Евр. 11:8–13).

Все наши святые праотцы, и Авраам, и Моисей, и все пророки Ветхого Завета, все те, о которых читаем в послании, что «весь мир не был их достоин»... все они, как написано, «не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы не без нас достигли совершенства» (Евр. 11:38–40).

«Не достигли» того, что искали с таким самоотвержением. Даже величайший из них Моисей Законодатель – не вошел в обетованную землю, но, дойдя до границ ее, скончался, предварительно бросив взгляд на нее с вершины горы Нево: «И вззошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги... и показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана... И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: „семена твоему дам ее“. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень» (Втор. 34:1, 4–5).

Моисею Бог открылся не Лицом Своим, но в том, что «позади» Его, в творении всего существующего силою Его: «Ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо» (Исх. 33:23). Внутренняя жизнь Бога Троицы не открылась ему. Сам Моисей сознавал неполноту своего познания. Он созерцал премудрость Бога в творениях и последователям своим он оставил шестоднев, который действительно поразителен проникновением в порядок миротворения и в тайну создания человека по образу Божию и по подобию. Он же заповедал еврейскому народу ждать иного П Р О Р О К А, который откроет людям путь к совершенному познанию Бога (см.: Втор. 18:15–19). Ожидание грядущего Мессии было центральным моментом всего периода до явления миру Христа Иисуса. И Новый Завет начинается с указания на то, что обретен Тот, о Ком говорили Моисей и пророки (ср.: Ин. 1:45).

Начальная вера рождается, как говорит апостол Павел, от слышания слова Божия, «слова», которое отвечает глубочайшим исканиям нашего духа. Следуя этой вере, мы подвигаемся покаянием очистить себя от страстей греховных, благодаря чему ниспосылается нам обильная благодать. Этот опыт утверждает нашу веру, но опыт почти никогда не бывает совершенным, и мы можем подвергнуться колебаниям в дни парализующего уныния и расслабления. Вот, Петр поколебался после даже фаворского откровения. Но если и в тяжких страданиях мы не теряем доверчивой любви к Богу, то она (любовь) воздействием Духа Божиего может стать верною, как смерть. Такая вера воистину есть совершенная. Обретший ее вписывается в «книгу жизни» (см.: Откр. 17:8).

Возможны случаи, когда интеллектуальная перцепция предваряет сердечную веру. Чаще, однако, через склонение (любовь, если хотите) сердца к слову Божию приходит и разумение. Одна рассудочная вера в бытие Бога еще не спасительна: такая вера свойственна и демонам (ср.: Иак. 2:19). Она никогда не приводит к подлинному, бытийному познанию Бога, которое требует всей полноты нашего пребывания в Слове Божием, в заповедях Евангелия не только отвлеченною мыслью, но и любовью сердца, любовью всем существом нашим, непременно выявляющейся в акте жизни.

Органический путь христианина – ВЕРА в Бога и доверие Богу. Вера же, по учению отцов, рождает СТРАХ БОЖИЙ, страх быть отлученным от Бога любви, оскорбленной нашими грехами; отсюда ПОКАЯНИЕ, которое сильно не только нейтрализовать грех и его последствия, но и привести к более глубокому познанию нашего Творца, к более горячей любви к Нему. Самому покаянию свойственна печаль сердца, утерявшего благодать Святого Духа; ПЛАЧ, умножающийся по мере смягчения сердца любовью к Богу; отклонение плотских услаждений; беспристрастие к вещам; бегство покоя, самодовольства, тщеславия; вера выражается терпением находящихся испытаний.

По достижении известной силы покаяние prepares душу к принятию большей благодати вплоть до явления нетварного Света. Обновленный и возрожденный воздействием Света человек как бы естественно начинает реагировать на все вещи, на все, случившееся с ним, в духе заповедей Христа; освященные ум и сердце становятся способными сострадать всем страждущим, жалеть даже тех, кто не познал Бога и не ищет Его, тех, кто, непрестанно согрешая, не пытается восстать от тины недобрых дел своих; болеет душой за тех, которые «не ведают, что творят»... Так Христос молился за распинавших Его врагов из сострадания к ним (см.: Лк. 23:34).

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Нет большего несчастья, чем не знать Истинного Бога. И мы, зная себя по прошлому, сознаем дар покаяния как незаслуженный дар неба; и не возношение приходит внутрь нас, но смиренная благодарность Господу и сострадательная печаль о тех, кто продолжает пребывать во тьме неведения.

Привилегия быть христианином велика. Восчувствовать Божество Христа и обрести в себе силу последовать Ему есть зов Отца Светов. Когда Петр исповедал Божество Иисуса, тогда услышал от Него: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17). Блаженство это особого рода, и знают о нем лишь те, которые восприняли Откровение, от Отца исходящее.

«Истинно говорю вам: ... где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). В таком «собрании» все христианство могло бы быть сведено к немногим словам: Христос спрашивает каждого из нас: «Любишь ли ты Меня?» (Ин. 21:15). И каждый в ответ: «Ей, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». В этой любви весь смысл, вся мудрость, конец познания, жизнь нескончаемая, Свет незаходимый. Через эту любовь ко Христу мы любим и знаем Отца; через Христа мы знаем любовь Духа Святого; через нее мы вступаем во внутритроичную жизнь Божества. Сия любовь есть вершина богословия. Носитель такой любви уже отсюда спасен: становится сыном Отца в Сыне Единородном, богом по благодати. Таковой достиг всецелую Истину.

Всецелостна Истина Божия. Божественная, она прежде всех веков присуща Богу, как Единородный Сын, как Дух Святой, от Отца исходящий. Сия Истина не есть некое отвлеченное умозрение: она живая, ибо есть Персона. Христос сказал о Себе: «АЗ ЕСМЬ ИСТИНА» (Ин. 14:6). И Отец есть абсолютная Истина; также и Дух Святой. Все три суть ЕДИНАЯ ИСТИНА.

Когда сия безначальная Истина благоволит соединиться с человеком, сделать его Своим селением, тогда он, человек, познает Истину и через Нее и в Ней обретает Божественную свободу. Божественная по своей природе, она сообщает ему Божественную форму бытия. «Тогда сказал Иисус к УВЕРОВАВШИМ в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31–32). Истина, и Любовь, и Царство, и Слава – все сие едино в Предвечном Бытии Бога.

Духовный и психологический анализ приводит нас к заключению, что в начале всякого познания лежит вера. Затем следует опыт эксперимент, утверждающий или, наоборот, опровергающий наши предположения. Науке свойствен метод индуктивный, через опыт, организованный человеком. Познание носит характер объективирующий: разделение познающего субъекта и познаваемого объекта.

К познанию Бога приходим мы путями, в основе своей радикально различными от путей науки. В духовном плане человек может возжелать проникнуть в высшее Бытие, но не в его силах организовать опыт; из Бога невозможно сделать «объект» познания – Бога, как мы Его приняли, Персонального Существа: АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ. Сей Абсолют снисходит к нам по Своей воле, и Ему принадлежит первая инициатива дать нам познать Его через внутренний и также внешний опыт, который может принять форму «откровения». Человеку при этом бывает возможно интуитивно, то есть не через демонстративное мышление, воспринять познание о вещах, лежащих за пределами чувственного, материального порядка. Природа человека наделена способностью к сему, метафизического рода, познанию. По данному нам Откровению, мы – образ Бога, и, как таковой, мы родственны Ему. В нас наличествует искание, жажда знать Бога. Доколе не достигнем искомого ведения, мы бываем руководимы интуицией, которую мы называем «верю». Эта вера есть показатель возможности восхода нашего духа в область Абсолютного Бытия. Противоположность научному методу в том, что опыт Бога дается нам Самим Богом, и мы, получив последний, считаем его основанием для всех наших действий – метод дедуктивный.

Дух Бога прикасается к нам, исполняет нас жизненной энергией духовного порядка, и сия энергия, «акт» Божий, отражается во всех планах нашего существования. Наше познание – тоже опытное, экспериментальное, но в нем нет элемента объективации: знание есть следствие единения в самом Бытии двух субъектов: Бога и человека. Никто из них не становится «объектом»: оба, Бог и человек, живут сие событие единой жизнью.

В основании всех религий неизбежно лежит опыт. Различие между ними – в их инициальном направлении. В нашей, христианской, Откровение снисходит к нам от Бога; задание человеку – усвоить сей дар. В иных религиях преобладает

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org усилие человеческого, тварного ума – раскрыть образ абсолютного Бытия. Сравнение религий в данном труде моем не предусматривается. Опыт показал, что неразрешима логически сия проблема: доказать принудительно ничего нельзя. Все зависит от расположения людей. Итак, я буду говорить лишь об опыте нашей веры.

ВЕРУ христианскую возможно определить как исходящую от Бога силу-энергию, связующую нас с Ним. Если она есть воистину такова, то есть Божественная благодать, то с самого начала в ней сопричастствует любовь, пусть еще не совершенная. «Сила-энергия» сия есть действующий внутри нас Дух Святой, который в Своей беспредельной свободе «дышит, где хочет» (см.: Ин. 3:8); Дух Божий никого не презирает, и в простых душах, лишенных человеческой культуры, Он часто раскрывает Себя с побеждающим могуществом.

Вера есть интуиция нашего духа, вне дискурсивного рассуждения воспринимающая реальность Божественного духовного мира. Несомненная вера принимает форму нашего предстояния безначальному Богу Творцу нашему. На путях веры происходит первый «стык» между нашим духом и Духом ПЕРВОГО СУЩЕГО, от Которого мы получили жизнь.

Дух Святой говорит верующей душе, что «Бог есть любовь» и что «пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Но начальная вера рождается от слышания слова Божия (см.: Рим. 10:17), слова, которое отвечает глубоким исканиям нашего духа. В показание сему мне пришла мысль провести параллель с широко данным людям опытом земным. Имею в виду некоторую аналогию с рождением в нас вдохновения веры. Вот, глаз человека улавливает красоту природного явления – дар художественный, естественный людям. Открывающееся явление поражает ум, приводит нас в восторг – момент, влагающий желание зафиксировать его в картине. Другой пример: поэт, ощутивший красоту человеческого слова, его метафизику, его символическую глубину, создает поэму. Музыкант, через некоторые звучания вступающий в контакт с миром гармонии, как отзвука иного бытия, творит симфонию. Что иное можно привести как смутный образ рождения в нас живой веры в Живого Бога? Быть может, встречу глаз молодого юноши с взглядом юной девы – встречу, пробуждающую восхищение, далеко не физиологическое, но сопряженное с тонким влечением к красоте ее? Так вдруг нас поражает КРАСОТА Бога через евангельское слово, и мы влечемся к нему всю силу нашего существа.

Красота, что это за вещь? Как понять ее? Красота есть благородное чувство, пробужденное видением – зрительным или умным. Событие сие происходит, когда видимое глазом или умом соответствует нашему духовному состоянию или культурному уровню каждого данного момента. Видение гармонически созвучно нашему врожденному стремлению ко Благу. Культ безобразия есть верный признак внутреннего разложения человеческого духа как «образа Божия».

Итак, вера есть явление духовного плана, связанное с Божественным бытием. Живая вера ощущается как внутреннее вдохновение, как присутствие внутри нас Духа Божиего, откуда и самое слово – вдохновение. Сие вдохновение не есть природная способность человека, но нетленный дар свыше. Когда действует в нас небесная сила веры, тогда и самое физическое дыхание наше как бы сливается с дыханием Бога в нас.

Дыхание Божие может быть пресечено в нас только нашим грехом. Бог Святой не смешивается с тьмою греха. Если мы оправдываем в себе то или иное греховное действие или мысль, то тем самым (оправданием) разрываем союз с Богом; Он покидает нас, и мы остаемся вне Его светоносного присутствия. Правда, человек не может прожить и короткого срока без греха, но нам возможно путем покаяния избежать последствий греха – разрыва с Богом.

Господь – Истина Ипостасная – учил нас словом Своим. В Своем явлении во плоти Он «оправдал» (ср.: 1 Тим. 3:16) делом всякое слово Свое. Истиной или истинным мы именуем не только Персону Единородного, но и всякое действие Его, которое свидетельствовало об Истине, понимаемой как красота, как разумение-познание. К слиянию воедино познания и действия призваны все мы.

Свидетельство Господне и словом, и делом носило характер полного совершенства. Мы же в нашем видимом явлении не «оправдываем» даже того, что познали внутренне. Недостижимость Божественного совершенства Христа не убивает в нас стремления к Его совершенству. Снова моя мысль возвращается к дивному Павлу, к его огненному вдохновению: все то, «что для меня было преимуществом, то (все) ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через ВЕРУ во Христа... чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых... стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус... стремлюсь к цели, к почести звания Божия...» (Флп. 3:7–12, 14).

В художественном творчестве мы различаем три момента: первое – созданную Богом красоту, вдохновившую артиста; второе – восприятие красоты творческим духом художника, создающего «свое» произведение; третье – необходимая и зрителю артистическая интуиция, чтобы созерцаемую им картину пересоздать в свойственное ему эстетическое переживание.

Вера наша не должна быть, да и не есть некое пассивное состояние. Вера может и должна быть духовным творчеством. Творчество в данном случае не первичное, а творчество зрителя, поэта, пророка. Каждый из нас является как бы призмой, через которую преломляются лучи Божественного Света – у всех нас по-разному! Первое принадлежит Богу, второе – нам. Не мы творим Бога, но Бог открывается нам. Многообразно, в неисследимом богатстве и разнообразии тварей явно становится превосходящая премудрость Творца: «...невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание тварей видимы...» (Рим. 1:20). Не менее, но даже и более очевидно Его Бытие через наитие на нас нетварного Света.

Подлинно спасающая вера не дается без нашего устремления к истоку нашего бытия. В духовном существовании человека ничто, исходящее от Бога как дар, не усваивается без подвига. Ни в едином действии Божиим внутри нас мы не бываем только пассивными: мы или принимаем, или отвергаем, или мы пребываем в состоянии раздумья – не отталкиваемся, но и не влечемся.

Вера, как и всякий дар свыше, становясь состоянием нашего духа, зависит также и от нас самих. Бог никогда не насилует нас: в свободе нашей мы принимаем Его любовь или отказываемся. Бог стоит у двери (сердца нашего) и стучит. «Если кто услышит голос Его и отворит дверь, войдет к нему и будет вечерять с ним, и он с Богом» (ср.: Откр. 3:20).

Итак, если кто сам отворит дверь сердца и ума своего, тот получит и веру, и вслед за нею неописуемое богатство небесных даров. «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4).

Вера не зависит от количества эмпирических (научных) знаний, по натуре своей принадлежащих «земной» биологии. Вера есть духовная интуиция, вне дискурсивного рассуждения обнаруживающая реальность невидимого мира. Вера в Истинного Бога есть первая форма любви к Нему. Полная вера есть предстояние неоспоримому, несомненному факту Бытия Безначального нетварного, Первому Сущему, то есть Само-Бытию, Началу всему.

Все последующее исходит из этой веры как бы, не говорим, естественно-логически, ибо речь идет не о мысленном рассудочном процессе, а о реально сущем, объемлющем все в себе, в том числе и самое разумение...

Вера не только есть некое «теоретическое убеждение» (Л. П. Карсавин) и не только волевое усилие. Вера СРАЗУ является и теоретическим постижением истины и свободным практическим (жизненным) ее приятием.

«Теоретическое постижение» – признание истины, которая существует независимо от того, хочет ли ее кто-нибудь признавать или не хочет. Все наши заблуждения, все наши признания или отвержения никак не влияют на самое Бытие изначальной Истины.

Нужно, чтобы истина была абсолютною, Самим Богом, дающей всему начало и все в себе содержащей. Истина содержит в себе и признание ее со стороны верующего, и становление его истинным. Признание Истины должно быть СВОБОДНЫМ, то есть ничем не обусловленным, ни даже самую Истиною, только тогда она делает познающего ее СВОБОДНЫМ. Ибо сама она всеобъемлюща, ничем не обусловлена. Соединение Истины, всецелой и свободной, с верующим становится свободным стремлением к ней. Истину необходимо познать ВСЕЦЕЛО, на всех планах нашего существа. «Познайте истину, и истина свободит вас» (см.: Ин. 8:32). Но что или кто есть Истина? Сам Он – Христос: «Аз есмь

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org истина» (Ин. 14:6). Истина есть Персона, а не отвлеченная идея. Истина бытийна, неотделима от Бытия никаким интеллектуальным актом абстракции. Само изначальное Бытие есть Истина. И сие Бытие существует независимо от чего бы то ни было иного. Она самобытна, самосушна. И это есть Сам Бог в Его безначальности. Ту свободу, которую дарует Христос верующим, надо мыслить, как бытийное соединение с Ним. И в силу сего соединения сообщены будут ему (верующему) ГЛАГОЛЫ, которые даровал Отец Единородному Сыну Своему и которые Он дал нам: «Глаголы, которые Ты дал Мне, Я передал им» (Ин. 17:8. Ср.: Деян. 5:20).

В Божественном бытии все совершенно едино: знание и действие. Так что и у нас познание и действие во всех планах должны составить нераздельное единство. Иногда жизнь сердца предваряет уразумение, иногда же уразумение выливается в действие, в жизнь.

Кто соединился со Христом, «у того из чрева потекут реки воды живой» (Ин. 7:38).

О личности-персоне

Опыт «персоны», по-видимому, весьма редкое явление в мире. Обычно мы, люди, имеем опыт индивидуальности, иначе говоря, последней степени деления; по-гречески это выражается термином «атомон» (атом). Если принять это определение в том смысле, что, разделив или разложив его, мы теряем вместе с тем ту сущность или ту природу, к которой относился сей атом, а не в том, в каком мыслили мы ранее сей термин, то есть что его «нельзя разделить, разложить». Итак, живя в повседневности сей опыт ограниченности индивидуума (термин, который мы склонны смешивать с персоной в обычном социальном словоупотреблении, особенно на Западе), мы действительно не без труда пойдем «восточных», отвергающих персональное в Божественном Абсолюте. Для них сей термин выражает прежде всего ограниченность, лимитацию. И в этом смысле я понял их в начале моего увлечения Востоком. Но затем постепенно открывалось мне иное, вернее, иные измерения в Бытии Божественном и космическом-тварном.

Для нас, христиан, ясно, что заповедь о любви зовет к осознанию сего принципа персоны. Вне любви – мы не живем никакой персоны; ни своей, ни иного существа. Поскольку религии Востока, в сущности, суть религии «естественные», «антропоморфические», постольку «новая» заповедь Христа о любви им будет неведома. И действительно, невозможно жить заповеди Христа в перспективе Востока, сверхперсонального по своей догматической установке.

Когда открылся мне Христос как живой Бог Абсолют, живая вечность, а вместе с тем и как Первообраз человека, тогда во Христе и через Христа я стал стремиться и в моем маленьком существовании осуществить сознательным усилием, подвигом, сотрудничеством с Богом моим Творцом сей ОБРАЗ ХРИСТА, вся и все в Себе носящего, все объемлющего, всему дающего Свет и Жизнь, никого не унижающего, никого не сокрушающего Своим могуществом, но созидającego всех, любящего всех, даже до последнего и малейшего, влекущего к Себе все тварное, призванное к Бытию из НЕБЫТИЯ волею Творца.

Если возвращусь к воспоминаниям о моем духовном поиске, то должен буду еще договорить о том, как иногда развивался мой опыт.

С одной стороны – стремление совлечься всего преходящего, всего относительного, дабы перешагнуть некий невидимый предел в моем сознании, когда живым станет мое осознание моей безначальности, моей беспредельности, моего «единосущия» с Истоком всякого бытия. Эта грань, когда нужно было постепенно приготовить все мое существо к тому, чтобы отрешиться и от моего персонального существования, представляла для меня непроходимый порог. Непроходимый не потому, что я боялся потерять мое маленькое индивидуальное существование, мою «душу» или что-то в этом роде. Нет. Но потому, что это было для меня до конца парадоксальным, паралогическим: не в плане мышления, но в плане некоего иного порядка восприятия бытия, иначе говоря, «онтологически» неприемлемым. Так я приблизился к некоему состоянию, когда Откровение, данное Моисею: «Аз есмь Сый», приняло для меня мой, личный характер. Эти слова Писания я воспринял как Откровение о Персональности Абсолюта. «Аз есмь Сый» – то есть вся полнота Бытия заключена в ПЕРСОНЕ, ничего нет далее этого Начала. Бытие, понимаемое как «Сущность», и Персона – тождественны. Это тождество Абсолютного Бытия и Абсолютной Персоны немедленно привело к осознанию того, что если мы, люди, по образу Божию, то

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org мы тоже персоны... но в настоящей данности нашей мы еще не актуализированные персоны, а лишь творимые из ничего. Мы станем персонами лишь по завершении актуализации той потенции, которая, как чистая потенция, в начале творится Богом. В своем конечном осуществлении человеческая персона тоже должна стать до конца актуализированною, следовательно, «чистым актом».

Какое значение для аскетического действия имеет это для меня? Прежде всего в Откровении о Троицком Боге я увидел тот Первообраз, по которому создан Человек-человечество: единая сущность-натура, множество персон. Данные нашего исторического или эмпирического опыта, в силу которых мы живем ограниченность «индивидуума», никак не должны мы догматизировать, как некую «НОРМУ»; не должно считать сие основанием для нашего конечного представления о человеке и на этом основании строить нашу общечеловеческую жизнь, в частности жизнь Церкви. В обычной жизнедеятельности мы постоянно отдаем преимущество «количеству», и ради одной персоны мы не хотим жертвовать множеством. И это не так далеко от правды и правильности действия, потому что каждая данная личность, в силу своей незавершенности, еще далеко не равна ВСЕМУ человечеству, как это мы видим во Христе. Мы недалеки от правды, когда осуждаем отдельных людей ради мира и сохранения многих. Но в случае осуждения Христа Каиафой мы видим, что этот принцип суда есть глубочайшее отступление от того идеала, который поставлен Богом для нас в вечности. Один Христос в тот момент, как и во всякий иной момент истории, равен всей полноте Богочеловечества. Он был предельная ценность Земли. Осуждая Его, синедрион ради мелких и ничтожных интересов отверг Того, Кто есть единственное оправдание всех и всего.

По учению Церкви, в Божественном бытии не Сущность или Природа определяет Персоны-Ипостаси как отношения внутри сей Сущности, но совершенно свободное, ничем не обусловленное самополагание Лиц Святой Троицы.

Утверждается тождество между Ипостасью и Природой; но нет такой Сущности, которая в каком бы то ни было смысле трансцендирует Ипостаси, превалирует над ними. Не внося противоречия в тождество Ипостась-Сущность, мы различаем одно от другого. Чем возможно объяснить для Ипостаси Сына и Слова способность воспринять в Себя тварную природу человека, совместить в Себе две природы: Божественную и человеческую? Перенося сие на себя, я надеюсь, оставаясь тварью, воспринять Божественный образ бытия, но не как слияние с Сущностью Перво-Бытия, а как дарование мне АКТА вечной жизни Божества.

В перенесении сказанного о Божественном бытии на человеческое бытие мы можем говорить уже так: каждая человеческая ипостась проходит, как тварная, некий «процесс» свободного самоопределения (в Божественном бытии нет никакого процесса, но Бытие изначально является всесовершеннейшим, исключаящим всякий процесс).

Когда все человеческие ипостаси свободно самоопределяются так же тождественно между собою, как это мы видим в Божестве, тогда и в человеческом бытии осуществится образ Святой Троицы, то есть единство сущности (объективного момента) при множестве ипостасей как носителей всей полноты этой сущности, этого бытия. Доколе это тождество самоположения человек не достигнуто, доколе не прекратятся деления и некая борьба.

Однако в процессе самоопределения тварных разумных существ мы стоим пред явлением, не обладающим абсолютной свободой, творящим все вне всякой зависимости от чего бы то ни было другого. Мы, тварь, вызваны из небытия в бытие волею Сущего изначально. Вне сего Сущего для нас нет никакого положительного бытия, и создать таковое из ничего, из самих себя, мы не можем. Этим свойством мы не обладаем. Таким образом в процессе нашего самоопределения мы стоим пред лицом Божественного бытия, которое предложено нам для избрания. Мы можем только включиться в это Бытие, но никак не создать какое-либо иное.

Когда эрудит встречается с человеком, мало читавшим, то он с презрением уклоняется от него. Когда второй не видит любви в эрудите-богослове, то он также с жалостью смотрит на него и не имеет с ним почвы для общения в молитве. И обоим им скучно быть вместе. Оба несовершенны, но все же второй ближе к подлинной жизни, чем первый.

Можно так сказать: когда мы пытаемся выйти из пределов, из ограниченности, лимитации нашей индивидуальности, когда мы пытаемся перейти грани всей

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org протяженности времени, также и всей протяженности пространства, тогда естественно пред нами стоит задача, которая была так свойственна всем гностическим течениям, всем восточным великим религиям, всем большим философам, а именно: перестать существовать как отдельная персона. Но характерно при этом то, что в таком случае мы непременно отбрасываем в нашем сознании, представлении о Боге тот же самый персональный момент: и Бог, и человек становятся, по существу, безличными. Таков фатальный конец идеи тождества человека с безличным Абсолютом.

Не знаю, может ли вообще кто бы то ни было претендовать на то, чтобы утверждать себя действительным обладателем сверх-религиозного, то есть сверх-конфессионального опыта, иначе говоря, что он до конца прошел путь всех религий: браманизма, буддизма, ислама, христианства? Во всяком случае я должен исповедать, что не считаю себя таковым. Но это не значит, что я непременно и неправ в своем суждении. Хочу сказать: если я теперь утверждаю, что Бог есть Персональный Бог, то это может быть вполне самой последней истиной; и утверждающие обратное, то есть Божество как сверх-личное, – неправы. «Не претендовать» в данном случае значит: ясно видеть невозможность логической демонстрации, доказательства, чего в сущности все ждут и ищут. Доказательства, с необходимостью, как в математике, приемлемого. Откровение о Троице есть последний предел, высшее познание о Боге, дающее ответ на все наши проблемы в плане человеческой истории и общества. Эта проблема явилась центральной проблемой всего моего существования после того, как я отказался от моей деперсонализации, обезличения. Отказался же я не потому, что так дорожил моей данной реальностью, моим настоящим состоянием, но потому, что все мое существо убеждалось, что совершенное Абсолютное Бытие не может быть иным, как Персональным. И человек, по образу Бога сотворенный, тоже персона. И так, ясно сразу, что в тот самый момент, когда мы получаем откровение о Боге как Персоне: «Аз есмь Сый»... мы осознаем, что мы тварь и еще не актуализированные вполне персоны. Основываться на нашем повседневном опыте нашей индивидуальности при решении проблемы о Боге не приходится. Единственный путь – вера в Откровение. Это условие – вера в Откровение – нисколько не умаляет человеческий разум. Требовать, чтобы наш разум непременно был до конца внедогматическим, то есть без предписаний свыше, до конца автономным – равносильно оставить его в пределах той функции нашего существа, которая предназначена для нашей борьбы за существование, внешнее, физическое, и отчасти психическое. Мы видим из опыта всех предыдущих времен, всех великих религий и философских систем, что человеческий ум не может перешагнуть представления о Боге, свойственного всем им: где Бог понимается, скорее всего, как пространственно и временно беспредельный, объемлющий все сущее не как нечто тварное, вызванное волею Творца из небытия, но как его онтологическое продолжение, как эманацию ЕДИНОГО. И сие ЕДИНОЕ и есть Абсолютный, сверх-личный Бог... То есть, иначе говоря, если мы будем возводить низшие состояния бытия к высшим, то постепенно мы дойдем до полного отождествления (идентификации) с Самим Началом, то есть Богом. Нет грани по сущности. Все сущее будет единосущным своему Началу. И это движение мысли также непременно исключает аспект персональный в Абсолюте.

Отнять сие измерение персоны в Абсолюте – равносильно лишению Его всякого смысла. И если смысл для нас есть нечто такое, без чего все теряет какую бы то ни было ценность, то проблема персоны связана также с проблемой смысла. И если заключить смысл в любовь, то бытие без любви есть нечто мертвое, скорее небытие. А когда речь идет о любви, то непременно там есть и персона, даже не одна. Откуда Откровение о Боге Троичном является неразрывно связанным со всем вышеупомянутым, то есть смыслом в самом глубоком и вечном понимании его; Любовью в ее также вечном аспекте, и непременно при числе персон более чем одна.

Итак, в силу известных стечений обстоятельств моей личной «истории», Откровение, данное Моисею, стало для меня одним из самых важных этапов (и не только в личной моей жизни, но и в плане общей человеческой истории). В словах «Аз есмь Сый» я усмотрел идентификацию между «Аз» и Бытие. Вне сего «Аз» нет абсолютно ничего вне-ипостасного, то есть чего бы не обнимала вполне и совершенно Ипостась. Бог наш есть Бог Ипостасный в абсолютном смысле этого слова.

Конечно, как Моисей ощутил недостаточность данного ему Откровения и заповедал евреям ожидать иного ПРОРОКА, который возвестит ВСЮ ИСТИНУ (см.: Втор. 18:15–19), так и я, восприняв Бога как Персону, ощутил некий «холод» метафизического одиночества. Если никого другого нет, кто бы разделил с Ним

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org как бы то ни было факт Его Бытия, то, во что Сам Он погружен? Этот вопрос кажется сперва чрезмерно «антропоморфическим». Но, полагаю, это только внешнее и первое впечатление. Существо дела остается во всей силе. Так, сотворив человека, Бог сказал затем: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18). Следовательно, ипостась, как образ Бога, единая – недостаточна. Необходимо большее число... Сколько? По отцам – ТРИ достаточно, чтобы разорвать противостояние двух, чтобы внести момент, который, устранив противостояние, расширяет акт любви до беспредельности. Три в Троице равно бесчисленному множеству.

Человечество многоипостасно... Не три, а миллиарды. Но эти миллиарды не вносят разногласия в «образ», так как ТРИ равны миллиардам по смыслу разрыва противостояния.

Итак, в моей жизни произошел еще раз глубокий переворот. Я возвратился к моему прежнему образу молитвы: персоны к Персоне. И снова сия молитва стала в центре всего моего бытия. И то, что в первом случае привлекло меня – беспредельность космоса и времени, – отступило на второй план/стало лишь «местом» моей с ним встречи и лицом к Лицу вывело меня за узкие пределы и времени, и пространства, и космоса, и всех иных аспектов космической мировой жизни.

Все мы сыны падшего Адама, и во всех нас живет склонность к тому же адамову, вернее, люциферическому движению, а именно: отвергнуть единственное, неповторимое ИПОСТАСНОЕ воплощение Бога Слова.

Иначе говоря – все мы склонны к «гностицизму», который может принимать различные формы и нюансы, но который по существу всегда остается одним и тем же – отвержением ПЕРСОНЫ как Носителя Абсолютной полноты Бытия. Для гностика, для представителей всех иных религий свойственно рассматривать отношения между человеком и Богом, скорее, как «уровень» бытия. Тогда как для нас – это встреча Персон, единственных, никогда неповторимых, вечно пребывающих.

Персонализм – центральная проблема наша, главный пункт нашего расхождения со всеми формами гносиса, со всеми иными религиями... Пусть в значительно уменьшенной мере, но все же тот же самый момент разделяет нас с римо-католиками. Последние не могут идти до полного отвержения принципа персоны в Троице-Богe, но неизменно проявляют некую тенденцию к умалению принципа персоны, к признанию за сверх-личною сущностью – *pre-eminence*, преобладания, первенства места. Чтобы отстранить радикальным образом из нашего символа эту двусмысленность, мы категорически отказываемся принять в Символе веры слово «филиокве»... Не требуются нам различные толкования, «смягчающие» смысл этого слова. Оно так или иначе возвращает дух человека все к той же основной ошибке римо-католицизма, то есть признанию преобладания безличного (сверх-личного), ОБЩЕГО над Персональным – частным.

Для меня лично это имеет столь важное значение, что я вижу себя не в состоянии согласиться с «филиокве», даже если все епископы мира соберутся на некий вселенский собор и утвердят сей догмат римо-католичества.

Вне этого догмата (*filioque*), то есть при православном видении Божества, а следовательно, и видении человека (антропология) невозможно мыслить догмат непогрешимости Папы Римского. Сей догмат сам по себе настолько далеко уводит христианство от его подлинного характера и смысла, что я просто не могу узнать ни Христа, ни человека в римо-католичестве. Недаром и внешне выражение их лиц так отлично от выражения православного человека. Но это уже другой момент, и не о нем сейчас у нас слово.

Люди без конца ищут умножения своих познаний. Но обычно они теряются в «бесконечном», чтобы не сказать, в порочной бесконечности количества, так сказать, в плане горизонтальном. Есть, однако, в данном нам Откровении некое иное познание, а именно: откровение о последних измерениях Бытия. И когда сии последние измерения открыты нам, излишним становится для нас персонально искать познаний горизонтального плана. Мы можем веками изучать литературу всего мира, всех культур, всех религий... но что это даст нам? Так дух наш, убедившись до глубин своего существа, что Бог – единый в Существо, но Троичный в Лицах – есть воистину наш единый Бог, Бог Истина; и научившись личной, персональной молитве сему Персональному Богу, мы уже ничего большего не находим в книгах, которые попадают на глаза.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Прочитывая одну за другою, мы находим иногда выражения познанной нами Истины, выражения, несколько иные по форме, но те же по существу своего содержания. В большинстве же случаев мы встречаемся с непрерывным кружением умов людских вокруг тайны Бытия, почти бессмысленным водоворотом самых различных догадок, гипотез и только теряем молитву нашу, теряем драгоценное наше время, которое по существу своему есть «место» нашей встречи, та область, где совершается процесс нашего роста от момента нашего сотворения Богом нас как чистых потенций до момента, когда сия чистая потенция станет «чистым актом», то есть до конца осуществленной, актуализированною.

В моем первом устремлении к Вечному Абсолюту сказалось сильно свойственное, мне кажется, всякому человеку искание бессмертия, обожения, соединения с Богом. По своему роду это устремление было связано, конечно, с представлением о Божестве, как сверхличном Абсолюте, в конце концов, как о некоем Едином, Кто все объемлет, все носит в Себе, Кто Сам имеет это «все» как бы Своим «телом». Отсюда, слияние с Ним было бы полным отождествлением Ему, полной идентификацией.

Когда сей Абсолют стал для меня Персоной, тогда исчезла возможность того же аскетического действия. Теперь уже стало невозможным мое усилие стать едино с Ним, моя воля слиться с Ним. Самообожение перестало быть моей возможностью, ибо только Он Сам может теперь дать мне искомое мною. Он, будучи Богом, дает мне Свою жизнь. Я не могу Его принудить (насиловать); не могу моей собственной волей восхитить Божественную Сущность... Больше того, я не смогу восхитить даже и познание о Нем. Огонь сей неба может быть мне дан по единой воле того, Кто есть сей Огонь. Прометеевское движение отпадает при исповедании Личного Бога, при разумении о Нем, как о Боге любви, Который вступает в союз любви с тварью, то есть мною.

Во всей жизни Христа, с самого начала благовестия, мы видим как Христос везде был чужд люциферическому движению, то есть самообожению. И воплощение, и крещение, и воскресение... все было действием «Бога», не Человека Христа. И это – «образ» нам (ср.: Ин. 13:15), это основной принцип всей нашей аскетики.

Человеку, как персоне, также естественно поставить пред собою задачу: в самом себе в течение коротких мгновений своей земной жизни пройти весь опыт мировой истории, всю полноту опыта человечества, перейти за грани всех эпох, мыслить последний момент своего земного путешествия и, больше того, всего мира тварного, носить в себе эсхатологию мира и ожидание осуществления вечной ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ в самом святилище Божиим, за завесой священной, во Святая святых. По существу, не должно быть речи о том, в какую эпоху я родился, к какой культуре я принадлежал по своему рождению, или, говоря иначе, к какому историческому «циклу». Все сие должно быть пройдено, пережито, и единая мысль о встрече с нашим Отцом и Творцом заполняет все существо человеческой личности.

Переживая какие бы то ни было состояния, например, славы или бесчестия, успеха или поражения, болезни или приятных ощущений, любви или неприязни, влечения или отталкивания, счастья и надежды или отчаяния и всего прочего множества самых различных состояний, мы должны были бы включать в содержание заповеди о любви к ближнему и жить все не в пределах нашего «индивидуума», а все переносить в общечеловеческий мир и воспринимать всякое такое состояние как откровение о совершающемся в мире, как новое познание, бытийное познание, о жизни всего человечества. В первый момент этот исход за наши узкие пределы лишь умножит, и страшно умножит наше страдание, но затем, странным образом, все будет поглощено иным состоянием, как бы экстазом, когда в молитве за весь мир человек забудет о себе как индивидууме и станет жить как персона, носящая в себе всю полноту общечеловеческого страдания или счастья.

Этот опыт весьма удобен для преодоления нашего «эгоизма-самости». Он действительно приводит к тому, что сердце жалеет всех людей, да, всех, без исключения, ибо все: и богатые, и нищие, и сильные, и слабые, и порабоощающие, и порабоощенные – все в плане духа лишены славы Божией, все осуждены за грех на смерть, а следовательно, все нуждаются быть спасенными. Сострадание переходит за пределы исторического момента в глубь прошедших веков и в неведомую даль грядущего.

Таким образом, отход от сверх-личного, метафизического Бога к Богу Личному

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org коренным образом изменяет нашу установку, весь характер нашей внутренней жизни. Этот персонализм христианства – воистину откровение о том принципе в Божественном бытии, до которого не может логически довести ни одно усилие нашего естественного разума, ибо не дан опыт человеку о сем принципе в его повседневности. Остается только логическим путем идти к Богу – трансцендентному, безличному, космическому; Богу, отстоящему от нас, скорее количественно, чем качественно отстоящему в плане любви совершенно, так как любовь не может иметь места при безличном Бытии.

Искатели независимой философии, автономных путей к познанию, свободной философской теории и прочего навсегда останутся в тех пределах, которые давным-давно уже были достигнуты людьми еще до явления Христа. Итак, даже в этом плане, в плане философского мышления, наш ум откровением о Божественном бытии выведен из темницы логических мертвых детерминированных форм своего мышления на беспредельную свободу жизни, где персональная любовь и персональное познание становятся единым актом, который при совершенстве любви становится совершенным познанием, сливаясь в одно вечно целое.

Человек должен пережить и выносить в себе всю историю мысли. Конечно, это не значит, что он должен перечитать все книги. Это и физически невозможно для даже самого сильного читателя. «Ни самому всему миру вместить пишемых книг» (Ин. 21:25) – можно понять и в том смысле, что никто в мире не прочитал всех книг. Переживается мысль через некое «расширенное сознание», когда в одно мгновение он ощущает существование проблемы того или иного писателя, того или иного учения. Почти все мы, когда говорим, говорим не новое. Лишь в редкие минуты редкие люди выскажут что-либо, что увеличивает объем мирового познания, что расширяет опыт человечества. Не всякое новое слово высказано непременно тем или иным ученым. Иногда они даются свыше и младенцам. И мне выпало на долю встретить такового, даже таковых. Всякий философ, всякий богослов, по существу, всю свою жизнь работает над тем, чтобы как-то выразить сущность своей первичной инициальной идеи, интуиции своего инициального провидения. Все остальное в его трудах – или обрамление, или пути к изъяснению через развитие некоей системы, в которую он втиснет свое новое слово и вне которой оно оставалось бы просто невосприимчивым и непонятым никому из читателей. Важно почувствовать, уловить эту инициальную идею автора и затем в ней пройти путь ее логического развития. В каждой таковой новой идее заложен некий опыт, личный, новый, могущий вызвать новые понимания в душе иного человека, обогатить его познание новым откровением.

Опыт перехода границ нашей индивидуальности через переживание всех наших состояний не как наше индивидуальное, но как откровение о совершающемся в мировом бытии, поможет нам понять и то, что «любить ближнего, как самого себя», в плане психологическом, индивидуальном, – значит любить БОЛЬШЕ, чем самого себя, ибо это целое, становясь «моим», приобретает для меня большую ценность, чем мое маленькое индивидуальное существование.

Таким образом, то, что являлось совершенно неприемлемым в первом стремлении выйти из границ моего маленького «я» в беспредельность сверх-личного Абсолюта, становится таким простым и естественным в молитве любви за все человечество, за всего Адама. Нет тогда этого маленького, нет тогда и безличного, нет метафизического «одиночества», нет монотонности вечного самосозерцания, но – беспредельно богатый непротяженный и в то же время вечный акт любви. Непротяженный, ибо превосходит все протяжения времени; вечный, но не статически-мертвый.

Кстати, та сила жажды, с которой стремится человек к вечному, не есть ли показатель, что в человеке и после падения осталась некая возможность не только мыслить, но и стремиться к добру; не только стремиться, но до каких-то пределов и реализовывать эту расширенную жизнь без познания о Христе, без идеи о Святом Духе, только в силу самой природы тварной человека? Итак, натура сия сотворена была изначально не как мертворожденная, но как должствующая перейти от смерти в жизнь, то есть от временного течения к беспредельной вечности.

Может показаться паралогизмом слово о том, чтобы мы жили весь мир, как нашу личную жизнь. И если эта жизнь будет принадлежать нам, подобно тому как наше маленькое тело теперь принадлежит (если принадлежит) нам, то где окажутся все прочие люди, все другие «персоны»? Да, в этом тайна Бытия, что при единстве не уничтожается множественность. То же самое содержание всего

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org космоса, и даже того, что является сверх-космическим, то есть Божественная жизнь, – единое содержание, словно единая объективность, вмещается в орбиту каждой отдельной ипостаси без того, чтобы отстранить прочие ипостаси. Замечательно то, что эти прочие ипостаси вечно останутся ни с чем иным не сливаемыми, ни на что иное не сводимыми, вечно «другими», вечно «новыми», вечно вызывающими восторг, который, восторг, и составит энергию, движение, содержание вечности.

Подобно тому как на Земле любовь без обожания adoration всегда останется где-то глубоко внизу, некоей формой низкой страсти, недостойной персонального начала в человеке, подобно сему эта напряженнейшая работа является непременным условием и вечной любви. Непреставшее удивление (emerveillement), непроницаемая «тайна» иной свободной ипостаси, вечно любимой, но и вечно свободной, никому не принадлежащей, кроме самой себе.

Человек-Ипостась в своем общении с Духом Бога через молитву видит и сознает себя в вечности Творца нашего, хотя и пребывает еще в условиях тленности плоти своей.

Господь вдохнул в человека при творении дыхание жизни, и человек стал живую душою (см.: Быт. 2:7); однако это еще не было тем рождением от Духа свыше, о котором говорит Христос: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:6); и еще: «Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1:12–13); и еще: «Должно вам родиться свыше» (Ин. 3:7).

СОБОРНОСТЬ есть подлинно христианский образ церковного единства. Соборность – реализованная, актуализированная – есть всеединство. В акте ЧИСТОЙ молитвы о всем Адаме, как о самом себе, познается образ Божественного единства в Троице. Человек по естеству, задуманному Богом в творческом акте, – единое, многоипостасное бытие.

Моноипостасный Бог ислама вечно пребывает трансцендентным для твари. О нем возможно лишь «апофатическое» богословие: говорить только о том, что Он не есть; о неприложимости к Нему тварных категорий, без возможности мыслить о том, ЧТО Он есть; жить и видеть его КАК Он есть.

Достоверным признаком того, что еврейский народ даже до пришествия Христа не познал подлинного смысла Откровения Личного Бога, является тот факт, что сыны пророков и закона ждали Мессии только для погибших овец Израиля. Одним из самых существенных для них моментов непризнания Христа за Мессию было то, что Он, Христос, вовсе не ограничивал Себя еврейским народом, но мыслил все народы земли. Именно это ограничение задания Мессии исключительно еврейским народом как единственного избранного из всех прочих народов вселенной показывает, что они не знали и не принимали любви ко всем людям, ко всему человечеству. Они мечтали воцариться над всем миром с Мессией-Царем во главе.

Наша рациональная логика не соответствует учению о Боге Едином и Троичном – Триедином, явившемся нам через воплощение Сына и Слова Отчего и через сошествие Святого Духа в Пятидесятницу.

Наше настоящее мышление несет в себе последствия падения: утрату единства с Божественным бытием – ПРОСТЫМ, но в котором наличествуют «различения», не вносящие распада в единство.

Отпадение от Единого Бога привело наше человеческое бытие в состояние распада на множество взаимно отталкивающихся страстей.

Народы Азии не восприняли Откровение о ПЕРСОНЕ, будь то в отношении Перво-Бытия, будь то в отношении человека.

Современный коммунизм также есть отрицание христианского персонализма.

Первичная идея святого коммунизма дана по дару Святого Духа нам, христианам, судя по свидетельству Деяний апостольских. Следите внимательно за происшедшим в те дни (Деян., гл. 4). Взяв некоторые из основных положений из учения Христа, коммунисты сузили понятие о человеке. Они перевернули смысл Евангелия: для них ОБЩЕЕ – прежде всего; личности приносятся в жертву сему общему. В этом аспекте они приблизились к азиатам.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org отвергнув идею воскресения, они легко убивают тех, кто с ними не согласен. Они гонят Церковь, как сопротивляющуюся им силу. Но сопротивление Православной Церкви есть только внутреннее; внешне она следует заповеди Христа: «Не противьтесь злomu... не бойтесь убивающих тело» и другим, как, например: «любите врагов ваших» (Мф. 5:39, 10:28; 5:44). Таким образом коммунисты борются с православным христианством не потому, что эти христиане в политическом плане их враги, но потому, что они считают веру в воскресение обманом для народа. Как нечто совершенно ложное, Церковь в их глазах должна быть уничтожена в современном «научном» обществе. В жизни обычной мира сего люди гонятся за «счастьем», за приятными переживаниями, но вследствие именно этих переживаний они кончают печальным образом свою жизнь. Вначале они имеют интенсивную деятельность, пародию на жизнь, затем вкушают горечь смерти.

В христианской жизни наоборот: сначала человек ведет борьбу с последствиями падения Адама в каждом человеке. Эта борьба связана со многими тяжелыми подвигами, болезнями, внутренними и даже телесными, с проявлениями смерти в каждом из нас. Покаяние носит характер агонии, но кончается радостью новой жизни, нескончаемой, глубоким миром, блаженством любви, примирением с Творцом и Отцом нашим.

Бог часто не отвечает на наши молитвы. Он МОЛЧИТ. Его молчание для многих является показателем того, что «Бога нет», «Он умер». Но если бы мы подумали, в какое положение мы ставим Бога нашими страстями, то видели бы, что у Него нет иного пути, как только молчать. Мы ищем от Него встать на нашу сторону в наших неправдах.

Он не обвиняет нас явно, оставляет нас идти нашими злыми дорогами и пожинать плоды наших собственных грехов. Но если мы обратимся к Нему с покаянием, то Он приходит скоро, быстрее, чем можно ожидать.

Зная наши нужды, Он нередко предупреждает их. Едва мы произнесем слова просительных молитв наших, оправданных реальностью нашей жизни в сем мире, как Он уже исполнил их.

Итак, МОЛЧАНИЕ Бога есть ответ на наши неправды, самый красноречивый, самый благородный. Мы изгнали из нашей жизни Бога Слова, слово Божие; мы пренебрегли этим словом и вот пожинаем плоды нашего же дела.

Чрез тотальное покаяние, долженствующее достигнуть космических измерений, то есть падения Адама, вырываемся мы из мертвых объятий индивидуума и вводимся в созерцание нетварного Света, в котором познаем божественную универсальность учения Христа.

Заповеди Евангелия обладают свойством раскрыть сердце и ум человека до сверхкосмических измерений, до Божественной беспредельности.

В заповедях Христа заключено самооткровение Бога нам. Чем глубже мы проникаем в их дух, тем конкретнее становится наше богосозерцание.

Когда заповеди сии, благоволением Бога, становятся единственным законом нашего бытия, и временного, и вечного, тогда мы становимся подобными Христу персонами и «увидим Бога как Он есть» (1 Ин. 3:2).

Когда мы ненавидим себя за живущую в нас тьму и молимся всем существом о спасении, тогда раскрываются для нас беспредельные горизонты заповеданной нам любви.

В молитве за весь мир, как за самого себя, мы усматриваем первую ступень реального опыта персоны. Через сию молитву, подобную Гефсиманской молитве Христа, мы воспринимаем новый образ бытия – ипостасный. Вне опыта молитвы Гефсиманской мы лишены осознать различие между индивидуумом и персоной. Без встречи с Абсолютной Персоной Христа мы не имеем возможности стать подлинным образом Абсолюта Бога. Конкретный признак-критерий начала нашего обожения состоит в том, что мы осваиваем слово Христа и оно становится нашим словом, подобно тому как мы усваиваем язык матерей наших. Мы мыслим, как Он научил нас; мы чувствуем, как Он дает нам.

О молитве

Молитва есть предстояние наше пред лицом Абсолютного Бога. Если в Акте

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org творения мира из ничего Бог Творец полагал вне Себя некую сущность, некую иную природу, то в акте нашей молитвы мы пытаемся войти в единение с тем, что превышает нашу природу тварную. Отсюда – молитва является актом, «вышестественным» для нашего мира. Поскольку молитва есть состояние вышестественное, постольку мы можем сказать, что все «природное» оказывает ей свое сопротивление. И самый опыт показывает, что молитве противится мир сей во всех планах своего натурального бытия.

Но мы созданы по образу Божию. Отсюда наша способность воспринять от Бога откровение о Его Божественном бытии, и даже способность воспринять в себя это Бытие. Сначала это восприятие выражается как некая «интуиция веры». В некоторые моменты приходит к нам свет, луч которого прорезывает материальный массив этого мира, и вдали, в конце этого прорыва, мы видим свет Божества.

Устремляясь к нему, мы начинаем наше шествие по тому узкому прорыву, который открылся пред нашим умным взором в минуту откровения. И путь сей долог и тернист.

В самый момент нашего восприятия Божественного бытия в акте «интуиции веры» мы еще не сознаем, что это первое видение есть только начало, обнаружение потенциальности нашей к Божественной жизни; актуализация же проходит по сему долговому и узкому пути. Долгое шествие сопровождается многими преткновениями, часто изнеможением, потерей из виду того света, который облистал нас... и бывают моменты и даже периоды, когда сияние света сокращается настолько, что наше первое видение становится как бы нереальным, как бы миражом.

Эти моменты, несомненно, являются самой глубокой и самой великой из всех возможных трагедий тварного существования. Страдание человека в такие моменты носит характер воистину метафизический, и проходимый им опыт по степени болезненности своей превосходит всякое иное страдание.

Мы не можем говорить о том, почему Бог положил именно такой путь твари, восходящей к Нему, своему Творцу. В самые периоды испытания сие не кажется нам благостью к нам Бога, но ... боюсь сказать это слово – «жестокостью» Бога. Такою жестокостью, пред которой все преступления, совершаемые в сем мире, бледны и ничтожны.

Однако подобное состояние вовсе не есть истинное видение Бытия, как оно создано Богом, хотя в нем и наличествуют элементы истины. Неистинно в этом видении «жестокости» Бога то, что мы переживаем наше отлучение от Него как отвержение Им нас, тогда как мы не замечаем, что не Бог отвергает нас, а наше пристрастие к твари является «медной стеной» между нами и Богом. Мы вовсе не легко открываем в себе наше пристрастие к твари. Мы часто совсем не хотим остановиться на том, что в нашем молитвенном стоянии пред Богом мы пытаемся не столько войти к Нему чистыми от всего ограниченного, сколько свести Его к нашей ограниченности и даже заставить Его служить нам в нашем стремлении к земному.

Характерно для усиленной молитвы, что увлекает она и сердце, и ум в их стремлении к вечному настолько, что все прошлое забывается и сознанием владеет единственная забота – стать достойными Бога. Чем сильнее наше устремление к беспредельному, тем медленнее кажется нам наше движение. Подавляющее ощущение своей ничтожности, с одной стороны, и величие искомого, с другой, создают ощущение медлительности. Все в этом положении происходит вне возможности для нас сравнения с кем-либо иным, а отсюда невозможность и относительного суждения о нашем движении вперед или назад. Человек действием Бога в нем духовно растет быстрее в смысле созерцания святости Его, и создается впечатление, что расстояние между ним и Богом не перестает расти. Ужас, особый, не животного порядка, а духовного, охватывает всего человека, и в силу этого он собирается внутрь все глубже, все сильнее. Это сосредоточение внутрь может принять форму «спазмы». Весь человек «сжимается»; молитва становится воплем без слов. И сожаление о нашей удаленности от Бога принимает форму (характер) невыразимого горя. Да, нет большего горя, чем видеть себя недостойным Святого святых.

Истекшие тысячелетия показали, что тело человека строится сообразно устремлению духа: люди физического труда развиваются физически; представители интеллектуального сословия – интеллектуально, с некоторым ущербом для физической силы. Молитва, как сильное устремление духа к Богу,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org приводит к многочасовому стоянию пред Лицом Вечного. По качеству умного действия она, несомненно, принадлежит высшему плану; поглощая едва ли не всю жизненную энергию человека, она лишает его возможности посвятить достаточно времени для научной работы, философских размышлений, чтения многих книг, увеличивающих багаж практических знаний, и подобное. Молитва, в ее благороднейших формах, есть предстояние Богу лицом к Лицу. Она связана с предельным напряжением всего существа нашего. Через молитву можно восполнить недостаток естественных дарований вышеестественными; пробелы в сфере рационального знания вознаградить высшим видом познания Бытия. Превосходя план демонстративного мышления, она удостаивает человека непосредственного созерцания Божественных истин.

Молитва руководит нас во всех обстоятельствах жизни нашей. Мы, например, не можем знать, что есть в сердце другого человека, и не знаем поэтому, что нужно сделать или сказать о том или другом случае. Молясь Богу, прося себе вразумления от Всеведущего, мы в молитве получаем указание должного.

Жизнь бесконечно разнообразна. Всякому человеку положен свой особый путь. В уме своем мы можем строить различные планы на будущее, но в своем осуществлении жизнь и в целом, и в каждом отдельном акте нашем или моменте все же неизбежно единична и неповторима. Из этой единичности и неповторимости прошлое представляется многим людям как рок, написанный им кем-то, судьбу, как говорят. Эта единичность и неповторимость пугает человека как неизбежная судьба. Но мы, христиане, освобождены от этого кошмара. Мы знаем верою и опытом, что мы свободны в выборе своем. Этого, однако, мало. Быть свободным в выборе еще не значит быть мудрым и истинным. Все мы сознаем, что если мы не обладаем всеведением, то не можем вынести решения должного в последнем значении этого слова. Когда мы в жизни должны решиться на какой-нибудь шаг, на какую-либо перемену, существенную и даже несущественную внешне, тогда никакие человеческие расчеты, никакая логика не помогут нам решить этого вопроса, не даст нам предвидеть, в каком случае результат нашего действия будет благим и в каком губительным. И если в более совершенном виде только люди, обладающие пророческим зрением и слухом, как друзья Божии, молитвою могут познавать волю Божию, то все же и мы, всякий из нас, через молитву должен искать решения всякого вопроса. Пусть вначале будет все неясно, смутно, сбивчиво. Если постоянно будем все же прибегать к Богу, то постепенно сердце наше познает этот путь и тогда восхвалит Господа от великой радости, рождаемой этим познанием.

Когда человек впервые достигает в молитву, то она потрясает его и как бы сокрушает, раздавливает. Вхождение в мир вечности Божественной, или, иначе, сие свыше рождение, связано с болезнью: «Поболехом и родихом дух спасения...».

Прииди, свет истинный, Прииди, жизнь вечная. Прииди, тайна сокровенная, Прииди, сияние неуловимое. Прииди, существо неименуемое, Прииди, естество неприступное. Прииди, сокровище неизреченное, Прииди, Лицо непостижимое. Прииди, день невечерний, Прииди, солнце незаходимое. Прииди, сила неимущих, Прииди, мудрость некнижных. Прииди, радование непрестанное, Прииди, надежда неложная. Прииди, падших восстание, Прииди, мертвых воскресение. Прииди, неприкосновенный и неосязаемый, Прииди, всегда неизменный и непреложный. Прииди, приснонедвижимый, Прииди, непрестанно все приводящий в движение. Прииди, от всех сокрытый, Ты, не имеющий где укрыться, как все наполняющий и вездесущий. Прииди, имя превождевленное, Прииди, превышали небес. Прииди, Ты, которого возлюбила душа моя, Прииди, Один к одному. Прииди, ставший желанием в нас, Прииди, соделавшийся единственным исканием нашим. Прииди, наша радость и Слава, Прииди, и вселися в ны, о всеблагой Царю и Владыко, и пребудь в нас неотступно и неразлучно и в сей жизни и по исходе нашем, дабы и мы пребывали в Тебе и соцарствовали с Тобю, Богом, Сушим над всеми.

В наше время с великим удовлетворением приходится отметить непрестанно возрастающее число людей, одаренных повышенной интеллектуальной восприимчивостью, часто даже «проницательностью». Многие могут быть рассматриваемы не только как просто одаренные (талантливые) люди, но и как действительно приступающие к граням гениальности. Это явление имеет своим следствием появление множества книг весьма высокого достоинства; книг, которые составляют воистину украшение нашей эпохи. И это касается не только вопросов техники, науки и социологии, или философии, этики и даже богословия. И последнее сделало поразительные успехи. Но что всего удивительнее и значительнее, что появилось немалое число сочинений и даже целых книг о молитве, о глубокой созерцательной жизни.

Сие последнее явление, как и все прочее в человеческой жизни, может быть оцениваемо различно. Можно приветствовать этого рода произведения, но можно, и это не совсем без оснований, опасаться отрицательных последствий, к которым способно привести неопытного еще человека всякое неверное представление предмета сего.

Правда, в данном случае я обнаружу мою принадлежность к восточной христианской традиции, где всякое преждевременное выступление опасно, потому что оно, как показывает опыт веков, НЕИЗБЕЖНО приведет к пресечению молитвы, закроет пути к чистой молитве, быть может, даже навсегда, переведет центр внимания из сердца в мозг, превратится в отвлеченное сознание, в эрудицию, приведет к потере благодати, исключит возможность соединения ума с сердцем, что преследуется при внутренней молитве.

Для других опасно в том смысле, что всякий читатель таких произведений, не имея иного руководителя, может увлечься идеями автора читаемой им книги и последовать его учению в том пункте, где оно, это учение, было неверным, будучи не больше, чем догадкой естественного разума автора.

Такого рода ошибки обычно рассматриваются как не имеющие кардинального значения, тогда как действительно может быть, что они имеют именно это кардинальное значение. Неправильно молящийся умною молитвою может повредить себе и сердце, и ум; может прийти в такое состояние, что вообще потеряет способность произносить молитву. Возможны тогда и различные психические, и ментальные заболевания. «Канон» есть некое указание о том, что должно быть нормою жизни христианина, стремящегося исполнить заповедь о непрестанной молитве.

В русском издании «Указаний иерею» есть слова, безусловно, страшные: если кто-либо (из иереев) не исполнит всего положенного ПРАВИЛА, то дерзновение его совершить Божественную Литургию явится смертельным грехом. Можно с уверенностью сказать, что эта норма ПОЧТИ никем не выполнялась за последние десятилетия в условиях мира, и лишь монахи или иеромонахи в монастырях, хорошо организованных, внешне выполняли эту норму, превышающую норму прочих. Нет нужды говорить здесь о действительной пользе такого установления для иеромонахов и монахов, но нельзя не упомянуть и о том, что эта «форма» молитвы, не будучи подлинно высшей и наиболее полезной, становилась обычно препятствием для молитвы, действительно более высокой и более действенной. Эту «систему» воспитания монахов нужно признать не более чем «относительной». Помню, однажды я спросил наместника игумена, можно ли мне, приготавливаясь к служению Литургии, вместо положенных канонов творить умную молитву. Чтение канонов берет приблизительно сорок пять минут. Я просил благословения на молитву: приблизительно один час. В ответ он сказал мне:

– Вы должны исполнить правило, как оно положено. После можете, если хотите, творить молитву сколько угодно времени...

Я ответил:

– По прочтении всего правила я чувствую себя уже утомленным, и установиться на молитву уже нет сил. Ночь короткая, и нужно быть в силах служить Литургию.

Наместник заметил:

– Правило обязательно, а Ваша молитва не обязательна.

Когда я рассказал Старцу Силуану о моей беседе с наместником, то Старец объяснил мне: «Наместник, в его положении, не мог дать Вам иного ответа, боясь, что другие узнают об этом, и тогда расстроится дисциплина молитвы, если и они захотят оставить чтение положенных канонов. Но, конечно, в глубине он понимает Вас и не против молитвы».

Аскеза развивает способность и тела, и духа сострадать страдающим, живо реагировать на их радости, интуитивно проникнуть в их нужды и молитвой найти нужное для них слово утешения или одним соучастием сердца сообщить им новые силы. Растущая в нас сострадательная любовь приближает нас к тому строю мыслей и чувств, которые мы видим в Самом Христе (ср.: Флп. 2:5). По мере же уподобления нашего Христу в Его земном явлении, мы, конечно, будем

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org подобны Ему и в Его Божественном бытии. Именно сие и есть то, что в богословии именуется «обожением», или «спасением человека». Если мы проявляемся в плане Земли так, как явил нам Себя воплотившийся Бог, то, значит, Дух Святой действует в нас.

Подобно тому как заповедано нам Господом скрывать от чужих глаз наши молитвы (ср.: Мф. 6:6), должны мы тайне совершать наши подвиги (ср.: Мф. 6:16–18), иначе весь плод будет погублен грубым или тонким тщеславием. Когда мы смотрим на электрические провода высокого напряжения, то мы издали не ощущаем текущей по ним страшной энергии; малые птицы садятся на них и не страдают. Так и при правильной аскезе люди извне мало что видят. Если мы не в пустыне, то мы должны казаться людям спокойными, так, чтобы не было никакой драмы на нашем лице. Но внутренне, духом подвижнику нужно пребывать напряженным до предела своих сил. Только когда он один, позволяет он себе предаться молитве с плачем и воздыханиями. Недопустимы тогда никакие свидетели. Молитва своего любителя, как мать ребенка, выносит из беспокойной толпы, освобождает его от участия в столкновениях бурных страстей. Не есть ли это одна из форм того «разделения», которое принес Господь в наш мир (см.: Лк. 12:51)? Немало таких, которым тяжело общение с носителями духа. Но сии последние пусть помнят, что и один, подлинно в смирении молящийся, влияет положительно на судьбы всего мира. Никто не спасается один, и никого нельзя спасти принуждением. Однако если в атмосфере Земли присутствует пламя молитвы, то она, невидимая, не подозреваемая большинством, все же изменяет ход событий.

Так, Гефсиманская молитва Христа вечно сопутствует всем и каждому из нас независимо от того, разумеет ли мы это или нет. Господь молился за погибающих, и верующий тоже молится о них. Христос взял на Себя тяготу грехов, Сам не согрешив. А мы, страдальчески каемся в своих грехах, сострадаем подобным нам братьям. Если мы осуждаем только самих себя, то сострадание наше миру действительно бывает для множества других.

Когда мы видим во всем мире, как тиранически некая часть граждан обращается с остальным народом страны посредством всяких насилий и убийств, тогда естественно появляется в нас желание внести хотя бы некоторый корректив во взаимоотношения людей и, если возможно, положить конец звериной сваре. Но если мы включимся в борьбу за такое преобразование общественного порядка насильническими методами, подобно всем прочим, то вместо того чтобы приблизить совместную жизнь различных слоев населения к большей человечности, мы усложним вселенскую смуту, становясь всего лишь одной из сил, борющихся между собою все на той же арене. Многие морально чуткие личности впадают в эту ошибку. Движимые, как им кажется, добрыми, гуманистическими намерениями, они становятся жертвами своих односторонних мировидений. Достигнув власти, они бывают способны тогда за полное торжество своих идей губить и разить всех инакомыслящих. Результат – противоположный первоначальной идее.

Для перерождения и нас самих, и вообще каждого человека необходимо оторваться на время от оглушающих криков борьбы страстей, вырванные свободные часы посвятить молитве и тем уклониться от участия в адском концерте. Перед нами святая цель. Мы знаем это. Но путь к искомому благословию лежит через колючие заросли среди дремучего леса. Не избежим мы раздирающей боли от кровоточащих ран по всему телу нашей жизни. Наше хрупкое, легко уязвимое тело, страдая от непомерного труда, может отвлекать наш ум от созерцания вечных ценностей; но, опять, усиленная молитва мощна пробиться сквозь материальную преграду к чистому Свету.

Предаваясь подвигу – следовать Христу через хранение Его заповедей, верующие постепенно проникают в сферу небесной симфонии. Преображенные сим опытом становятся изнутри солидно защищенными от вредных влияний окружающей среды и тем самым могут благоприятно повлиять на многих, соприкасающихся с ними людей. Беспорядочный гул и свист повседневной суматохи одурманенных масс уже не заглушит в душе услышанное небесное славословие.

Хранение заповедей Христа приблизит верующего к созерцанию жизни Бога, как она есть в Самом Боге от века и прежде всех веков. Сердцевина Нагорной проповеди Христа – «любите врагов, благословляйте проклинающих, благотворите ненавидящим, чтобы стать совершенными, как совершен Сам Отец наш Небесный» (см.: Мф. 5:44, 48). Ясный вывод: учение Христа есть САМООТКРОВЕНИЕ Бога человеку как Он есть в Его изначальном Бытии. Отсюда вполне нормально принять слова апостола Павла: «Он избрал нас в Нем ПРЕЖДЕ

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org СОЗДАНИЯ МИРА» (Еф. 1:4). «Нас», то есть всех уверовавших во Христа, готовых «подвизаться за веру, однажды преданную СВЯТЫМ» (Иуд. 1:3), то есть чтобы уподобиться Христу и быть ТАМ, где Он есть (см.: Ин. 12:26).

О творчестве

Христос есть мера всех вещей: временных и вечных, Божественных и человеческих. В силу этого все, что я предположил здесь писать, будет исходить из созерцания Христа – Богочеловека, Наша христианская антропология не должна носить отвлеченный характер, но непременно служить фундаментом для всей нашей жизни в Боге; я готов именовать сию антропологию аскетической. Многогранен образ Божий в человеке. Один из аспектов – творческая сила, проявляющаяся в различных областях культуры всех видов, то есть цивилизации, искусства, науки. Первозданному была дана заповедь при введении его в природный мир: «возделывать его (мир) и хранить его» (Быт. 2:15). Природный мир устроен таким образом, что человек поставлен в необходимость творчески решать непрестанно возникающие пред ним проблемы. Перечисленные мною не исчерпывают, однако, всего человека. Помимо производства всего, что требует человек для сохранения своей жизни на Земле, он восходит от этих низших форм к более совершенным: духовным, трансцендирующим все видимое и временное. Во временном плане творческая способность направляется книзу, к земле, чтобы организовать сырую данность природы соответствующим потребностям человека и нуждам. В таком случае цель достигается в пределах природных способностей человека; во втором случае творчество направлено к миру высшему, где одних естественных дарований человека недостаточно. Как ПЕРСОНА человек обладает свободой воли, выражающейся не в творении из «НИЧТО» чего-либо совершенно не бывшего, нового, но как конвергенция (согласованность) с волей Бога, подлинно Творца, или же дивергенция (уклонение или даже отвержение) воли Его. Только то творчество, которое совпадает с волей Отца небесного, производит плоды, могущие перейти в вечность; всякое иное впадает в небытие: «всякое растение, которое не Отец Мой насадил, искоренится» (Мф. 15:13). «Я есмь лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и горят» (Ин. 15:5–6). Чтобы быть сотрудником Бога в творении мира, человек должен непрестанно стремиться к возможно большему познанию Самого Бога. Сей процесс восхождения в познании Бога есть также творческий акт, однако особого порядка; цель сего – соучастие в вечном творческом Акте Отца, достижение последнего совершенства через пребывание в потоке Божественной вечности, куда первым вошел Христос человек. Христианин в своем творческом искании постепенно покидает все, что носит лишь относительный и временный характер, чтобы пребыть в непреходящем. В пределах Земли совершенство не бывает до конца совершенным. И все же мы называем и его совершенным. Подражая Христу, сказавшему: «Я ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Ин. 8:28), и мы должны стремиться к тому же, по замечанию Старца Силуана: «Совершенные от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух Святой».

И это есть истинное творчество, наивысшее из всего, что доступно человеку. Не пассивно, а через творческий подвиг идет человек к этой святой цели; но не теряет из виду, что никак не должно ему самому творить Бога по образу своему, во что впадают многие философы и даже богословы.

Все мое прошлое естественно толкало меня на размышление о творчестве в его различных проявлениях и также о смысле его. Сейчас я располагаюсь рассказать кратко, как мои занятия живописью привели меня к молитве: говорю о действительно конкретном случае,

В дни молодости моей один русский живописец, впоследствии ставший знаменитым, увлек меня идеей чистого творчества, склонив к абстрактному искусству. Два или три года я был жертвой сего увлечения, приведшего меня к моей первой, изнутри родившейся богословской мысли. Всякому артисту (то есть деятелю искусства) свойственно воспринимать бытие в образах своего искусства; так и я черпал идеи для моих абстрактных этюдов из того, что давала мне окружавшая меня действительность: люди, растения, дома, сложные технические сооружения; неожиданно прихотливые сочетания теней от солнца или электрических ламп на полу, стенах, потолках и многое другое. В моем воображении я создавал видения, но так, чтобы они не были похожи ни на что, реально в природе существующее. Таким образом, я предполагал быть не копиистом натуральных явлений, но творцом новых художественных (живописных)

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org фактов. К счастью, я понял, что мне, человеку, не дано творить «из ничто», как творит единственно БОГ. Было мне ясно из этого опыта, что всякое человеческое творчество обусловлено уже существующим. Я не мог создать ни одной такой линии, которой нигде никогда не существовало, или цвета. Абстрактная картина подобна набору оригинально звучащих слов, но никогда не выражающих целостной мысли. Мое творчество предстало мне как дезинтеграция бытия, падение в пустоту, в абсурд, возвращение в «ничто», из которого мы вызваны творческим Актом Бога. Тогда отпал мой ум от бесплодной попытки сотворить нечто совершенно новое, и проблема творчества в моем сознании связалась с проблемой ПОЗНАНИЯ БЫТИЯ. И нечто чудное произошло со мною: едва ли не весь мир, едва ли не каждое зрительное явление становилось тайной, красивой и глубокой. И свет стал иным: он ласкал предметы, окружал их ореолом как бы славы, сообщая им вибрации жизни, не поддающейся изображению средствами, которыми располагает художник. Зарождалось внутри благоговейное преклонение пред Первым Художником, Творцом всего, с желанием встретить Его, учиться от Него, познать, КАК ОН ТВОРИТ.

Мои беседы со Старцем Силуаном о молитве и о чем бы то ни было сосредоточивались всегда на Персоне Христа, единственном Учителе абсолютного авторитета. Он дал нам «пример» во всем (ср.: Мф. 23:8–10. Ин. 13:13–15). И Старец учил всматриваться, КАК Он, Сын Человеческий, действовал. «Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь» (Ин. 5:19–20). Но Единородный Сын, став Сыном Человеческим, во всем уподобится нам (ср.: Евр. 2:17. Флп. 2:7); следовательно, все, что Он говорит о Самом Себе, как Сыне Человеческом, приложимо к каждому из нас. Если мы в Сыне, Которого любит Отец, то и мы являемся Его сынами, тоже возлюбленными (ср.: Ин. 16:27), и нам Он покажет ВСЁ, что и как Он творит. Да, во Христе мы призваны стать общниками всего творческого Акта Бога и Отца нашего.

Путь к сему совершенству таков: дух человека отходит от бесчисленного разнообразия явлений природного мира и всю силу обращает к Богу. И это есть предел человека на Земле. Когда же по исходе своем отсюда душа восходит к Богу для вечного в Нем и с Ним пребывания, тогда «изнутри сего Бытия» приходит познание и вхождение наше в Акт творения Богом всего существующего. Залогом сего является дар чудотворения. По слову святителя Григория Богослова: «Бог мыслит мир, и мир существует»; и святые не физическим воздействием на природу творят чудеса, но они в молитве к Богу мыслят искомое, и оно приходит.

Материнство как служение женщины

Положение женщины в прошлых веках было исключительно тяжелым, и даже до сего дня оно остается не вполне разрешенным. Во всех планах жизни эта проблема оказывается чрезвычайно сложной: и в плане государственного законодательства, и в плане социального строения общества, и в плане распределения труда, и в плане воспитания и образования, и, наконец, в плане церковной жизни. Многие изменилось за последние десятилетия; во многих отношениях женщина заняла несравненно лучшее прежнего положение, но все же остается неустроенною жизнь, и не найдена действительно верная мера. В прежние века мужчина являлся законодателем, господином. Женщина же часто бывала слишком унижена, и при искании правды и справедливости у всех, кто желал улучшения положения женщины, была мысль: уравнивать ее в правах с мужчиной во всех планах. Этот путь дал прекрасные результаты: многие женщины стали учеными, занимают ответственные места в государственных аппаратах, стали играть историческую роль, участвуя в выборах правительства. В семье также положение женщины изменилось в ее пользу.

Да, все это так, но можно ли считать разрешенными вопросы не только труда женщины, но даже и ее семейного положения? Опыт истории показал, что огромное тело человечества состоит из клеточек, и таковой клеточкой является семья. В зависимости от того, здоровы ли клеточки, находится здоровье всего тела.

Итак, огромное тело человечества, то есть его здоровье, зависит от того, здоровы ли клеточки этого тела, то есть семьи. Можно ли считать современное положение благополучным? В силу того что женщина становится совершенно независимой экономически, работая так же, как работает всякий мужчина, участились распады семей, то есть разводы. И если нет распада семьи, но

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
женщина вынуждается работать или на фабрике, или в бюро, или в иных коммерческих учреждениях, то опять страдает семья, так как для детей нет уже ни отца, ни матери, и дети отдаются на воспитание в школы, лишенные ласки своих матерей.

Если женщина работает в равной мере с мужчиной, то опять нарушенную становится справедливость, так как женщина в семье, помимо работы, несет еще и иные тяготы. Иные функции выпадают на ее долю именно потому, что она – мать детей. Казалось бы, что в связи с тем, что на женщине лежит большая ответственность, более сложная роль, ей должна бы была принадлежать и привилегия управлять семьей. Ведь кто-то должен управлять даже в семье, как и во всяком ином человеческом учреждении. Так во многих семьях рождается борьба за власть, которая слишком часто кончается катастрофически для существования семьи. Итак, куда бы мы ни повернулись, повсюду видим чрезвычайно сложные проблемы, и разрешение их еще не близко.

Эти немногие замечания сделаны мною, с тем чтобы взглянуть на вещи так, как большинство людей смотрят на них. Но я думаю, что мы, как христиане, видим еще и то, чего другие не замечают. Мы полагаем, что самым важным вопросом вообще для каждого человека есть вопрос: ЧТО есть человек? Каково его предназначение? Почему и зачем явился он в мир? Какая пред ним цель?

Какой смысл его существования? Не ответив себе на эти вопросы, мы никогда не сможем разрешить и других стоящих перед нами вопросов ни в одном плане. Нельзя, например, достигнуть воистину справедливой структуры общества без этого познания. Нельзя разрешить проблемы государственного строительства, если мы не имеем ответа на этот главный вопрос. Вся история человечества становится бессмысленным вращением, безумными войнами, несправедливым насилием сильного над слабым, подобно тому как это мы видим в животном мире. Итак, ЧТО же есть человек? Ответ на этот вопрос мы получаем в Священном Писании: «И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). И далее немного читаем: «Создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7),

Итак, если мужчину и женщину сотворил Бог как единое человечество, то естественно, что вопрос соотношения между мужчиной и женщиной всегда был и всегда будет одним из самых важных жизненных вопросов. Если мы примем во внимание естественные дарования женщины и сравним их с таковыми мужчины, то увидим из многотысячного опыта, что дарования эти различны; они иногда совпадают, а иногда являются дополнительными друг для друга. Мы знаем также из истории и из Священного Писания, что на Востоке, где родились все великие религии, господство мужчины над женщиной было чрезвычайно великим. Женщина в сознании Востока являлась как бы низшим существом. Даже в Евангелии мы видим такие тексты, как, например: «А евреев было около пяти тысяч, кроме женщин и детей» (Мф. 14:21). Принимали во внимание только мужчин, а женщин даже и не считали. Но не только на Востоке видим мы это.

Помню, ребенком читал я германские статистики учетных о роли мужчины и о роли женщины в истории культуры. И германские ученые указывали на сделанное мужчиной, как на великую гору, а из женщин отметили всего несколько, которые так или иначе оставили свои имена в истории культуры.

Нам кажется, что это недоразумение явилось следствием потери сознания того, что сказано в Писании: «И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Забывают об этом не только мужчины, но и сами женщины. И чтобы исправить всю нашу жизнь во всех ее планах, начиная с семьи, женщины должны возвыситься духом и явить в мире свое подлинное значение, свою высокую роль. Для христианской Церкви вопрос о роли женщины с каждым годом становится все более острым. Мы видим, что в странах, где атеистический коммунизм ведет открытую борьбу против Церкви с применением всякого рода насилий, Церковь спасает мужество женщин, их жертвенность, их готовность на всякие страдания. Повсюду мы видим, что в храмах женщины составляют наибольший процент. Можно сказать, что в храмах на молитвах женщины составляют большинство, иногда три четверти, а иногда и еще больше. Если бы сейчас все женщины ушли из Церкви, то Церковь не могла бы существовать, ибо мужчины, выполняющие высокое пастырское служение, занимающие высокие иерархические посты, стали малочисленны и, просто говоря, материально для них было бы невозможно удерживать Церковь.

Итак, велика роль женщины в Церкви, и все мы должны думать об этом явлении.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
В нашем христианском учении о человеке, говорю о богословии, женщина является в такой же мере человеком, в какой и мужчина. Ее возможности служения не ограничены в истории. Тот факт, что Бог Слово воплотился от Жены, показывает, что женщина нисколько не умалена пред Богом.

Но здесь я хочу высказать самую главную мысль моей беседы. Все, что я сказал до сего времени, было только вступлением, чтобы всем нам установиться в определенном ходе мысли. Если мы говорим о высоком назначении женщины, то и сами женщины должны оправдать это назначение их. Оправдать себя во всех планах жизни человечества. Но самым существенным для нее делом, самой важной ее функцией является МАТЕРИНСТВО: «и нарек Адам имя жене своей ЕВА, то есть жизнь, потому что она стала МАТЕРЬЮ ВСЕХ ЖИВУЩИХ» (Быт. 3:20). Чтобы возвысить человечество, женщины должны рожать так, как учит нас Слово Божие. Ведь есть два образа рождения: одно – по плоти, другое – по духу. Христос сказал Никодиму: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что я сказал тебе: „должно вам родиться свыше“» (Ин. 3:6–7).

Утерев это высокое сознание, женщины нашего времени стали рожать преимущественно по плоти. Дети нашего времени стали неспособны к вере. Для них часто становится невозможным поверить, что они – образ Бога Вечного. Самый большой грех нашего времени в том, что люди погрузились в отчаяние и уже не верят в воскресение. Смерть человека для них представляется полной смертью, уничтожением, тогда как она должна быть моментом перемены формы нашего существования, днем рождения нашего для более высокой жизни, уже во всей полноте своей принадлежащей Богу. Ведь говорит Евангелие: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни» (Ин. 3:36). «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но ПЕРЕШЕЛ от смерти в жизнь» (Ин. 5:24). «Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек» (Ин. 8:51). И таких выражений можно привести много.

Но часто мне пришлось слушать от людей: как все это возможно? Почему большинство людей потеряло способность к такой вере? Не есть ли новое безверие следствие более широкого образования, когда сказанное в Писании становится мифом, нереальным сном?

ВЕРА, способность к вере не стоит в прямой зависимости от степени образования человека. Да, мы замечаем, что в нашу эпоху, когда распространяется образование, уменьшается вера, но, по существу, должно было бы быть наоборот, то есть чем обширнее познания человека, тем больше у него оснований осознать великую премудрость мироздания. Итак, в чем же корень безверия?

Сначала мы должны сказать, что первым и самым важным является дело родителей: отцов и матерей. Если родители будут относиться к акту рождения нового человека со всей серьезностью, с сознанием, что рожденное дитя может быть воистину «сыном человеческим» по подобию Сыну Человеческому, то есть Христу, то они приготовятся к этому акту не так, как это обычно происходит. Вот прекрасный пример: Захария и Елисавета долго молились о даровании им чада... И что же? «Явился ангел Господень Захарии в час его служения в храме и сказал ему: „Захария, услышана молитва твоя, и жена твоя родит сына, и наречешь имя ему: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо он будет велик пред Богом... и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; и многих обратит к Господу Богу“» (Лк. 1:11–16). И мы видим, что Иоанн, еще будучи во чреве матери своей, узнал о пришествии Матери Христа и возрадовался, и радость его передалась матери, и она исполнилась пророческого Духа (см.: Лк. 1:40–41). Другой пример – Анна пророчица (см.: Лк. 2:36).

Так и теперь, если отцы и матери будут рожать детей в сознании чрезвычайной важности этого акта, то дети их исполнятся Духа Святого еще от чрева матери, и вера в Бога, Творца всяческих, как в их Отца, станет для них естественной, и никакая наука не сможет поколебать этой веры, ибо рожденное от Духа есть дух. И Бытие Божие, и близость Его к нам является для такой души очевидным фактом. И неверие ученых или неученых в глазах таких сынов Божиих явится только показанием, что те люди еще не родились свыше, и именно в силу сего обстоятельства они не верят в Бога, ибо суть всего – только плоть, рожденная от плоти.

Но что действительно является проблемой Церкви, ее назначением – так это

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org показать людям, что они воистину сыны и дщери вечного Отца, явить в мире возможность иной жизни, подобной жизни Самого Христа или жизни пророков и святых. Церковь должна нести в мир не только веру в воскресение, но и уверенность в этом. Тогда отпадет потребность в каких бы то ни было иных моралистических учениях.

О супружестве

Безначальное, абсолютное Бытие открылось нам, как ПЕРСОНАЛЬНОЕ. Это есть Предвечный ФАКТ Бытия. Как он, сей факт, возможен – на вечность останется непостижимой тайной для всех созданных существ. Когда же речь идет о созданных персонах, то сии последние созданы «в начале» (Быт. 1:1 и 26) как чистая потенция, должествующая актуализироваться до той степени полноты, когда она станет «чистым актом». Весь этот путь «актуализации» персоны проходит уже непременно во взаимодействии Бога и человека, который может открыться навстречу Богу и Отцу до последней степени и совершенно уподобиться Ему, но который также может оттолкнуться от Создавшего в исканиях «своих» путей и форм бытия.

Так как персона есть принцип, носящий в себе всю полноту, то отсюда, естественно, пред нами должны раскрыться все бездны космоса в своих положительных и в своих отрицательных аспектах. Отсюда, когда мы видим в себе «раздвоение личности» – присутствие и света небесного, и тьмы адской, – то не думаем, что это есть действительно «раздвоение» личности... Нет, это явление есть откровение пред нами всех наших возможностей, но персона неизменно остается одна, не подлежащая никакому «разделению»... Из божественного добра, открывающегося пред нами, и также из зла, представляющего нашим глазам, НАШЕ – избрать свободно или первое, или второе... Вечность принадлежит именно началу персоны. Можно сказать, что все мы должны перейти тот порог, за которым лежит новое начало нашей жизни, состоящее в том, что мы начинаем ТВОРИТЬ самих себя, быть нашими собственными ОТЦАМИ, по идее святителя Григория Назианского. За этим порогом лежит путь, где каждый наш шаг становится глубоко ответственным. И наше ВЕЧНОЕ будущее зависит и от нас. То есть мы не можем насиловать Бога, как и Он не насилует нас; Он свободен дать нам Свою жизнь, но свободен и не дать. Однако мы верим, что если мы С О Г Л А С Н Ы жить с ним как Он есть, если мы трудимся, чтобы нам стать подобными Ему, следуя Его заповедям, то Он никогда не откажется быть с нами.

Итак, да даст Господь нам некую силу свыше, чтобы мы оказались способными созидать себя по данному нам образу – образу (примеру), данному нам Христом (см.: Ин. 13:15) и явившему с исключительной силой, КАК может и, следовательно, должен человек провести свою жизнь.

Обратимся к вопросу, который не может всех нас не интересовать, а именно вопрос отношений между людьми вообще и между лицами в браке – в частности.

Одной из самых деструктивных сторон нашей современности является, как я думаю, все большая и большая потеря людьми христианского сознания персональности своей и персональности взаимоотношений наших. Отпав от веры в воскресение, приговорив себя к смерти, подобной смерти животных, человечество погружается в бездну отчаяния. Весь смысл земного существования состоит для них в том, чтобы восхитить возможно большую долю наслаждений, приятных ощущений, хотя бы мгновенного самозабвения и подобное сему.

С потерей открытого нам персонального образа бытия люди дошли в своем отчаянии до дикой идеи – опрокинуть все бывшие до сего «табу» и построить новое, «свободное общество», дающее возможность наибольшего числа *experiences* (опытов).

Мое мнение (не как клирика, а как «персоны») – человечество не знало, от состояния своего падения, моногамии. Для падшего человека естественна полигамия. Христианская моногамия – вышеестественна; она есть призыв к возможно более глубокому осознанию персонального начала нашего и нашей ответственности. Персональная любовь – то есть когда кто-либо любит персону определенную, вот именно эту – не есть психическая или физиологическая, чтобы не сказать, связанная с анатомией или, в лучшем случае, с психикой. Персональный брак, в сущности говоря, не повторяется, он всегда единственный; его смысл в том, чтобы не остаться в пределах природы, но в совместном усилии стать «храмом» для служения безначальному Отцу. Тогда

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Брак становится путем ко спасению. Никто из нас не является в данном нашем состоянии совершенством. Все мы нуждаемся в том, чтобы и действием свыше, и нашим усилием возрастая в познании Бога. Если кто-либо приемлет нас, КАК МЫ ЕСТЬ, то, конечно, он приемлет нечто, далеко не совершенное. Также и мы: если мы принимаем подвиг жить совместно с данной персоной, то мы принимаем кого-либо как он (она) есть; следовательно, мы становимся перед необходимостью взаимных творческих усилий для достижения искомого вечного пребывания в Боге.

В Италии встал вопрос о законе относительно развода. Нет сомнений, что никакие энциклики Папы Римского не убедят людей нашего времени. Лишь самое ничтожное число из них «задумаются», остальные постепенно будут вдаваться в бунт против *authority* (власти). В своем упадочном состоянии деперсонализованные мужчины и женщины, скорее, *male* и *female*, подчинятся «законам природы».

Старец Силуан держался метода – сообщить человеку основные принципы, по усвоении которых он сможет самостоятельно находить решения в различных житейских положениях. И я думаю, что в нашей жизни по Богу это единственный верный путь. Он «обратен» научному, индуктивному методу; это потому, что Откровение нам сообщает о предвечной идее Бога Отца нашего о человеке, и мы исходим из данных Откровения, то есть идем «дедуктивным» путем. Это не значит, что «опытное индуктивное познание» совершено исключено в нашем случае.

О познании Бога и человека

Проблема: ЧТО ЖЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК? – во все века пребывает неизменно самую важную, самую насущную для нас. Познание наше в пределах Земли всегда и неизбежно относительное. Это тем более, когда речь идет о конечных вещах: о Том или о Чем, что лежит в основе всего сущего; о Том, кто не обусловлен ничем иным, кроме Самого Себя; и даже о том, доступно ли сие человеку. Когда мы предстоим пред Лицом Абсолютного Существа, тогда, естественно, ожидается и ведение соответствующее, то есть исчерпывающее. Психологически это складывается так: если я чего-то не разумею, то из-за этого пробела я ощущаю как бы провал вообще всего моего знания; переживаю преимущественно непознаваемость. Возьмем меньшее: если вера моя в чем-то колеблется, то с этим связывается сомнение: верую ли я вообще? Опять я стою пред Недостигаемым. Каждый раз, когда мы недоразумеваем в нашем отношении к Бытию Абсолютному чего бы то ни было, наш интеллект ударяется в непроницаемую стену, и человек становится агностиком. Таким образом мы познаем границы, доступные рассудку, оторванному от целостного бытия, и следуем иным путем. Как бы ни было парадоксально, после известных опытов в духовном плане мы ощущаем, что наше познание небесных тайн, при всей своей относительности, «отчасти» (1 Кор. 13:9–12) есть подлинное. Здесь, на Земле, все текуче, но то познание о Высшем, вневременном, о котором мы мыслим, само принадлежит Бытию неразрушимо, сверхвременному. И о нем предстоит нам слово.

По всей Земле рассеяны люди, ищущие ответа на свои искания. Неутоленная жажда духовная весьма многих – вот историческое событие, подлинно трагическое, действительно достойное всякого внимания. Много таких, которые стоят на грани отчаяния. Каждый из них в свою меру созерцает, разумно или интуитивно, в глубинах своего духа бессмысленность современной жизни. Страдания их остры в силу сознания ими недостаточности их персональных усилий, чтобы вырваться из цепей смерти, которыми связан человек в его падении.

Нашу эпоху некоторые дерзают называть *postchretienne* (послехристианская); я же лично, в пределах моих познаний из истории христианства и истории мира вообще, склонен думать, что христианство еще никогда не было воспринято широкими массами как должно. Мир, я имею в виду христианизированную часть, никогда, в сущности, не жил подлинно по-христиански.

Парадоксальны судьбы человечества: те государства, которые более всех претендуют на христианское имя, веками держали большую часть вселенной в железных тисках, а в последние десятилетия – в ужасе апокалиптических катастроф. В современном кризисе христианства среди народных масс не неправильно усмотреть бунт естественной совести людей против тех извращений, которым подверглось евангельское учение в его историческом приложении.

Трагедия современности, да и прошлых веков, в неспособности воспринять Христово Откровение в его истинном Духе, в его подлинных измерениях. Попытки, назовем их «наивными», рационально проникнуть в тайну Христа, суть воистину «с негодными средствами». Всем нам безотлагательно нужно последовать примеру Авраама, то есть взять в руки огонь и нож и взойти на гору, чтобы принести в жертву нашего «Исаака», то есть все самое нам дорогое, к чему мы крепко привязались. Нужда настоящая для каждого из нас: предпочесть любовь Божию всему прочему во всем мироздании. «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33). «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям» (Мф. 5:13). Христиане перестали быть доброю солью и потому преданы на гонения едва ли не по всей Земле. Только при этом условии всецелого следования Христу откроются в нас высшие потенции нашей природы, что сделает нас способными воспринять Евангелие в его вечном измерении. Решимость оставить все и взойти на крест (ср.: Мф. 19:27–30) ставит дух наш на грань между временем и вечностью; и мы начинаем созерцать вещи, дотоле скрытые от нас.

Вот, апостол Павел молился, «чтобы Бог... Отец славы, дал верующим Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердец их, дабы они познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которую Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах... и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом... и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 1:17–20; 2:5–6). Бог не насилует нашу свободу. Не ворвется Он силою внутрь сердец наших, если мы сами не откроем Ему их. И чем полнее открываем, тем полнее совершается в нас безмерное величие могущества Его в нас.

Высота и глубина постижений, данных святым отцам, не всегда вполне тождественна. Есть некоторые из них, которые говорят в полной мере данного нам через апостолов Откровения; есть и другие, которые, видя безумные стремления некоторых, подчеркивают более момент непостижимости Божией и тем пребывают как бы еще в пределах и степенях познания, которые возможно предположить в Моисее пророке.

Вечный разум Божества, движимый творческой волей, сотворил все, и человеку дана возможность приобщиться сего разума и безначального Бытия. Не человек творит Бога; не через человека Бог осознает Себя; не через человека Бог осуществляет Себя и достигает Своей полноты; нет, Бог по безмерной благодати тварному образу Своему сообщает Свою нетварную жизнь. При этом Бог открывается человеку, давая ему познание о Себе и о Своей предвечной идее о человеке. Идея сия воистину совершенна. История человечества по падении Адама полна трагизма, страданий безысходных, абсурдности страстей людей. Но Бог показал нам, каким человек задуман в Предвечном Совете Его, Бога Троицы. Пред нами, после Откровения, стоит задача: осуществить в нашем бытии первую идею Бога. Мы тварь, одаренная разумом, и призваны Творцом в свободу нашей, в сотрудничестве с Ним достигнуть цели и смысла нашего явления из небытия. Бог не насилует нашей свободы; Он не может совершить чего бы то ни было с людьми без их участия. Но, как тварь, мы не обладаем силою творить из ничего. Что же необходимо нам, чтобы первичная Божия идея реализовалась в нас? Нам указано сие и в самом Откровении, представленном в Священном Писании, что и подтверждено тысячелетним вселенским опытом Церкви: искать волю Божию, познавать ее, предаться ей. Далекому от Бога воля Божия внушает страх. Бойтся он, что она, воля Божия, не совпадет с его заветными желаниями. Но тот, кто любит своего Небесного Отца, готов все принять, хотя и изнемогает, как плоть носящий. Важно уразуметь, что попадая в поток воли Самого Предвечного Бога, человек приобщается Его вечности. Отсюда решимость: следовать во всем воле Божией настолько, что именно это следование становится единственной нашей волею. Такое слияние двух волей совершает неизъяснимое чудо: творит нас богами. «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли» сердца моего, чтобы оно, сердце, стало обиталищем Святого святых.

Пишу со страхом о том, что подлинно велико и свято. Понимаю, что мое дерзновение идет дальше моей меры. Знаю, что нелениво ищу с юных лет

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
неложного познания вещей, но истинный суд о силе или немощи каждого из нас – лишь у Отца, Иже прежде всех веков.

Когда мы погружаемся умом в мышление о безначальном Божестве и об относительной беспредельности тварного космоса, с его пространственным и временным измерениями, то всякое событие, не только земное, но и космическое, предстает сознанию как бы повешенным в недомыслимой безмерности, и наш тварный ум не в силах определить его место в абсолютном смысле, искомом нами. Так, в пределах Земли томимся мы в оковах относительного времени и пространства, и из этой тюрьмы (быть может, лучше сказать – инкубатора) дух наш ищет исхода на просторы Божественной вечности. Естественно, молитва принимает характер непрестанного напряжения, доколе не воспримет «рождение от Духа», «пока не облечется силою свыше» (см.: ин. 3:6. лк. 24:49).

Путь к космическим и даже метакосмическим видениям лежит через кенотическое самоумаление, одним из видов которого является подвиг послушания. Через него мы можем достигнуть то, что превосходит всякую науку и философию – чистую молитву. Да, культура смиренного послушания – величайшая из всех культур, неведомая духовно невежественному большинству.

Не думаю, что у нас есть основания утверждать, что научные познания могут быть достигнуты без дозволения свыше, от Творца всего сущего. Наука в силу того принципа, который делает ее «наукою», не может выйти за пределы явлений природного мира, объективируемого, то есть той области, которая Создателем отдана созданному всегда лишь до известных пределов, установленных Промыслом. Когда же речь идет о подлинном познании Божественного мира, тогда необходимо, чтобы Бог снизошел до бытийного соединения с нами. Заповедь: «любить Бога всем существом» (см.: Мк. 12:30) есть путь к сему познанию, так как любви свойственно соединять в самом акте жизни. Особенно ясно становится необходимость Откровения, когда Бог познается сверхнаучным познанием как Личный – АЗ ЕСМЬ.

Культура послушания включает в себе задание разорвать замкнутость индивидуума: открыть его к восприятию откровений Божиих. Молитва в своих наивысших формах есть не что иное, как действие Самого Бога внутри нас; подобно сему и дар послушания в своем совершенстве есть показатель пребывания Бога внутри нас. Без послушания как порождения духовной любви не мыслится спасение, ибо человек зажат в тисках своего эгоизма, противного принципу ПЕРСОНЫ, который объемлет все сущее.

Возможно продолжить перечисление многих иных аспектов этой небесной науки, но мы пока остановимся на сказанном.

Нет сомнений, что если бы люди хотя отчасти схватили существо сей проблемы и стремились бы стяжать сей дар, то жизнь всего мира преобразилась бы, и Земля из омерзительного ада стала бы раем, и неразрешимый узел повсюдной вражды был бы разрублен святым мечом.

Познание есть акт, в котором должны участвовать и ум, и дух, и сердце, и душа, и тело; и совесть, и разум, и воля, и чувство; прежде же всего – любовь, иначе говоря, все наше существо в совокупности всех его сил.

Всякая богооткровенная Истина, даже через пророков, апостолов, иерархов и подобных, есть Божественное действие; тем более – все изреченное Сыном Божиим: «явих им имя Твое» (ин. 17:6. Ср.: ин. 12:28; 17:26. 1 Кор. 12:3–11). Всякое наше познание о Боге есть не что иное, как сокровенное действие Бога внутри нас.

Сделаем маленькое отступление, так сказать, филологическое, или терминологическое. Слово «познание», как мы видели, не у всех является понятием с одним и тем же содержанием. Иначе мыслил познание, например, Кант. Иначе мыслят его некоторые философы. Иначе от всех них мыслим мы его. Для нас познание, прежде всего, есть общение в самой жизни, личное соприкосновение, личная беседа, общность в Бытии, уподобление познанному. Наше понятие о познании включает в себя элементы такие, которых мы не видим в иных представлениях о познании.

Но и все то, о чем говорят философы и ученые, и каждый вообще человек, тоже есть познание. Самое существенное отличие нашего понятия от их в том, что наше является полнее и совершеннее. Их понятие всегда фрагментально, как бы

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org только один из аспектов; оно касается только одной или нескольких сторон нашего существа. Одно из свойств познания – оно представляется нам всегда урезанным и умаленным.

Когда мы говорим о познании Бога, то многие хотят от нас потребовать [исчерпывающего утверждения] о непостижимости Бога до конца. И из этого многие склонны делать вывод о непознаваемости Божества вообще. Но спросить каждого из нас или какого бы то ни было ученого или философа: познал ли ты что бы то ни было до конца? А если нет, то почему ты не говоришь о непостижимости и даже непознаваемости тварного мира? Ведь в этом есть все же достаточно полная аналогия. Непостижим Бог, но и творение Его непостижимо. И если мы можем говорить все же о познании мира, то основанием тому является наш опыт развития. То, чего мы не знали еще вчера, ныне мы знаем. То, чего мы не могли вчера, ныне мы можем сделать. Знаем, как сделать. Не до конца. Но все же знаем. Так и в плане богопознания: не до конца мы знаем Бога. Но мы Его знаем. И наши внутренние доказательства, и не только внутренние, но и внешние, в смысле «объективные» доказательства, говорят нам об этом с несомненной ясностью и убедительностью.

[Итак], тот и другой образ познания нужно признать несовершенным и неполным. Даже на путях научного отвлеченного познания необходимо любить предмет своего познания. Без этой любви не найдет человек в себе силы посвятить себя всецело науке, а без этого последнего, то есть всецелого самопредания, многого не сделаешь. Любить науку или искусство – это первый и важный момент, первый и наиболее убедительный признак призвания или дарования и почти верный: залог успеха.

Если мы сейчас возвратимся к другому примеру, то есть знанию человека, то хотя чувство любви или дружбы и несет с собою и в себе свет жизни и тем самым чувство удовлетворения, однако без знания, умного и всестороннего, снова выявляется неполнота.

Если мы сочтем достаточными приведенные примеры, для того чтобы понять, что всякий предмет познания для своей полноты требует все наши силы, все наше существо, то легко будет для нас согласиться с тем, что, когда предметом нашего познания становится Бог, эта полнота предания себя становится тем более необходимой.

В самом деле, когда мы произносим это имя: «БОГ», – тогда в каждом из нас, у всех нас в душе оно связано с представлением о Бытии – по преимуществу, о Бытии вечном, объемлющем собою все Сущее.

Удивления достойно, что многие люди во всяком своем стремлении к познанию не идут дальше маленьких, промежуточных целей. Если бы они задумались над этим, то не могли бы уклониться от разумения, что даже при познавании материального мира человек неизбежно становится пред неисчерпаемой бездной Бытия и что всякое умножение и углубление этого познания есть не что иное, как путь к познанию Первопричины всех вещей, Первоосновы всего сущего.

Мы дерзнули говорить о богопознании. Различны формы этого познания, и есть бесконечно много степеней. Когда человек остановит свой ум на каком бы то ни было явлении мира сего и сделает столь естественное для него заключение о том, что это явление свидетельствует о Бытии кого-то или чего-то иного, что глубже него, что является его основой, то и одно это заключение можно уже назвать началом богопознания.

Размышляя об этом, человек делает иные бесчисленные наблюдения, которые укрепят в нем убеждение, что есть нечто такое, что несет в себе жизнь всему существующему. Идя далее, человек может сделать весьма многие предположения о том, каковым должно быть это всеобъемлющее Бытие. И почти всякая мысль в этом направлении будет если не подлинным познанием Бога, то, во всяком случае, приближением к Нему.

И вот в этой стадии такого интеллектуального познания о Бытии человек обнаруживает свою недостаточность и не удовлетворяется своими достижениями. Оно, это интеллектуальное познание, странным образом перестает давать человеку радость жизни, предстоит уже как неживое, мертвое. И если нет у человека любви к этому предмету, то, подобно детям, люди, чтобы освободить себя от этой заботы и отдалиться с увлечением своим игрушкам и страстям, отпадают и живут без Бога. По данной человеку свободе он может закрыть свои глаза, чтобы не видеть, и уши заткнуть, чтобы не слышать того, что ему не

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org приносит радости. Он может не знать, может не хотеть знать об этом, или, как мы говорим, «игнорировать», но не все способны навсегда остаться «детьми». Ощувив в себе жажду к познанию, человек уже не в силах утолить ее отказом и бегством. Нет. Он отдает тогда всего себя этому предмету. Он ищет его познать уже не только умом, но и сердцем. А сердце ищет не простых умозаключений, но соединения с Ним. К этому соединению оно идет через молитву, которая сначала может быть неясным взыванием в пространство. И тут обычно происходит нечто неожиданное. То неведомое, чего оно, сердце, искало, странным образом дает сердцу почувствовать свое приближение. Утерев это ощущение прикосновения к иному Бытию и возвратившись к своему прежнему состоянию, человек уже не воспринимает это прежнее, как прежде, и оно еще менее стало удовлетворять его. Подобно тому как слова не дают ощущения жизни и кажутся мертвыми, подобно этому и повседневная жизнь: без того ощущения великого Бытия все в мире воспринимается как изменчивое тленное и не пребывающее. Тогда сердце его начинает сильно взывать к Богу. И если взывание это глубоко и искренно, то неизменно приходит от Бога ответ. Бог при этом еще так неясен, так непонятен, что сказать о Нем человек еще ничего не может.

Когда человек всем сердцем начинает вопиять к Богу, то в какие-то моменты, непредвиденные обычно, Бог дает ощутить Себя с такой силой, что человек уже реально ощущает и самого себя причастником вечности. Выходя в этом познании Бога уже через «вкушение» Бога, через реальное единение с Ним, человек возгорается в своем делании пребывать с Ним неразлучно. И, не достигая этого, то есть постоянно выпадая из этого живого единства с Ним, действительно весь, всеми силами своего существа устремляется к Нему, достигая, таким образом, без предварительной мысли о том того состояния, когда весь мир, вся тварь забыта, когда не чувствует человек и самого тела своего – бывает вне мира, всецело живя Богом единым. И это есть начало пути к истинному познанию о Боге, или познанию Бога. Без этого всецелого погружения в Бога через молитву – всякое наше предварительное познание маложизненно. Оно еще не достигает той грани, которую должен пройти всякий человек, всякое разумное существо.

Но, повторяю, это только начало. Правда, оно подобно исходу тварного тела из сферы притяжения Земли, оно подобно вхождению в те беспредельности пространства, где нет уже препятствий летящему телу, где оно, это тело, может сохранять приобретенную им скорость и нестись или летать в свободе. Но все же это есть только начало и не больше. Там, дальше, в этих просторах душа может вдруг ощутить себя совсем иным порядком и, пребывая внутри себя, снова постепенно постигает свою недостаточность и потерянность...

Все явления, с которыми имеет дело наука, относительные, а потому и познание их возможно не иначе как лишь относительное, никак не абсолютное. Бог единственный есть Абсолютный. Не потому ли, как только встречают люди познание о Нем лишь относительное, его считают недостаточным, то есть неубедительным? Вера в Бога Абсолютного должна носить характер безусловный, совершенный. Как только мы узреваем в ней места уязвимые логически, не до конца познанные опытно, так мы ощущаем себя НЕверующими и кричим: «Верую, Господи, помоги моему неверию!..» (Мк. 9:24). И все же даже в той степени, в которой мы познали Бога, вера наша и познание являются достаточными для утверждения ее.

Невозможно достигнуть той духовной победы, о которой мы говорим и к которой стремимся, если жизнь наша не будет соответствовать как-то слову того Божественного учения, которое мы дерзаем проповедовать пред всем миром.

Несомненно положение, что спасению подлежит именно тот мир, который нас действительно окружает, в котором мы живем по предведению и предопределению Промысла Бога о нас. В нашу эпоху человечество устремлено к внешнему познанию с такой силой, как никогда раньше.

Соблазн достигнуть господства над миром через внешнее, то есть научное, познание тайн природы в связи с новейшими достижениями никогда еще не был так силен и так распространен. Весь строй современной жизни, весь порядок воспитания и обучения подрастающих поколений таковы, что ум человека непрестанно вырывается вовне и после многих лет такого действия становится почти совершенно неспособным созерцать свой внутренний мир, живой образ живого Бога. И мы, служители Божественного слова, не всегда свободны от этого соблазна. И нам постоянно приходится проверять себя, не вышли ли мы недолжным образом вовне, то есть не пришли ли мы в то же самое состояние, в

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org которм находится мир, и тем самым потеряли способность служить ему в плане духовном. Как бы ни было сильно в нас сознание нашей немощи, нищеты и убожества, мы ни в каком случае не можем отречься от порученного нам «дела», то есть спасения мира.

Мы не сможем, однако, научить мир созерцанию Божественных тайн и славы, если сами лишены этого созерцания. Мы не можем нести в мир истинную свободу, если и сами мы являемся рабами страстей и тления. Мы не сможем проповедовать милость, если и сами не познали, что есть сия милость, принесенная нам Христом. Словом, никто не может нести в мир то, чего сам не имеет; сообщить другим познание, которого сам лишен; обогатить других дарами, когда сам нищ; просвещать иных, когда сам во тьме.

Мы не сможем созидать Церковь Христову на Земле, если не дано нам видение Церкви в плане Божественном и одновременно – земном, то есть в ее полноте, во всех планах ее бытия, вечного и временного.

И если поставить вопрос: «А кто может сказать, что он познал, чтобы дерзновенно идти на проповедь и служение истины?» и, с другой стороны, если мы допустим мысль, что в какие-то моменты истории на Земле не обретается ни единого живого человека, действительно познавшего Бога Истинного, то как сможет восстановиться в мире это познание? Не будет ли оно тем самым потеряно вовсе? Ведь Откровение, данное миру во Христе и Духом Святым сообщенное, пребывает в живых людях и ими проносится и через живое предание сообщается грядущим на смену поколениям.

Откровение персонального Бога – АЗ ЕСМЬ – исключает познание Его в форме объективирующего научного знания. Мы знаем Бога только при условии, что мы «живем» в Нем, и Он живет в нас. Знание Бога через пребывание в Нем носит исключительно конкретный характер: мы чувствуем Его внутри нас, мы осязаемо помним Его. Хочу сказать, что все существо занято Им без того, что я говорю, или пишу о нем, или рассуждаю и беседую с братом. Знаю, что живу «я», персоне; что вне сего ни мой мозг, ни мое тело не могут знать Бога. Это «я», который предстою Всевышнему, молясь лицом к Лицу, персоне к Персоне; дух к Духу. Все, однако, сосредоточено в невидимом, в неизменяемом центре внутреннего общения, полного энергии не от мира сего, то есть трансцендирующей космической энергии, действующей вне времени и пространства и, однако, отражающейся на всем моем составе, включая и тело. Речь идет о Живом Боге, сообщающем мне Свою жизнь во всех планах моего бытия. Можно говорить не столько о проникновении Божественной силы в материальный аспект моего данного существования, сколько об одухотворении сего, материального. Особенно ярко сказывается это при переходе молитвы в состояние созерцания Света, когда весь человек становится также светом, теряет свое физическое самоощущение.

Реален видимый мир, но он подлежит преображению, так как в своем данном состоянии он носит в себе глубокую рану прародительского падения. Библейское повествование о сем трагическом событии похоже на миф; я так воспринимал это, доколе не увидел, что и я сам пострадал нечто весьма аналогичное: после «рая» моего детства, когда я бывал доступен для явлений Света, я прельстился тем же самым предложением: «Будешь, как бог» (ср.: Быт. 3:5). Скоро последовали печальные результаты: мне явился ночью свет, но иной природы. К счастью, душа не привлеклась к нему, этому свету, но самую идею о сверхперсональном Абсолюте я носил в себе с настойчивостью безумной юности. Любовь, заповеданная воплощенным Логосом Отца, отошла от меня. Естественно, ибо я сам почитал ее чем-то низшим по сравнению с идеей Абсолютного Бытия. Могу сказать, что когда Господь настиг меня в моем падении, то долгое время я в молитве моей ощущал себя «нагим» пред Богом (ср.: Быт. 3:10–11), обнаженным от благодати, которую в детстве моем я наивным образом, но знал.

Так я живу уже более полвека; казавшийся мне символ Библии не имеющим отношения ко мне стал моей действительностью. И когда я заповедью евангельской был приведен к осознанию ее (заповеди) сверхкосмического, надмирного происхождения, тогда я усмотрел в падении Адама событие подлинно всекосмическое: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только (тварь), но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8:22–23). И моя маленькая жизнь через Христа становилась великою. Быть христианином значит носить в себе все человечество во времени, в веках, истекших и грядущих, и в пространстве – моих современников. Господь родился среди народа, первым

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org восприявшего откровение: АЗ ЕСМЬ, но создал Церковь Свою, не знающую никаких границ, объемлющей весь мир, пребывающей в Царстве Отца безначального. В Нем всякий человек, независимо от эпохи, расы, социального происхождения, призван в своем сознании разорвать все ограничения, уподобиться Ему по всему: в своих проявлениях в этом теле, в усвоении через Него богосыновства.

АЗ ЕСМЬ. Образ сего дивного Бытия, его истинное содержание оставалось веками открытым лишь отчасти. Ни Моисей, ни другие пророки, наследники Синайского Откровения, при всей горячности их веры, не восприняли всей глубины излитого на них благословения. Бога они жили преимущественно через призму исторических событий. Когда же духом обращались к Его Бытию в Самом Себе, то созерцали Его во мраке непостижимости: «И стоял народ вдали, а Моисей вступил во МРАК, где Бог» (Исх. 20:21).

Для сынов нового завета, явленного во свете Фаворского озарения, видны при чтении книг Ветхого Завета попытки Бога дать древним понять, что сей АЗ ЕСМЬ есть единый и вместе тройственный. Иногда Он говорит о Себе МЫ: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1:26). Еще замечательнее происходившее с Авраамом: ему явились ТРИ мужа, но он говорил с ними в единственном числе (см.: Быт. 18:2 и далее).

Каждой отдельной личности может быть дан опыт ее свободы, и в силу сего сознание НЕКОТОРОЙ своей абсолютности. Вместе с тем мы познаем недостаточность одной персоны, замкнутой в самой себе. Возможность лучшего познания самих себя обретается через встречу с другим лицом или лицами. Парадоксально наше бытие. Мы убеждаемся, с одной стороны, в том, что в нас личное начало есть отражение Божественной абсолютности, с другой – явная недостаточность одного лица. Не есть ли и сие показатель, что человек как персона создается по образу Триипостасного Божественного бытия? Причем триипостасность через разрыв противостояния двух в существе своем становится равной беспредельности.

[Люди, из-за тленности] земного существования, а отсюда и вообще всякого существования, испытывают влечение к таинственному, великому покою НЕ БЫТИЯ.

Движение обратного порядка свойственно христианам, стремящимся следованием Христу преодолеть свою земную тленность, достигнуть вечную жизнь. «Мы не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5:4).

Мы не предполагаем в этой книге увлечься далее в этом направлении. Заметим только, что в перспективе отвлеченного, интеллектуального мышления понятие Абсолютного Бытия не согласуется с понятием «Персонального» Бога. И самому мне нужно было, чтобы прошли годы напряженнейшей внутренней аскезы, прежде чем установилось в уме и сердце моем христианское видение, которое и стало твердым основанием всего моего бытия.

На минуту возвратимся к трагическому жесту Христа, творящего свободного человека.

В основании нашего христианского мировидения лежит Откровение свыше: «В начале бе Слово... и БОГ бе Слово... Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть... В Нем жизнь» (Ин. 1:3, 4). Для современной науки свойственно полагать: «В начале был атом водорода, и из него эволюционным путем в течение миллиардов лет возникло все, что существует». В основе науки лежит «объективация космоса» и «объективное познание». Она приложима только там, где бытие детерминировано. И неизвестно, и непонятно – на каком научном или даже философском основании ученые отвергают самую возможность иного измерения Бытия: недетерминированного? Подлинное Перво-Бытие науке никак недоступно. Это идет далеко за ее пределы. Наука ничего не может нам сказать не только о подлинном Носителе Жизни, но даже и проблема смысла нашего существования вне ее компетенции возможностей.

Был случай, я беседовал с одним крупным бизнесменом; не помню теперь точно, каким образом беседа наша привела к тому, что я начал говорить о великом богатстве космического бытия в его различных измерениях. Прервал он беседу, когда я говорил о том, что нет такого отрывка времени или такого места, которые были бы вне Божественной вечности. «Это не для меня», – сказал он, но таким тоном, что ясно было, что оставлял меня, наивного мечтателя,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org заниматься подобными фантастическими предметами, а сам он думал о том, как умножить свои миллионы, что было для него единственно реальным, что дает власть (power) и обильный комфорт. Но и люди науки в подавляющем большинстве, которое и дает «тон» общему настроению, поступают подобно этому бизнесмену. Можно сказать, что современная наука осудила сама себя на тюремное заключение: не двинуться далее той грани, за которую не применим экспериментальный метод, понимаемый материалистически. Для христианина значение экспериментальной науки ограничивается потребностями человека в пределах Земли. Далее сей грани лежит мир Духа Божия, познание о котором сообщается не иначе как через Акт откровения свыше и опытное знание которого приобретается жизнью, согласно с заповедью Божией. БОГ, открывшийся нам, есть Бог Первый и Последний, и нет иного, кроме Него.

Если мы возьмем не математическую линию, а биологическую – биологической точкой для нас явится атом. Последующее измерение будет молекула, затем – клетка и так далее, до сложнейшего и тончайшего организма человека, как самого совершенного, доступного нашему изучению или измерению. В плане биологическом также возможно устанавливать последовательную шкалу. Есть мир реальности иного порядка – нравственного и эмоционального. Наконец, видим мир мышления, знания и самосознания. И в этих линиях существует шкала измерений, установить которые менее просто, чем первую, математическую.

Несущественно сейчас окончательно установить точные грани каждого измерения (да это и невозможно в нашем настоящем состоянии), но существенно для нас понять, что различие между измерениями состоит в том, что для реальности определенного числа измерений реальность следующего низшего порядка явится лишь одним его аспектом, или section – разрезом.

Итак, когда мы говорим об иных измерениях, тогда имеем в виду Бытие или existence высшего порядка, по сравнению с которым низшее явится бесконечно малым, как бы ничто, и наоборот – для низшего высший порядок Бытия будет бесконечно великим.

Одна из важнейших для нас мыслей есть постоянная память, что мы должны в пределах данного нам времени реализовать, актуализировать заключенные в человеке потенции. И все, что будет реализовано, пребудет в вечности. Все, что упущено – потерянное время, составит, возможно, пустоту и неполноту нашей вечности.

Естественный разум в нашем данном состоянии, будучи тварным, не имеет возможности познавать нетварное, когда исходит из самого себя. Но Бог «вдунул в лицо его (человека) дыхание жизни» нетварной (Быт. 2:7), и в силу сего разум наш по природе своей является причастным нетварного начала и может познавать не только тварное, но и Божественное. Познание наше выражается в облечении в свойственные разуму логические формы того, что воспринято чувственно или интуитивно (духовно). В акте самоанализа познание разлагается на естественное (эмпирическое) и на откровенное свыше, как познание того, что лежит за границами доступного человеку произвольного опыта-эксперимента. После многих лет молитвы, соединяющей ум и сердце, мы приходим в состояние, когда и ум, и сердце одновременно и совокупно живут данное Богом Откровение. В таком случае и любовь, и познание сливаются в свойственное им онтологическое единство, и человек восстанавливается в своем первоизданном просторе – целостности. Тогда молитва перестает быть выражаемой словами.

Заповедь говорит: «Возлюби Бога всем сердцем, всю душою, всем помышлением (разумением) твоим» (Мф. 22:37). Вначале важно возлюбить Бога всем сердцем. Когда; сия любовь дана, тогда нет нужды до некоторого времени осмыслить ее. Своей сладостью она влечет к себе ум, который в изумлении рассматривает ее. Позднее, когда любовь утвердится внутри человека, разум стремится к свойственной ему форме познания. Этот процесс медлителен.

Когда приходит уразумение, тогда и ум возгорается любовью к Богу. В соединении с любовью сердца это становится совершенством.

Необходимо иметь в виду, что и на путях мысленного сосредоточения (рассудочной медитации) о таинствах веры и тайнах бытия возможно столь сильное увлечение ума, что он, всецело сосредоточившись на своих мысленных образах, потеряет ощущение времени и окружающего его вещественного мира. В этом состоянии ум человеческий имеет ощущение, подобное свету, но это не есть несозданный свет Божества, и принявший его за таковой встал на путь

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org заблуждения. Мир умный, мир отвлеченных идей по своему светозарен, но это еще естественный свет ума, светоподобная сфера мысли, это состояние отвлеченных мысленных созерцаний, доступное человеку по естеству, но не вышеестественное богообщение: Бог не есть мир идей. Бог есть конкретное, подлинное, личное бытие. Бог есть воистину Живой Бог.

Кто на опыте познал только первое из названных состояний, тот, слыша о видении Фаворского света, может принять свое видение как видение несозданного света. Но кто познал и то, и другое, тот знает различие между несозданным Божественным светом и естественным светом ума.

Есть еще нечто, именуемое светом, а именно – наука, свет научного познания. «Учение – свет, а неученье – тьма». И свет научного познания, и свет отвлеченных умных созерцаний – качественно отличаются от Божественного, хотя многие склонны приписать ему Божественные качества, тогда как он есть только тварный, свойственный естеству человеческому, но действительно носящий в себе образ Божий.

[Невозможно в наше время прочитать] хотя бы и самую малую часть «написанных книг». Все мы стали «невеждами» при всем исключительно умноженном росте всякого рода познаний, усвоенных каждым из нас в нашей интенсивной работе. Нет уже «универсальной учености». Ни один из людей не имеет в своем распоряжении достаточного времени для прочтения даже того, что непосредственно относится к его «специальности». Учитывая это, я постараюсь возможно меньше останавливаться на предметах, которые предполагаю как общеизвестные; буду ограничиваться нередко одним «намёком», чтобы быть понятым в контексте моего опыта. Больше того, буду умалчивать очень многое, чтобы не удлинить повествования. Удовлетворюсь вполне, если удастся только наметить основную тему – главную проблему всей моей жизни.

«Любишь ли ты Меня?» и если сердце отвечает Ему: «Ей, Господи, Ты веши, яко люблю Тя» (Ин. 21:17), то тема исчерпана в самой глубине ее. «Любишь ли меня?» – в этом все. Если же мы видим, что этой любви нет, если из плана совершенства любви надо как-то спускаться, чтобы очистить внутри нас место для этой любви, то тема становится более обширной, «широкой». Если же спускаться еще ниже, то она станет просто неисчерпаемой.

Доктрина и жизненные проявления должны составлять согласное единство – принцип древней греческой философии, особенно сильно и глубоко свойственный Сократу. По учению последнего, подлинно нравственная жизнь возможна только при условии истинного знания, то есть правильного понимания всех вещей. Последнее ложится в основание правильных действий. Где нет правильного понимания вещей, там не может быть (не приходится ожидать) правильных действий.

В основу своей философии Сократ положил принцип (метод) самопознания, что приводило к принципу: человек есть мера всех вещей. Но человек не может знать себя до конца, то есть где пределы его возможностей. Кто из людей действительно имеет право сказать о себе, что он достиг последнего возможного предела, доступного человеческому разуму? Философ исходит из самого себя. Мы же полагаем в основание всех знаний не себя самого, а Христа. Он для нас – мера всех вещей: Божественных и человеческих. Из примера Христа мы утверждаем без колебаний, что научный метод познания не исчерпывает всего Бытия. Можно признать правильным положение, что всякое познание наше достоверно только тогда, когда в его основе лежит наш реальный опыт-эксперимент, и это положение вполне приложимо и к нашему духовному познанию. Мы лишены возможности организовывать наши эксперименты, потому что наш опыт является соединением действия Божия, независимого от нас, с нашим действием.

Мы не отвергаем философию, но знаем, что в ее границы не вмещается вся совокупность Бытия. Сия последняя доступна только Творцу всяческих. И мы, сознавая относительную правду философии – человек есть мера всех вещей, идем дальше сего положения: Бог единственно знает абсолютным образом пределы, доступные человеку. Для нас Христос есть мера всех вещей: Божественных и человеческих. И Он открыл нам область духовного познания, которое лежит за пределами научного метода.

Невозможно нам исчерпать данного нам Откровения. Будучи тварями, возникающими из ничто, мы не в силах до конца познать нетварное Перво-Бытие так, как Сам Он знает Себя. Но вот апостол Павел пишет: «Теперь мы видим

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12). «Тогда же» – ПО ИСХОДЕ из настоящей (земной) формы жизни. Даже до наших дней весь христианский мир пребывает в муках творческого освоения Троицтва Бога. Те, кто стремились и еще стремятся постигнуть Божество интеллектуально, не получают силу жизни вечной.

Общение с Богом и познание Его возможно только при условии благоволения Самого абсолютно свободного, не подлежащего никакому понуждению Бога. Это общение, до известной степени, обусловлено и стремлением к тому и самого человека, но стремлением, согласным с заповедями Бога. Никакое насильственное действоание, никакая система аскетических упражнений, не преследующих сохранения Христовых заповедей, не приводит к цели. Это обстоятельство своим следствием имеет тот факт, что христианские подвижники все свои силы сосредоточивают на стремлении к тому смирению, которое привлекает Божию благодать. Их не увлекают никакие иные достижения. Они обычно не производят никакого впечатления внешнего. Они скромны, просты, ничем не блещут. Они много страдают, страдают, доколе не выгорит, не выжжется из них всякий след возношения. Но когда придет к ним Бог, тогда они восхищаются в мир вечного Света. Подлинный подвижник ценит больше терпение скорби, то есть креста своего. В этом протекает его жизнь. Он знает, что когда придет Бог, тогда же сможет он остаться в живых на земле. Немногим было дано испытать «пришествие Царства Божия в силе прежде смерти» (см: Мк. 9:1). Совершенную же благодать естество человеческое не может понести.

До сего времени было сделано несколько попыток создать нашу христианскую космологию. Сама по себе идея эта вполне оправдана, особенно в наше время чрезмерных научных претензий. Однако заранее возможно сказать, что все такие попытки (создания христианской космологии) обречены на недолгую жизнь и на общую эфемерность научных теорий. Научным теориям прощаются их эфемерность, но христианскому благовестию не прощаются подобные несовершенства. Только на некоторое более или менее короткое время эти попытки могут как-то удовлетворить некоторые пытливые умы, и затем непременно обнаружится их недостаточность. Почему так? Да потому, что в состоянии видения несозданного Света человек воспринимает (ощущает) и себя самого как свет невещественный, и всю окружающую его материальную реальность как утерявшую свою материальную консистенцию, свою «тяжесть», и ставшую духовною. Если принять во внимание сей опыт, то не остается ни «точки отправления», ни соответствующего языка для выражения сей космологии. Возможно сказать, что все до сего времени бывшие попытки включали в себя богословско-философские элементы в их соединении с научными данными эпохи. Иначе говоря, все они носят на себе печать того восприятия мира, которое свойственно падшему человеку, тогда как христианскую космологию должно строить, исходя из благодатного состояния видения первичной идеи Бога Отца о Человеке, сем тварном боге, и мирокосмосе. Сия христианская космология недоступна пребывающему всецело в состоянии падения; особенно тем, кто упорно дико отвергает всякую метафизику, считая материальный мир единственной реальностью, а благовестие о воскресении – наивным мифом, состояние же видения несозданного Света – психической болезнью, подлежащей лечению электрошоками.

Люди забыли, вернее, еще не знают, какой Божественный огонь принесен Христом на Землю (ср.: Лк. 12:49). Евангельское Откровение в его подлинных измерениях еще не воспринято людьми, и сие ПОДЛИННОЕ Евангелие до наших дней остается почти не проповеданным, достоянием, скорее, небольшого числа людей с детской верою, не знающей и тени сомнения, последовавших Христу, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14:4): в пустыню, в массы бедных, больных, хромых, слепых, паралитиков, на Фавор, на Голгофу, на смерть.

Человечество и его история

Трагизм творения разумных существ в том, что человек – пал. И в силу сего падения он пребывает в мучительном состоянии непрестанных колебаний: склонившийся ко злу, он ненавидит его и борется с ним; в своей жажде абсолютного блага Божественного бытия он отталкивается от Него при встрече лицом к Лицу и пытается скрыться в темной яме самоопределения вне Бога.

Христос, неразлучно соединивший в Себе и Бога, и Человека, есть единственное разрешение конфликта, кажущегося неразрешимым. Он – воистину единственный Спаситель мира.

Что задумал Бог о нас, людях, и что Он творит в мире, чтобы спасти мир, – мы не можем охватить этого теперь. Но мы верим, мы уверены, что придет тот момент, который именуется нами «исполнением времен», исполнением всего, замысленного Богом о нас. Тогда, в этом непротяженном «вечном мгновении», не поддаемся никаким измерениям, ни определениям, ни временным, ни пространственным, ни логическим, – тогда, в этом «вечном мгновении» мы единым, непротяженным актом всего нашего существа охватим все сущее от века.

Это «вечное мгновение» – когда «времени больше не будет», по слову Писания (Откр. 10:6), – будет для каждого из нас, людей, или вечным блаженством, или вечной мукой. В истории человечества непрестанно возрастает динамика гибели. Судьбы всего мира, а в силу этого и каждого человека становятся все более и более трагичными. Не каждый человек ищет исхода из этой трагедии, но те, которые действительно искали разрешение этого трагизма, прибегали к неодинаковым образам действия в стремлении ко спасению. Для христианина типа афонского монаха единственным Спасителем является Христос, явивший миру и образ Бога Творца, и образ человека-твари таковым, каковым он, человек, был и всегда есть в Творческом Уме Отца прежде веков. Нарушив в своем грехопадении единство с истинным Богом и Творцом, человек может выйти из непреодолимого для него самого «тупика» через восстановление в себе первоначального образа, устранив из своего существования все, что так или иначе искажает сей Первообраз. Начав свой подвиг – свой личный, даже индивидуальный – стремлением пребыть в духе заповедей Христа, монах обнаруживает внутри самого себя, в глубинах своего сердца общность своей личной трагедии с великой трагедией всего мира. Подвиг монаха принимает космические измерения; он встречает на своем пути сопротивление всех «поднебесных духов злобы», «миродержателей века сего» (Еф. 6:12).

Бога человек (монах) воспринимает как абсолютно СВЯТОГО, как «СВЕТ, в котором нет ни единой тьмы» (см.: 1 Ин. 1:5). Сознывая себя во власти греха, монах понимает, что он не может быть единым с таким СВЯТЫМ Богом в вечности а также и Святой Бог не может пребывать с грешным человеком вечно едиными. Человек не может не грешить в данном эмпирическом бытии (existence) своим. Побеждается грех только и исключительно Христом и Духом Святым. «Если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Ин. 8:24). Человек не в силах увидеть в самом себе присутствие греха вне Христа. Увидев же, не в силах преодолеть его. Итак, весь подвиг монаха обращается на то, чтобы восстановить в себе первообраз безгрешного человека, снова стать таким, каким он был в уме Творца изначала. Вся аскетическая наука и состоит в том, чтобы, оставаясь еще в этой плоти, живя еще в этом мире, победить в себе грех. И то, что было открыто Старцу Силуану Христом: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся», есть величайшее откровение об этом спасительном пути, то есть такое действие, которое восстанавливает человека в его безгрешном первообразе. Это и есть ТАЙНА СВЯТЫХ. Погружая себя во ад, монах смиряется ниже всякой твари и через это освобождается от действия в нем всякой греховной страсти: нет ни гордости, ни властолюбия, ни осуждения, ни похоти, ни любостяжания – ничего греховного. И тем создается возможность для вселения в нас Духа Святого.

[Человеку свойственно вынашивать] идею освобождения «малых сих», связанную с учением и даже заповедью Христа о непреходящем, вечном достоинстве «сих малых» пред Лицом Отца: «Смотрите, не презирайте НИ ОДНОГО ИЗ МАЛЫХ СИХ...» (Мф. 18:10). Возьмем немного глубже из истории революций. Пропустив Английскую, обратимся к Великой французской (1789). Освобождение заключенных, декларация прав человека и гражданина, конституция, лозунг «Свобода – Равенство – Братство»... Результат же «права собственности» и «свободы инициативы» приводит к централизации капитала и бесчеловечной эксплуатации своих «малых» и колонизации цветных рас. Так рождается идея борьбы за устранение эксплуатации человека человеком. Русская революция, с ее идеей свободы личности и совести, неприкосновенности личной переписки, свободы печати, собраний и прочих долгий ряд «свобод» и ее результат: еще большее насилие над личностью человека и подавление всех перечисленных свобод. Китайская революция: безумный бунт против всего «прошлого», иначе говоря, «культурная революция» Мао. Я пишу об общеизвестном, поэтому сокращаю до предела. Не сочтите это неумеренным упрощением...

Когда все подобные «обратные движения» (обратные по отношению к первичной идее) происходят в связи с чисто человеческими идеями, примириться болезненно трудно. Но когда таковые обратные движения происходят в истории,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org связываясь с именем Христа, тогда примириться НЕВОЗМОЖНО. Все, стоящие у кормила, мои суждения сочтут аберрацией, недомыслием, слепотой, но я думаю, что ОНИ являются жертвами трагических аберраций. Они воображают, что не изменяют первичной идее, изначальному идеалу, а в ослеплении борьбы за реализацию не видят, что действия их противоположны провозглашенным в начале принципам. Оставим человеческие революции. Возьмем наше христианство. Голгофа Христа, породившая миллионы уподобившихся Христу мучеников и подвижников, в плане видимой истории превратилась в... Ватикан! Да, Ватикан, являющийся символом христианства в глазах большинства человечества в течение стольких веков.

Вся наша духовная жизнь должна строиться на основе Божественного Откровения. Вне сего нет истинного понимания, в чем состоит вообще СПАСЕНИЕ человека. Христос пришел в наш мир, чтобы сообщить людям знание о путях к воскресению для включения нас в Божественную вечность. На аскетической культуре Православной Церкви лежит печать выдающегося гения. Отцы наши боролись за Православие в целях наилучшего хранения заповедей Христа. Следовать слову Его – значит разуместь сие слово до возможно последней глубины, до постижения, что оно исходит от Отца (см.: Ин. 15:15). Всякое отклонение от Истины в исповедании влечет неизбежно отклонения в актах жизни нашей. Мы видим, что каждая религия, каждая христианская конфессия или «деноминация» живет свойственным ей образом, не похожим на других. Нет нужды объяснять, что доколе словесное исповедание веры не вполне согласуется с образом жизни, доколе нет твердой последовательности ни в чем. Наше «умное видение» и наш «жизненный акт» должны стать единым бытием, гармоничным до деталей. Многие, однако, руководятся принципами, не совпадающими с исповедуемой ими верой.

Господь повелел нам сохранить ВСЕ, что Он заповедал нам (см.: Мф. 28:20). Нарушение и «малой» заповеди (см.: Мф. 5:19) повлечет за собою духовный ущерб. Дух учения Христа исключает «релятивизм», который умаляет динамичность нашего стремления к интегральной Истине. Сниженное понимание Евангелия ведет к потере веры вообще. Только болезненное и даже, склонен я сказать, предельное напряжение всего нашего существа даст нам силу ассимилировать вечные слова: «Небо и земля прейдут, слова же Мои не прейдут» (Мф. 24:35); «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63); «Слова, которые Ты (Отец) дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня» (Ин. 17:8).

В настоящее время повсюду наблюдается утеря такого сознания. Весьма многие полагают, что на Земле нет такой конфессии, которая была бы носительницей полноты познания Истины. Ни одна из них, по их мнению, не имеет права претендовать быть единственно истинною. Подобный релятивизм неминуемо умаляет порыв к стяжанию целостного ведения в области Духа. Есть немало богословов, искренно желающих жить по-евангельски, которые склонились к борьбе за социальную правду, вступили на мировую арену борьбы классов, рас, государств и подобное. Христос же решительно отказался вмешаться в спор братьев при разделении богатства. Он подчеркнул при этом, что подлинная, нетленная жизнь – не в обладании богатством (см.: Лк. 12:15). Стоит вопрос: имеет ли Евангелие «политическое измерение»? Всякая международная или межклассовая борьба связана с насилием: «Бей врагов». Заповедь же Христа: «Любите врагов» (Мф. 5:44). Сия последняя никак не позволяет свести Евангелие до уровня братоубийственного раздела вещественных благ. Вступившие в ряды борцов епископы, богословы, вообще верующие христиане считают уклоняющихся от участия в этого рода действиях малодушными трусами. Чем опаснее схватка с угнетателями, тем большую вселяет она уверенность в гуманитарной миссии, как «свидетельство» (мученичество) за Христа.

Наше уклонение диктуется сознанием, что всякое изменение положения в социальных отношениях революционным, то есть насильственным, путем в конце явится заменой одного насилия другим. Исторический опыт доказал сие многое множество раз. Мы сами в пределах нашей жизни наблюдали, как идея справедливости, вдохновляла людей на битву с деспотизмом и эксплуатацией, за свободу и полные права для всех. Однако революции кончались или превращались в террористические режимы с подавлением огромных масс населения, лишением самых примитивных прав и подобное. Как бы ни было глубоким наше возмущение неправдами того или иного строя, трансформация его должна быть связана с долгим процессом повышения нравственного уровня людей вообще. Мы не имеем права совершать насильственные акты даже над насильниками во имя Христа. Но ОБЛИЧАТЬ неправду, живя с усилием хранить

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org справедливость по отношению ко всем, мы можем, и делаем сие, когда видим пользу от нашего слова. Самое совершение Литургии, жертвы за спасение всех людей, есть наивысшее из всех участия в трудном служении человечеству. Не дозволено нам уклониться от задания пребывать во свете заповедей Господних. Превратившись в одну из темных сил, борющихся за преобладание над братьями, мы затмеваем принесенный на Землю Богом Свет. И это преступление вреднее всякого иного для нас. «Политическая Церковь» миру не нужна. Сниженный характер Христовой Церкви в последние века привел к отпадению от нее масс. Восстановить духовное сияние Церкви мы можем только предельным старанием ЖИТЬ ПО-ХРИСТИАНСКИ, ПО-ЕВАНГЕЛЬСКИ, не обращая внимания на то, как к нам отнесутся наши современники. Без достижения христианами подлинных духовных дарований и, прежде всего, святости словесная проповедь останется пустым барабанным боем. Всецелая обращенность к земле не дает видеть людям подлинную сущность Церкви как Царства Любви Отчей, как пространство сияния Духа Святого, как путь к уподоблению всесовершенному Богочеловеку Христу Иисусу.

Не должно бояться временного уклонения людей от Церкви. Пример Христа, оставшегося совершенно одиноким в день Своей Голгофы, да укрепит нас пойти вслед Ему. Он стоял один, осужденный Римским правовым государством, законною Церковью и даже народной толпой. Итак, если бы нас оставили ВСЕ, и тогда не стоило бы снижать или суживать истинные измерения данного нам страданиями Христа Новозаветного Откровения до «морали», до «безбожного гуманизма», до места увеселительных собраний. Возможно, что АПОСТАСИЯ примет еще большие размеры. Не исключено, что каждый из нас должен быть готовым устоять в вере, сопротивляясь всему прочему миру. Пусть их будут миллиарды, пусть все ученые и неученые считают нас сумасшедшими – ответ наш будет один: «Как бы ни был я мал и ничтожен, все же во Христе я прав, а не вы, которые вне Христа».

Мне представляется совершенно ясным, что «адогматическая вера» неизбежно сойдет на уровень этической доктрины и даже посредственного морализма, никого не стесняющего. К сожалению, в исторической жизни христианских Церквей за последние столетия было утеряно вдохновение первохристиан, и все свелось к социальным привычным формам. После пережитых трагических лет двух мировых войн и революций ТАКИЕ ЦЕРКВИ стали не нужными для большинства. Они не удовлетворяют подлинных духовных исканий. Экуменические движения не спасут положения вещей, поскольку единение христиан ищется на низком уровне, с отвержением искания полноты, именуемой «максимализмом».

После многих недоумений и заблуждений я пришел к реализации смысла истории мира и человека. Я теперь так верую. Не через себя я обрел сие благо, но через явление Бога в нашей плоти. Исповедуя христианский персонализм в его наиболее глубоком значении, я, естественно, всегда говорю о познании персональном, а не объективном, которого в плане духа вообще не существует. «Персональное» не есть то же, что «субъективное» в общепринятом словоупотреблении. Персональность Самого Бога, по образу которой мы созданы, лежит в основе нашего универсализма, раскрытого нам Господом через заповеданную Им любовь. Его заповедь не имеет границ: она выражается в любви всеобъемлющей, а не в отвлеченной философии. В молитвах, данных мне Богом, я жил историю мира и человека, как мою собственную. В поисках мировидения, наиболее близкого к подлинно сущему, необходимого нам ради истинной жизни, внутри меня возникали бурные конфликты; различные системы, религиозные и философские, сталкивались между собою, чтобы овладеть мною. Эти внутренние события принимали по временам трагический характер. Они отвлекали мое внимание от внешних событий; но когда мой ум обращался к ним, то нельзя было не увидеть некоторых параллелей между внутренним и внешним миром. Имею в виду международные конфликты нашего века.

Господь вывел меня из глухих тупиков человеческих недоумений и трагедий: Он – все для меня. Иронически настроенный прежде к самому себе, я заповедью Христа: «Смотрите, не презирайте ни единого из малых сих» (см.: Мф. 18:10) отбросил глупую манеру смеяться над самим собою. Я знаю, что я ничто, но Вседержитель показывает мне Свою безграничность, и в Нем величие «малых сих». Как бы ни был я ничтожен, жизнь моя не пустая шутка: дух мой непрестанно обращен к Лицу Отца моего Небесного (ср.: Мф. 18:10). Христос каждым словом Своим ставит нас пред Абсолютным Бытием. Всякий момент нашего бытия важен: на все требуется насущный ответ. Отсюда вытекает соответствие между историческим бытием человечества и тем, что происходит внутри уверовавших во Христа. Быть христианином – значит верить в победу над миром (Ин. 16:33), и ничуть не меньше. Заповеданное Христом смирение (см.: Мф.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org 11:29) до беспредельности расширяет горизонты нашего духа. В порыве самоистощающейся любви ему становятся возможными достижения наивысшего идеала – Бога Любви в Святой Троице. К Нему стремится смирение, не останавливающееся ни на чем тварном. Смирению чуждо самозамыкание в тисках страстного себялюбия: оно раскрывает наш ум и сердце к любви «до конца» (ср.: Ин. 13:1).

Наша эпоха, во многом чрезвычайно интересная и конструктивная, носит в себе опасность гибели в силу чрезвычайных средств разрушения, находящихся в распоряжении немногих властолюбивых рук. Станным представляется мне и то, что в наше время, когда сбываются предсказания Нового Завета о конце земной истории во всепоглощающем огне, люди отпадают от веры во Христа. Впрочем, и сие тоже предвидено Богом, и Господь, снова придя на Землю, «найдет ли веру на земле?» (см.: Лк. 18:8). И то, что казалось недавно «бредом сновидца» (имею в виду книгу Нового Завета – Апокалипсис), сегодня становится мыслимым даже научно. И, быть может, близок момент, когда сие станет выполнимым и технически.

Апостасия принимает планетарные измерения, и христианство стоит в опасности полного разложения и извне, и изнутри. Для того, чтобы если и не совершенно устранить апокалиптические предвидения, то хотя бы замедлить сию трагическую для всего мира разруху, все мы, кому дороги судьбы Церкви Христовой, обратились к исканию путей для предотвращения катастрофы.

Странное, даже парадоксальное явление: когда значительная часть новозаветных пророчеств исполнилась и исполняется далее, многие остаются неспособными преодолеть свое неверие и удаляются от своего спасения. Историю мира люди мыслят по-разному: для одних – это история царств и войн; для других – это история культуры и цивилизаций, научных познаний и философской мысли и всего того, что принадлежит этому плану; для нас же история человечества есть не что иное, как осуществление в ней Божественного замысла о человеке; иначе говоря, духовный рост человека от момента его зарождения до момента познания им Творца своего и уподобления Ему через это познание. Когда человеку Духом Святым дается видение вечного Божественного бытия, по образу которого он создан и к которому он призван по самой природе своей, тогда в нем начинается преобладать желание достигнуть, реализовать в своем личном бытии тот непостижимый образ, который написал в нем Художник Господь.

Каждая личность создана по образу Божию и носит в себе отражение Святой Троицы, но, взятая в своей ипостасной обособленности, она не являет образ Божественного бытия в полноте Его. Последняя осуществляется не иначе как в соборном бытии Церкви, где единосущие совмещаются с множественностью ипостасей, когда всякая личность (персона) становится едино со всеми прочими, когда во всякой личности вмещается все бытие без умаления, без уничтожения, однако, других персон, вечно не сводимых одна на другую.

Бытие твари по образу Троица Божества есть смысл и цель Церкви. Следует это из слов молитвы Христа: «да будут все едино, как Мы» (Ин. 17:22).

Очевидно, что, если человеческая личность, взятая сама в себе, не достигает полного подобия Христу, до равенства и тождества с Ним, заданное нам единство не осуществимо. Если даже в своем конечном осуществлении, которое лежит за пределами сего мира, человек не явится способным вместить в себе и носить непреложно всю полноту Богочеловеческого бытия, то единство пребудет несовершенным, частичным. По слову преподобного Симеона, невозможным будет вечное пребывание в единстве человека с Богом при несовершенном подобии Богу. Эти слова должно распространить и на единство человека с человеком. Итак, не остается иного решения вопроса нашего, как только признание, что во Христе все мы, прежде создания мира, призваны именно к этой полноте бытия (ср.: Еф. 1:46).

Окружающий нас видимый мир с такою силою навязывает себя нашему сознанию (чувственному), что как будто ТОЛЬКО это и существует. Люди, усыпленные этим миражом, борются за пребывание в этом мире и воюют с братьями, себе подобными. Насилием и убийством брата они надеются овладеть этим миром и наслаждаться этой жизнью. О, какая наивность, приводящая к преступлениям! Люди не понимают, что всякий, кто убивает брата, прежде всего убивает себя в ином плане бытия – подлинном. Убийца верит в смерть, и только в смерть. Возрожденные во Христе – убивать не могут.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Человек во всем составе своей природы ничего нетварного не имеет. Человек – образ Божий, но образ тварный, созданный для того, чтобы иметь образ бытия, подобный Божественному бытию. Нетварное – Бог – сообщается человеку по причастию. Как это возможно – необъяснимо, непонятно, но здравый и правильный подвиг и долгий опыт ясно показывают это. Монах, имеющий опытного наставника и доверяющий своему отцу, ведение о сем получает через него. Это есть традиция Церкви. Это есть включение в опыт Церкви. Но бывают случаи, когда кто-либо, не имеющий наставника, стоящего на этой ступени духовного ведения, за свою горячую веру и ревность удостоивается от Бога видения Света. В этом случае возможны бывают колебания и неясность в определении природы полученного созерцания или источника его. Например, как это произошло с русскими подвижниками, которые, ОПЫТНО познав благодатную силу, заключенную в имени Иисуса Христа, в своей попытке определить это догматически, впадали в ошибки.

Теперь, когда человек так повсюду унижен, тема тайны происхождения человека и его высокого назначения в мире особенно важна. Люди стали обладать исключительно могущественными средствами разрушения, а следовательно, и принуждения. Ставится остро вопрос: свободен ли человек? Принуждение не налагает ли тень на мое бытие? Не стал ли и я рабом? (И это – безотносительно той или иной власти. Мы говорим о духе.) Ответ: нет такого места, такого режима, такого положения, когда бы было невозможно сохранить заповедь Христа.

Политический план – не первичен, но рефлексивный. Мое глубокое отношение ко всем политическим событиям мира сего: есть несколько планов космической жизни. Несомненно для меня, что социальный и политический план является рефлексивным, никак не первичным. Глубже лежит план духовный. Моральное и духовное состояние человечества отражается в социальном строе общества и в политических событиях. Видимые исторические события суть симптомы духовного здоровья или болезни, иначе говоря, проекция, или отражение, происходящего в мире духовном. В силу этого христианам естественно служить человечеству прежде всего духовно. Исцеляя людей в духе, мы тем самым вносим порядок и мир в план семейный, социальный, политический.

Многие «маленькие» люди, никому неведомые, в глазах Бога являются самым драгоценным элементом: они – тот неувядаемый плод Земли, ради которого она и существует. В них – смысл мира, задуманного Богом; они хранятся для вечного Царства. В будущем веке они прославятся как цари и священники Бога Всевышнего. «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; НО БОГ ИЗБРАЛ безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное... чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее... чтобы упразднить значащее... Я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира... мы безумны... мы немощны... мы в бесчестии... мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне» (1 Кор. 1:26–28; 4:9–13).

«По обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3:13). «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5). Будет ли это новая Земля, которую обетовал Бог после того, как «воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии (элементы) растают» (2 Пет. 3:12), но она будет отдана КРОТКИМ; они будут царями и священниками Отца любви.

Тем «малым», о которых говорит Христос: «Смотрите, не презирайте ни единого из малых сих» (Мф. 18:10), дана привилегия в духовной свободе мыслить о мире в его целом беспристрастно, вне эгоистических расчетов. Им дается молитва за весь мир в заповеданном духе любви; они уподобляются Богочеловеку Христу, молящемуся в Гефсиманском саду. Будучи нищими и ничтожными в глазах сильных Земли, они получают дар подходить ко всему бого-человечески. Быть малым в этом мире помогает быть великим в самом подлинном смысле. Богатым и могущественным ныне нечасто дается благодать следовать Царю-Христу. Они, в сущности, достойны жалости и сострадания за участь их в грядущем веке. Да и в настоящем: живущие в роскоши и излишествах среди нищих и бездомных – могут ли быть христианами, действительно следовать за Христом (ср.: Мф. 19:23)?

Конечный ход нашего мышления – созерцать открывшуюся нам тайну Троичного Бога, по образу которого создан человек-человечество. Многоипостасное единство Божества должно было бы быть реализованным в нашей тварной жизни:

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org человечество – единое естество. Многоипостасная форма нашего бытия не должна отклонить нас от искания путей к осуществлению богopodobного единства. Для этого нужно, чтобы все люди, каждый человек стремился достигнуть заповеданной Богом любви к ближнему, как к самому себе. Это значит, что все мы должны жить всечеловеческую жизнь, как нашу персональную. Тогда исполнится молитва Христа; «Да будут (все) совершены воедино» (Ин. 17:21–23). И это есть ВЕЧНОЕ ЦАРСТВО ОТЧЕЙ ЛЮБВИ. «Кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его... но отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судьбу себе: слово, которое Я говорил, ОНО БУДЕТ СУДИТЬ его в последний день» (Ин. 12:47–48).

Наличие отвергающих, и даже с враждою, заповеди Христа не должно составить непреодолимого препятствия к пребыванию в духе евангельского благовестия, хотя и чрезвычайно усложняет эту задачу. Мы воспитываемся в Церкви воспринимать каждого, не исключая «ни одного из малых» (см.: Мф. 18:10), как «личность» по образу Христа. Это приводит к тому, что через страдания или смерть одного человека мы живем и свою смерть, и всех людей вообще. В одной капле воды, говорили древние отцы, заключена та же сущность, которая в океанах. Так, в жизни одной личности может отражаться огромная область из вселенской жизни человечества. И если бы все мы достигали «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4:13), то в каждом проявлялся бы Всечеловек. Не реализуя сего задания, мы печалимся. Мы молимся об этом и для самих себя, и для всех людей.

О, если бы было возможно освободить каждого человека от одурманивающей власти над ним окружающей среды, от необходимости тяжелым трудом бороться за каждый день своего существования, чтобы показать ему свет иной жизни, – какую глубокую перемену внесло бы сие в настроения всей Земли! Страшно сказать, что вокруг нас теперь: многие в поисках доминанции над братьями не хотят остановиться перед страшной картиной едва ли не всеобщего отчаяния. Как много таких, которые неукротимы в своих страстных порывах, непоследовательны в своих суждениях о происходящем; таких, которые пылают ненавистью к инакомыслящим; ищут преобладания над братьями, чтобы убедить себя в мнимом превосходстве; сколько таких, которые всю жизнь свою протягивают свой меч, чтобы убить негодных им, и часто умирают сами в момент нанесения удара. Многие, стоящие у кормила власти, подражают императору Александру: рубят узлы мечом. Все сие лишь умножает зло, никак не исправляя положения вещей.

Молящийся за мир – страдает всем, но не может включиться физически в битву за преобладание какой-либо части, чтобы вместе с ними «бить врагов». И это потому, что ни одна из проявляющихся сторон не стоит в Христовой истине. Мир идет к апокалиптической катастрофе.

Конечно, нет абсолютного зла. Абсолютно только Благо. И сие Благо заповедало нам: «Любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас...» (Мф. 5:44). Претендующие на христианское имя народы не осуществили в делах эту заповедь. Чаще обратное: получив через христианство свет ума, свет познания, они использовали сие преимущество не для благотворения братьям, а для порабощения их. Только в первые века христианства, когда верующие шли на все страдания за имя Христа, свидетельство было истинным. После победы Константина, когда христианство стало государственной религией, произошли снижающие перемены. Ревностные христиане убежали в пустыни. Государства же, все более или менее подражатели Риму, утвердились насилиями. Вера становилась почти принудительной. Радость от сознания, что с победой Константина наступает время свободной проповеди истинного Бога, затмилась скоро тем, что государства употребили находящиеся в его распоряжении средства принуждения в своих политических интересах. Реально это сводилось к пользе правящих классов. Оставалась пирамида неравенства, которую Христос опрокинул Своим пришествием, призвав высших и сильных к служению меньшим и слабым. Перед нами теперь стоит задача реставрации евангельской жизни. Во многих местах свидетельство через мученичество стало задачей дня. Великий Суд над историческим христианством некоторые поняли как «послехристианскую» эпоху. Но, с другой стороны; именно в наши дни крепнет надежда на великий ренессанс (возрождение) христианства. Нет абсолютного зла. Ни одно явление, как бы ни казалось оно гибельным, не лишено положительного аспекта. Так, современные нам условия планетарной жизни могут и должны были бы содействовать раскрытию в умах людей сознания необходимости глобального видения судеб всего мира, то есть такого положения, когда все и каждый деятельный член человечества сознавал бы таковое как единую нераздельную семью: «Возлюби ближнего, как самого себя» (Мф. 19:19). Во всяком случае,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
трагизм нашего времени побуждает священника молиться за всех. То же
желательно было бы видеть в каждом христианине.

Происходит, скорее, обратное: умножается ненависть, не перестают в разных
местах братоубийственные войны. Все мы стоим перед угрозой всеобщей войны
апокалиптического характера: самосожжение человечества новым огнем,
способным воспламенить всю материальную массу нашей планеты. Вместо
единства всех мы видим повсюду распады на части; даже малые племена
спазматически цепляются за «независимость» от деспотизма сильных. Это
обратное должному устройству всеобщей жизни движение порождено грехами
прошлого: оскорбление и уничтожение слабых в течение веков укоренило
недоверие и отвращение к владыкам всякого рода. Нарастает бунт
порабощенных; создаются стихийные встречные и поперечные течения. Ритм
событий превышает возможности правителей не только анализировать, но даже и
уловить настоящий смысл происходящего. В современном хаосе противоречий все
стоит на перекрестках: ни одна из дорог не представляет свободы движения.

Для нас, христиан, самым страшным моментом представляется образование
динамических, но деперсонализированных масс, при отсутствии понимания
человечности. Наша духовная борьба посредством молитвы и слова есть борение
духа за Человека-Персону. Без разрешения проблемы – что есть Человек, его
непреходящей ценности, – невозможно построение подлинно человеческого
общества.

Только расширенное сознание Человека-Ипостаси, по образу Ипостаси Отчего
Логоса Христа, может носить в себе всего Адама.

Если же, подобно животному миру, каждый будет держаться за свою
ограниченную индивидуальность, то неизбежно вселенная утонет в океане
всеобщей ненависти.

«Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы
Земли» – так молился блаженный Старец Силуан.

Мир не может уклониться от тех путей на которые ставит его слово Христа,
силою которого все обитатели Земли призываются к союзу любви, в духе личной
свободы. Унификация иного типа, политическая, будет навязана насильем; и
это будет всеобщим адом. Без Христа все пути ведут к смерти; без веры в
воскресение темная туча отчаяния все теснее будет охватывать всех; уже и
теперь все полны страхов. Для преодоления всеобщего трагического смятения
необходим христианский подвиг. Христос раскрыл пред нами «тайны спасения»
от первичной алиенации (отчуждения) – падения Адама. Он (Христос) явил нам
Человека во всей его первозданной красоте и мудрости, и, лишь следуя Ему, и
каждый из нас, и все человечество в своей совокупности могут спастись на
всех уровнях.

Мы наблюдаем, скорее, обратное: люди все более и более теряют представление
подлинной сущности христианского Откровения. К прежним видам атеизма –
пантеистического, метафизического, гуманитарного и просто полуживотного –
прилагаются новые, среди них особенно распространяется псевдонаучный. Через
удаление от христианского персонализма неустранимую становится
дегуманизация масс. Не восприняв великого Откровения о Божестве ипостасном
и Человеке, тоже ипостасном, многие наши современники склоняются к
мистическим учениям, не познавшим онтологического места принципа Персоны в
Бытии Абсолютном, ни в бытии тварном, «по образу» ипостасного Бога.

Принимая во внимание фактический уровень, моральный и интеллектуальный,
возможно говорить, что многие отказываются от истинного христианства еще и
потому, что интуитивно сознают, что в этом мире быть носителем Духа
Христового – значит принять многие страдания.

Но и здесь снова проявляется непонимание, что страдания необходимы для
глубинного проникновения в тайны тварного бытия. Наши личные драмы, каждого
из нас, отражают в себе трагизм всей, от начала, истории человека. Мои
слова далеко отстоят от банального пессимизма. Мне, ничтожнейшему из людей,
был дан опыт мук человеческого духа, заключенного, как часто кажется, в
тюрьму детерминации всего. Когда же по дару свыше, за что благословляю Бога
моего, я увидел, как Господь Иисус погружает меня на дно ада и оттуда
возносит до небес, тогда я в трудных испытаниях взывал: «Слава Тебе,
Создатель мой! Безгранична Твоя мудрость». Иногда же, даже чаще, я думал:
«ТАК страдает вся Земля»; и это было исходом из узкого кольца

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org индивидуального существования и началом космических созерцаний. Никак не хочу сказать, что это был психологический способ убежать от неизбывных страданий: я действительно болел и мучился. Но именно таким путем мой дух полнее проникал в исторические и метаисторические измерения человеческого бытия. Та же самая космическая жизнь мощным потоком проходит через каждого из нас. Я выходил на расширенную орбиту, и это роднило меня в духе с миллионами рассеянных подобных мне существ. Больше того: это рождало во мне неудержимую молитву за всех; через это же я, да простит мне Бог (мою дерзкую мысль), как-то причащался Гефсиманской молитве; все переводилось в сферы духа, преодолевающего и временные, и пространственные узы.

Реальные страдания духа нашего суть привилегия, недешево оплачиваемая. Счастье или благословение я измеряю не суммой психофизических приятных переживаний, но прежде всего даруемым нам познанием о бытии мира и особенно о Первой и Последней ИСТИНЕ. Здесь, на Земле, испытания кончаются. Я часто вспоминаю слова Господа, сказанные Им апостолам за несколько часов до Его голгофской кончины: «Мир Мой даю вам» (Ин. 14:27). В основе этого мира лежит ведение Отца; Христос знает Отца. И мы если прикоснулись познанию вечной Истины – Бога, то воспринимаем все терзания Земли как бы на периферии нашего ипостасного бытия. В невидимом центре нашей персоны присутствует Бог, и Его животворящая любовь хранит нас от смерти даже тогда, когда мы остро живем в самих себе тревоги, отчаяния, предсмертные агонии наших братьев.

Конечно, путь сей тесен и тернист. Много воздыханий вырвется из груди за время шествия по сему пути. Временами все существо наше как бы выворачивается наизнанку, и лицо целиком обращается внутрь. Сердце и ум ощущают свое бессилие следовать за Христом, и в страхе будем замедлять наши шаги: «Иисус шел впереди, а они (апостолы) ужасались и, следуя за Ним, были в страхе» (Мк. 10:32). Останавливается и наш дух на пороге вечности в скорбном изнеможении; иногда же в торжествующем порыве к Божественной истине.

Страстное стремление к власти, к преобладанию над братьями – искажает в человеке образ Божий: делает его поклонником Искусителя: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если ты поклонись мне, то все будет Твое» (Лк. 4:6, 7). Христос же заповедал обратное: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними... но между вами да не будет так» (Мф. 20:25, 26). Господствование Он заменяет служением, ради которого люди становятся «соучастниками в славе, которая должна открыться» (1 Пет. 5:1); «домогаться же славы не есть слава» (Притч. 25:27). Апостолы до смерти Христа и воскресения Его, до вознесения и ниспослания Духа Святого не были свободны от идеи славы в земном царстве Христа (см.: Мф. 20:21). Перед самым вознесением Христа они спрашивали Его: «...не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1:6). Христово царство – не от мира сего; оно гонимо от царства князя мира сего. Первое есть власть любви, сила смирения, влекущая красота святости и мудрости. А князь мира сего действует насильнически; он же и «отец лжи»: «Диавол... был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44). Редкие достигают власти без насилия над слабыми и даже без человекоубийства, прямого или косвенного. Насилия сопровождаются оправданиями, преимущественно ложными. Последствием сего являются войны, гибель неисчислимых душ, разорения, бедствия, катастрофы, отчаяние жертв террора. Такова история падшего человечества. Каиновы потомки чрезвычайно умножились на Земле. Но велико и множество кротких сынов первой жертвы – Авеля (см.: Быт. 4:8). Трагизм положения усугубляется тем, что, казалось бы, героические души борцов против одной формы гнета в случае победы и сами становятся на тот же путь насилия; и нет исхода из этого кошмара. Немного таких мест на Земле, где не стонали бы от тяжелого бремени побежденные, поработанные; и стоны их восходят до неба.

«Кроткие наследуют Землю» (Мф. 5:5); и подвиг замученных за имя Христа станет для них неумирающей славой. Христос отвергал искушение славой и властью мира сего: первый раз – в пустыне: «...отойди от Меня, сатана» (Лк. 4:8); второй – после насыщения пяти тысяч хлебами: Христос, «узнав, что хотят... взять Его и сделать царем» земного царства Израиля, «удалился на гору один» для молитвы (Ин. 6:15). Опять Он уклонился от власти земной, как сделает и после чуда воскрешения Лазаря, когда народ встретил Его, как царя, в Иерусалиме, «когда весь мир пошел за ним» (см.: Ин. 12:19). После ночной молитвы наедине Иисус шел по воде к ученикам, бывшим в опасности

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org погибнуть от бури, и уже не в первый раз явил Свою власть над силами природы. Да, Он подлинно великий Царь, но «не от мира сего». Он непостижимо для всех тварей «уничжил Себя... даже до смерти» (Флп. 2:7, 8). Он – недостижим ни в Его извечном величии, ни в Его недомысленном самоумалении. Через Него мы познали, что смирение Бога есть свойство Божественной любви, которая отдает себя без меры, без счета, «до конца» (Ин. 13:1). Христос явил нам сию святую тайну Божества. До Него Бог представлялся неограниченным Властителем, недоступным Деспотом, которому чужда любовь. Ныне Он открылся нам как воистину Вседержитель, одновременно же и как Отец наш. Владеет Он нами не в силу могущества над созданными Им, но силою непреодолимого притяжения к Себе, как «Свет, в котором нет ни единой тьмы» (1 Ин. 1:5).

Господь скончался, воскликнув: «Жажду!» (Ин. 19:28). Он жаждал, чтобы мы познали Отца. А мы, жаждем ли мы, как должно, сего познания? Люди ищут Истину. Многие любят Христа. Но еще больше таких, которые пытаются свести Его до доступных им измерений, приложить Его учение к борьбе за дележ имений (см.: Лк. 12:15). И если бы мы достигли того, что подавляющее большинство приняло бы такого Христа, соответствующего ленивому сердцу эгоистичного человека, то тогда бы мы потеряли подлинного Христа Спасителя, молящегося в Гефсимании, предавшего Себя на суд лукавому сборищу, принявшему смерть на Кресте.

Когда Христос низводится с престола Абсолютного Авторитета, исключительного и единственного, и поставляется наряду с другими якобы «откровениями», якобы равноценными, а для некоторых даже и более совершенными, тогда легко внушать людям всякую мистическую философию под видом богосозерцания.

Оторванных от Христа Бога нетрудно толкнуть на всякое зло: на войны, убийства и другие преступления против человека ради, по существу, мнимого прогресса, ради торжества дикой идеи о сверхчеловеке – тиране; ради восхождения «по ту сторону добра и зла».

Любовь Христова – понятие не этическое: она есть сходящая от Бога безначального подлинная жизнь. Внешне она может проявляться как этика в нашей житейской обыденщине, но по роду своей реальности она принадлежит плану вечной онтологии. Нетварный Свет, отражением которого являются заповеди Христа, снисходя по иерархическим ступеням, постепенно одебелевает, становясь «христианской этикой». Мы не отвергаем ее; наоборот, храним как возможный переход от низшего к высшему, как некий мост между психическим и духовным бытием, как тропу от малого света к великому и совершенному.

Путь к святой Божественной любви лежит через многие страдания. Иов на гноище своем познал Бога, в Которого до того времени только веровал. Много есть верующих, но немного таких, которые ЗНАЮТ Бога. «Если обойти всю Землю из края в край и спрашивать всякого встречного человека: „Знаешь ли ты Бога?“ – то неведомо, скольких найдешь, и еще найдешь ли таких, которые скажут: „Да, я знаю Бога“», – как-то сказал Старец Силуан.

Царство Христа – «опрокинутая пирамида»: больший служит меньшему, сильнейший смиряется перед немощным. Так все в жизни христиан; такова структура Небесного Царства, в основе которого лежит Божия любовь. В противовес сему царства падших людей основаны на порабощении и эксплуатации сильнейшими слабейших. Гордые победители насилем к тому же презирают побежденных и обращаются с ними не лучше, чем с животными.

Бог в Предвечном Совете Своим благоволил избрать-призвать нас для усыновления. Изнемогаем мы, обремененные этим великим заданием. Где столь крепкие ноги, чтобы восходить по отвесным каменным скалам на вершину горы боговидения? Кто даст нам могучие крылья, чтобы вознестись нам в сферу небесной любви? Мы были научены и ныне знаем, что на крыльях веры во Христа Бога возможно подняться даже до престола Всевышнего. Но сей подъем далеко не прост и не легок. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие ВОСХИЩАЮТ его» (Мф. 11:12). «И сия есть победа, победившая мир, ВЕРА наша» (1 Ин. 5:4).

Весь мир еще находится в периоде созидания: «Отец Мой доньше делает, и я делаю» (Ин. 5:17). Сии слова Господа относятся прежде всего к Человеку-человечеству. Наше эмпирическое «бывание» можно уподобить процессу брожения дорогих вин. Христос же уподобил его «закваске, которую женщина

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Лк. 13:21).

В этот постепенный ход развития – от семени до совершенного плода – вошли два события решающего значения: падение Адама и воплощение Логоса. Сей Логос Отца открыл нам глаза на происходящий грандиозный спектакль, Он указал нам путь спасения от последствий падения. Мы образ Божества, но опрокинуто в нас подобие Троицинству Прообраза; все мы – замкнутые круги, разделенные между собою «острова». Лишь по дару свыше, в молитве за весь мир, забывая самих себя, живя жизнью ВСЕГО АДАМА, получаем мы первый опыт богоподобия. После сего мы начинаем воспринимать Бытие – и Божественное, и тварное – иным порядком.

Человек – существо свободное, но эта тварная свобода не есть нечто, сразу же данное в своем осуществлении первым творческим повелением: «Да будет», – а лишь заданное и искомое. «Рождающийся в мир человек» (см.: Ин. 16:21) свободен лишь потенциально, и в христианском подвиге всей жизни осуществляет эту свободу в той или иной мере. В пределах земной жизни ничто не достигает полного осуществления, но испытывается человек, испытывается, куда склонится он волею, и тем определяется его вечная жизнь. Многие склонны преуменьшать значение «мелких» грехов, не учитывая, что сила греха не в том или ином относительном внешнем действии, а в факте глубокого духовного самоопределения. «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом» (Лк. 16:10). При таком подходе к греху и «малые» грехи приобретают совсем немалое вечное значение.

Земная жизнь есть испытание человека. Ни добро, ни зло не имеют возможности осуществить себя в полноте. Предел зла – когда человек объявит себя богом. Признаком такого бога будет не бесстрастная смиренная любовь, а мнимо бесстрастное гордое безразличие «по ту сторону добра и зла», которое есть последняя степень зла.

Сей Иисус Христос есть мера всех вещей – Божественных и человеческих. В Нем полнота и Божества (Кол. 2:9), и человечества (ср.: Евр. 2:17). Он для нас является совершеннейшим идеалом. В Нем разрешаются все наши проблемы, которые вне Его остались бы безысходно терзающими наш дух, как бесформенный, бессмысленный хаос.

Он есть воистину мистическая ось мироздания. Если бы Христос не был истинным Богом, то невозможно было бы оправдать Творца сего мира, утопающего в океане страданий, в непрестающем кошмаре насилий и преступлений, болезненных рождений и еще более мучительных смертей.

Если бы Христос не был Сыном Божиим, то никто из людей не мог бы искать спасения как усыновления человека Богом Отцом.

Искупление не есть действие принудительное, Бог не навязывает Себя. Но человеку дано познание путей ко спасению, открыта тайна Божественной жизни, дана возможность ей причаститься. В обычной жизни возможно найти некоторые аналогии, например, открытие Эйнштейна, благодаря которому человечество получило новые колоссальные источники энергии, дающие возможность увеличить население мира, быть может, на несколько миллиардов людей. Но необходимо было, чтобы люди приняли открытие его, иначе оно осталось бы недейственным. Так, с искуплением дано ведение пути, открыты тайны этих путей, но необходимо людям принять сие, сей дар свыше, и только тогда оно станет видимой реальностью в жизни человечества, как оно стало таковым в жизни отдельных людей.

Сущность отчаяния – неверие в воскресение. Мир в наши дни все глубже и глубже погружается в отчаяние, уже «видимое» в событиях мира (политических, социальных, военных и подобное). Внешние события по существу суть выявления духовного состояния человечества. Излечить человечество политическими мерами невозможно, ибо корень болезни – в плане духа. Следовательно, доколе этот план игнорируется, доколе болезнь мира будет только прогрессировать.

Жизнь человечества парадоксальна до такой степени, что никакой ум человеческий уже не может ясно уразуметь происходящее в истории. Вижу, что отчаяние охватило весь мир, и это в силу потери веры в воскресение. И вместе с тем все же «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9:37), и голод – «голод слышания слова Божия» (Ам. 8:11) – возрастает. Всякое творчество обесценивается. Все вообще лишается вдохновляющего смысла.

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Отвергая веру в воскресение, человек тем самым осуждает себя на смерть. И это самоосуждение является подлинной натурой отчаяния. Нет ничего удивительного, что ныне мир весь погружается все глубже и глубже в отчаяние.

В своем отчаянии люди ищут наслаждений какой бы то ни было ценой, вплоть до братоубийственных войн. Так человечество идет к саморазрушению. Хранение заповедей Христа приводит к восстановлению первоизданной красоты человека. Восстановленный же, он, человек, преображает весь прочий мир, всю тварь, поработившуюся суете.

Падение Адама заключалось в отказе от пути к обожению, указанного заповедью, ему данной. Свое стремление к Божественному образу бытия, заложенное в нем в акте создания «по образу и по подобию» (Быт. 1:26), он пожелал осуществить вне зависимости от персонального Бога, являвшегося ему в раю для бесед с ним. Библейское описание слишком лаконично. Оно не дает нам возможности проникнуть во весь процесс, через который первоизданный наш праотец дошел до недоверия к Богу. Теперь мы достоверно знаем, что подобное движение воли обнаруживает недостаток любви. Из истории религий и мистических культур мы усматриваем в человеке стремление к Бытию Абсолютному, которое он склонялся мыслить как сверхличное. Из опыта своего он видел в своем индивидуальном существовании ограничение, которое невозможно переносить на Бытие Бесконечное. Главным образом, этот ход мышления в древности был свойствен восточным культурам. Теперь все более и более западный мир располагается к тому же. Явление сие не ново в истории западной философии. Корень его лежит в том, что Откровение Персонального начала, данное впервые на Синае, затем в более совершенной фазе через Христа и Святого Духа, стало теряться в опыте христианского человечества. Восток же даже до сего времени лишен сего опыта. Абсолют открылся как Персона: «Аз есмь Сый», и мы живем сей принцип не как ограничительный, но как всеобъемлющий.

Явив нам в самом Себе совершенного человека, как он, человек, есть вечно в творческой идее Бога, Он призвал нас быть сынами Отца Небесного, совершенными, как совершен Отец (Мф. 5:45 и 48). Христос есть свет безначальный, пришедший в мир, чтобы всякий верующий в Него не оставался во тьме (см.: Ин. 8:12). Он не пришел судить мир, но спасти. И если кто, видя Его, как Он был во плоти, и не поверит, что это Сам Создатель всего сущего, то за сие не будет судим; но кто не принимает слов Его, тот будет судим этим словом (см.: Ин. 12:47), потому что слово сие исходит от Отца, а не от человека (см.: Ин. 15:15). И оно, сие слово-заповедь, есть жизнь вечная (см.: Ин. 3:16; 12, 50).

Молился Господь ночью на горе Фаворской. Это был момент решения идти на Голгофу. И явился Свет нетварный и апостолы услышали голос Отца, свидетельствующего о Сыне Своем возлюбленном (см.: Мф. 17:25. Лк. 17:29–35). И на Фаворе, и в Гефсимании молитва, по существу, была одна и та же, но последняя являлась наивысшей силы и могущества, ибо «приблизился час» (Мф. 26:45).

Вся жизнь Спасителя – «пример» для нас (Ин. 13:15). И мы должны молиться при всяком обстоятельстве, особенно опасном и трудном, чтобы превратить наше земное существование в молитву. И чем болезненнее страдание, тем горячее молитва, которая соединит нас с Богом на все века.

В падении Адама естество человека разбилось, претерпело глубокую алиенацию (отчуждение), лежащую в основе всех иных, частных, алиенаций и извращений. Первочеловек и отец человечества носил в себе «семья» для всех последующих поколений, в силу чего все мы, без исключения, рождаемся в условиях падения и несем в себе эту порчу как тяжкое наследие. Собезначальный Отцу Единородный Сын, воплотившийся «нас ради человек и нашего ради спасения», явился «Вторым Адамом», родоначальником восстановленного Человека-человечества. Первый был взят из персти и рождал «перстных»; второй – с неба, Дух животворящий: «Каков перстный, таковы и перстные; каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного» (1 кор. 15:45–49). Единственно Христос исцеляет от поразившей всех нас смертельной болезни – греха (см.: Рим. 8:2).

Все люди ведут борьбу за сохранение, временное, жизни в теле, от семени Адама перстного; подобно сему все, возлюбившие пришествие Христа, несут трудный подвиг за усвоение принесенной Им небесной жизни. Молитва вообще и

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org в частности молитва именем Иисуса есть наиболее действенный способ к восстановлению утерянной в падении целостности: единства духа, души и тела (см.:1 Сол. 5:23). Вечность принадлежит, прежде всего, духу, но и душевность наша, и тело подлежат освящению Духом Святым и должны стать храмом Божиим (ср.:1 кор. 6:19–20. Рим.6:22–23).

В своем обычном состоянии ум человека устремляется преимущественно вовне, приобретает внешние познания в отрыве от сердца. Соединение их, ума и сердца, в молитве – первый необходимый шаг к преодолению последствий первородного греха. Страдальческое сознание космических измерений постигшей нас катастрофы является фундаментом для нашего покаяния. Пройдет немалое время, прежде чем осуществится окончательно единство сердца и ума, станет неотъемлемым состоянием нашим в вечности. Тогда молитва достигнет совершенства ЧИСТОТЫ своей, и дух наш сможет созерцать бесстрастным образом надмирное Божество. Современная гуманистическая культура далеко не достигает духовного плана христианства, хотя в значительной мере вначале была вдохновлена им. Искание четкого логического действия расчета, при недоверии к сердечным «эмоциям», привело к духовной атрофии сердца. Прима в бытии человека отдан рассудку, который устанавливает иерархию ценностей. Проблема сия весьма обширна и чрезвычайно важна для всей нашей цивилизации в прошлом и в будущем. В своем крайнем выражении гуманизм отрицает Бога, а следовательно, сводит человека к одному измерению, к одному плану, где космическое бытие детерминировано законами естества. И это неизбежно для культуры, идущей «снизу». Согласно же Божественному Откровению, человек есть образ Абсолюта, Персонального Бога, и как таковой есть ПЕРСОНА в целостности своего бытия. Рассудок есть лишь одна из энергий человека-персоны. Свести его до сего уровня (рассудка) – равносильно умалению и даже разложению его, человека. Если вследствие падения человек претерпел алиенацию во всех планах и энергиях своего бытия, то это, конечно, относится не только к сердечным эмоциям, принявшим характер частности, искажающей образ Бога Любви. Воспринявший от Бога «дыхание жизни», он был предназначен к владычеству над всеми иными тварями; он обладал способностью с одного взгляда познавать и давать имена животным, зверям и птицам; ему был дан разум возделывать и хранить первозданный мир (см.: Быт. 2:7; 1, 26; 2, 20; 2, 15); ему предстояло от низших форм сотрудничества с Творцом восходить к высшим, вплоть до совершенного уподобления безначальному Богу, то есть трансцендировать чувственно воспринимаемые явления, превзойти свою временность и в апогее своего осуществления стать бессмертным. Гуманизм не может выйти из рамок детерминированной природы: человек есть результат некоей длительной эволюции, он никогда не больше, чем индивидуум, явление или вещь мира сего; не столько субъект, сколько объект; и форма его познания явлений природы – «объективация» познаваемого. Итак, необходимо исцеление всего человека: и в плане психики, и в плане ментальном – рассудочного мышления, и в плане физиологическом – теле. Одно – следовать извращенным эмоциям, совсем иное – исцелить наше сердце, сделав его носителем Божественной любви, согласно евангельским заповедям. Одно – пребывать в пределах научного объективирующего познания явлений природы, другое, безмерно высшее – познавать Того, кто предварил существование самой материи мира сего. Одно – иметь тело, растленное низкими страстями, другое – сотворить его храмом Духа Божиего.

Молитвою к Отцу и Богу нашему (ср.: Ин. 20:17) вырываемся мы из вязких узлов материального космоса и восходим в сферу нетварного Света. В этом восхождении за пределы космических энергий мы встречаемся с их тенденцией удержать нас в своих границах. Нашими тварными силами преодолеть их мы не можем. Таков путь положен нам Богом: через усилия, часто болезненные, приблизиться к Нему проходим мы различные этапы борьбы со всякого рода лимитациями. Устремленная к Божественной форме бытия молитва становится вышеестественным актом. Через нее наш дух удостаивается узреть Свет, все наполняющий, везде присутствующий, неизменно пребывающий Бытием иного порядка. Молитва перерождает нашу падшую природу, и восстановленная в своей первозданности сия природа становится восприимчивой к непосредственному причастию Божественной жизни. Мы созданы «по образу» (Быт. 1:26). Значит, от начала Человек предположен-задуман в Совете Предвечном Троичного Бога с потенциальным тожеством человека Богу. Из Откровения мы видим, что, когда тварное личное существо приближается к последним степеням тожества Богу, ему предстоит великое испытание свободы: отказаться от «зависимости» Творцу, искать самообожения, то есть существовать из самого себя, КАК БОГ (Быт. 3:5), что и есть сущность падения. Другая альтернатива: положительная – любить Бога, Творца и Отца, всей полнотою любви, как и Он в избытке любви

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Своей создает из «ничто» разумные существа, чтобы сообщить им всю полноту Бытия Своего, сделать их равными Себе. Если в земном плане дети принимают жизнь от родителей и любят их, то тоже самое предстоит нам по отношению к Богу: мы – ДЕТИ ЕГО. Мы наделены потенциальной возможностью в свободе нашей творчески воспринять освоить дар любви Отчей: стать подобными Ему, то есть (вечными) богами.

Любовь по сущности своей есть отдавание своей жизни возлюбленному. Бог воистину возлюбил нас «до конца» (Ин. 13:1): отдал нам все. Если мы любим Отца нашего, то поступим подобно Единородному: будем жить Отцом (ср.: Ин. 6:57), от которого мы получили всё. Сам Логос Отца воспринимает образ нашего бытия, соделывается подобным нам человеком (см.: Флп. 2:7); такова безграничность Его любви к нам. И мы, через всецелую любовь к Нему, можем и должны стать подобными Ему богами. Таково свойство Божественной любви: Он отдает нам Свою жизнь, мы Ему – нашу. Эта любовь, однако, в данном нам земном плане сопряжена с подвигом, страданием; но по исходе отсюда мы получим от Бога и Отца нашего Его святую вечность в нашу «собственность»: «ВСЁ МОЕ – ТВОЕ» (Лк. 15:31). «Твое», или «собственность», не то, что бывает здесь, как нечто, отнятое от других, но это есть наша преображенная природа, которая уже никогда не будет отнята от нас; это – мы САМИ. И если «всё – мое», то единственно, что предстоит нам, так это радоваться о спасении и прославлении всякого человека и печалиться о тех, кто лишаются сего блага.

Космологическая проблема естественно встает пред человеческим умом, стремящимся познать свое «место», в котором ему дано существовать. Все попытки в прошлом и настоящем исходили из инициальной идеи авторов, творцов космологических доктрин. Из двух отправных пунктов меня более интересовал богословский, а не научный. «Земнородные» научные гипотезы не выходят за пределы падшего состояния мира сего. И все же они влияли и отражались в той или иной мере на богословских. Позднейшая из них – софиологическая космология – явилась параллелью моих юношеских исканий, потому что в них – моих исканиях – наличествовала идея не столько научная, сколько духовная, философская, мистическая. В последней глубине моей нуждой было и остается – постигнуть, как Сам Творец нашего мира видит его в трех периодах: первый – когда Он «увидел все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»; второй – когда Он сказал Адаму: «Проклята земля за тебя»; и третий – о котором апостол Петр написал: «Мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (Быт. 1:31; 3:17. 2 Пет. 3:13).

Что представит собою преображенный мир – «новое небо и новая земля» – нам открыто лишь отчасти. «И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса. Когда же сходили они с горы (Фавор), Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых?» (Мк. 9:8–10).

В состоянии видения не созданного Света, когда человек сам не знает, в теле он или вне тела, и когда он видит себя самого не как материальное тело, а как свет, может ли он дать нам законченную христианскую космологию? Мое мнение: это еще невозможно. Все, даже самые, казалось бы, удачные, отвечают в какой-то мере интеллектуальной потребности современного человека, с учетом последних научных открытий, но ни одна из этих теорий не представляет нам грядущего Царства, как оно есть в творческом Уме Бога.

«Проклята земля из-за тебя» (Быт. 3:17). Человек – завершение творения, и все исторические и даже космические процессы находятся в тесной зависимости от духовного состояния Человека-человечества. С его, человека, движением к Богу Истинному или удалением от Бога – связано движение космоса к своей энтелихи. Спасение миру придет через восстановление омраченного в нас «образа Божия» и введения нас в Бытие, «по подобию» Отцу Небесному (ср.: Рим. 8:14–21).

Воля Божия в своей вечной основе, в Вечном Акте Божественного бытия – неизменна и непреложна. Но в плане нашей человеческой жизни, в процессе ее осуществления нами, она может меняться многожды и многообразно. Причина сему – наше несовершенство, наше бессилие исполнить в данный момент всеосущественную неизменную вечно-единую волю Отца. На Земле мы не достигаем ее в полноте. Достигнув, мы стали бы сами вечными богами, носящими в себе ту же самую жизнь, которою живет безначальный Господь. Иными словами, мы стали бы совершенными, как совершен наш небесный Отец. Такое совершенство

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org исключает возможность нашего пребывания в этом биологическом теле, в этом узком, тесном материальном мире, от которого зависит жизнь нашего тела.

Жить по-христиански нельзя, по-христиански можно только умирать.

Спасение, понимаемое как ОБОЖЕНИЕ человека, непременно связывается с необходимостью свободы человека. В силу сего характера спасения не мыслится нами ПРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ как непреодолимый никаким путем РОК. ПОКАЯНИЕ во Христе дано всем человекам; силою истинного покаяния преодолевается всякое зло в нас. Последнее ЗЛО – смерть (см.: 1 Кор. 15:26).

Свобода и предопределение – несовместимы. Но БОЖЕСТВЕННОЕ ПРЕДВЕДЕНИЕ возможно без лишения нас свободы самоопределения, хотя мы и не постигаем, как сие происходит в Творце всяческих – Боге. Однако и нам дается иногда некий опыт ПРЕДВИДЕНИЯ той или иной реакции того или иного, незнакомого нам, человека на что-либо.

Свобода человеческой ЛИЧНОСТИ-ИПОСТАСИ в начале нашей жизни пребывает в состоянии потенции, которая в процессе нашего подвига переходит в АКТУАЛЬНУЮ свободу человека.

«В начале» Бог все сотворил Своим повелением: «да будет» (Быт. 1:3 и далее). С человеком же после сего Он действует, не навязывая силою любить Его, но открываясь ему, человеку, КАК ОН ЕСТЬ в Самом Себе. Сие самооткровение Божие нам заключено в данных нам Христом заповедях. Свободное пребывание наше в духе этих заветов Божиих уподобляет нас Ему, обожает нас, сообщая нам Божественный образ бытия.

ВЕЧНОСТЬ есть Царство Святой Троицы, исполненное нетварного Света. На Земле Царство сие переживается нами в двух аспектах: как молитва чистым умом, сопровождающаяся видением нетварного Света, и, второе, как святая нравственность – всеобъемлющая любовь. Молитва чистым умом и переживание хриstopодобной любви в плане психологическом принимают форму субъективного состояния, но в своем существе они суть действие Бога в нас и принадлежат онтологическому плану, как Ум и Любовь Божества: Любовь в Премудрости и Премудрость в Любви. Единство сих двух есть Красота надмирная, которую явил нам в Своем воплощении Логос Отца. Узреть сию Красоту есть дар Отца Небесного (ср.: Ин. 6:44–46) и прикосновение к нам Духа Святого, от Отца исходящего.

ВЕЧНОСТЬ есть Сам Бог в Своем Бытии. Она убегает от всякого логического определения: непротяженная в своем существе, она объемлет протяженности всех веков. Опыт сей вечности дается нам, когда мы чистым умом пребываем всецело в Боге. Мы вечны постольку, поскольку пребываем в Боге и Бог пребывает в нас. Уверовавшим во Христа дано обетование, что «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28). Когда сие совершится, тогда только мы явимся обладателями вечности в полноте. В пределах же Земли, как живущие еще во плоти, мы являемся участниками вечности лишь отчасти: постольку, поскольку мы пребываем в Боге и Бог пребывает в нас.

Чувство вечности то усиливается, то ослабляется в нас в зависимости от меры благодати, изливающейся на нас.

Иногда оно, Чувство, достигает такой силы, что временный мир забывается, уходит куда-то позади нас; иногда же оно бывает менее сильным, но все же ясно ощущается в душе. Более обычным состоянием людей является, когда земная реальность превалирует и вечность становится неощутимой. Но наблюдается и такое состояние человека, когда он не только не осознает своего бессмертия, но и верит в него с трудом и даже не допускает его, бессмертия, возможности для нас.

Я много раз повторяю слова: чувство и ощущение. Понимать их надо как духовное состояние, а не как эмоциональное. Всецелая обращенность к земле, к плотским переживаниям убивает в нас и чувство вечности, и даже веру в Бога. Началом же рождения свыше – от Духа – является вера в Божество Христа; и жизнь по заповедям Его, Христа, доводит до великой силы ощущение бессмертия, до очевидности.

Возможно и на путях философского, отвлеченного; мышления прийти к утверждению нашей вечности. Но здесь я имею в виду нечто качественно иное: неподдающееся выражению в слове состояние духа нашего, недоказуемое знание,

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org реальное переживание вечности и Бога. Человек, введенный по дару Божию в сферу Божией вечности, по возвращении своем в обычное людям мироощущение начинает видеть все окружающее его иным образом. Пребывая в Боге, верующий осознает себя свободным существом и бессмертным. Вне свободы – не живет бессмертие. Через смертность человек становится рабом, от всего зависящим, во всем ограниченным.

Состояние зависимости человека от вещественного мира противостоит его духовно-нравственным свойствам. Усилиями творческого разума люди достигают частичного освобождения от космических сил, что мы рассматриваем как материалистическую культуру. Но как бы велики ни были завоевания в этой области, все же последняя форма нашего рабства – смертность – остается непреодоленной. В этом мире на всем лежит печать тления. Никакой научный и культурный прогресс не снимает с нас цепей рабства смерти и поэтому не может удовлетворить исканиям нашего духа, по образу Божию созданного.

Наша последняя цель – бессмертие в лоне Божества – реализуется не иначе как путем хранения заповедей Евангелия,

Как часто мне приходила мысль, что человечество в массах еще находится в состоянии *semianimal* (полуживотном), «преадамовом». И те, которые идут навстречу Богу, желающему вдохнуть в них Свою нетленную любовь, становятся включенными в великий процесс обожения созданного по образу, в силу воспринятого дыхания Божия. Они способны познавать Вечного. Древний, полуживотный тип умирает, рождается новый в бессмертие. Это новое рождение непременно связывается с опытом смерти старого.

Глубокая идея Бога о нас. Мы поставлены пред чудной тайной творения бессмертных богов. Христово Евангелие ждет от нас великого мужества: поверить в возможность для Бога сообщить нам Свою жизнь. По завершении Божественного о нас плана, нетварная и безначальная жизнь нашего Создателя станет нашей, «нашим богатством» (ср.: Лк. 16:10–12). Конечно, всем без исключения необходимо много молиться, чтобы через горячую в течение десятилетий молитву исцелить нашу натуру, чтобы мы стали способными «усвоить» сие обетование, прежде чем покинем сей мир. [живя в этом мире], будучи одним из его «атомов», мы неизбежно видим проходящий через нас поток великой космической жизни, поэтому не только возможно, но и почти неизбежно, что нас так или иначе коснется всякая грязь греха. Необходим для нас такой момент, когда мы можем выбросить за борт нашего корабля все, что грозит ему потоплением, как это бывало в древние времена во время бури, чтобы облегчить корабль.

Убедился из моего малого опыта, что любовь, простая, братская, проявленная к человеку, непременно принесет плод жизни; и если не сейчас, в данный момент, то в день всеобщего великого воскресения она раскроет себя в своем богатстве. Молитва от искреннего сострадания, принесенная Богу Истинному, – в духе и истине любви Христа – пребывает вечно хранимая Богом. Психологически мы можем забыть о ней, но онтологически она пребывает в сфере Божественной и встанет рядом с нами в великий день Последнего Суда – встанет безмерно более прекрасною, преображенною, как сила нетленной жизни.

Ад Христа не был адом неприязни, но любви. По слову Старца Силуана: «Чем больше любовь, тем больше страданий душе». {Архимандрит Софроний. Преподобный Силуан Афонский. С. 153.} Жизненный опыт каждого из нас подтверждает слова Старца: любовь неизбежно страдает в этом мире и непременно связана со страданиями. Возможно даже сказать, что когда мы действительно любим, то любим больше, чем самого себя. Происходит некий странный обмен: любовь отдает себя, свою силу и жизнь тем, кого любит, в ответ же воспринимает на себя или в себя страдания возлюбленных. Есть, однако, в бытии мира сей дивный закон: умирая в пределах Земли, любовь воскресает в вечности в безмерно умноженной силе. И ей, любви, принадлежит вечность, она несет в себе силу воскресения, она объемлет собою, включает в себя и познание, и радость, и свет; вне ее – ни в чем нет никакого смысла. Так говорил и великий Павел, и другие отцы наши: без любви все добродетели обращаются в ничто (см.: 1 Кор. 13:1–13).

Умалять в нашем сознании мысль Творца о человеке не есть дело смирения, но ошибка и даже великий грех. Всем нам необходимо иметь мужество подойти к содержанию данного нам Божественного Откровения «открытым лицом и, взирая на славу Господню, преображаться в ТОТ же образ от славы в славу, как от Господня духа» (2 Кор. 3:18).

Духовная жизнь

Я волею уходил в глубины мрака. Побуждающим мотивом к усилиям совлечься данной нам формы «бывания», исполненного неизбывных страданий, было искание непоколебимого бытия. В моей художественной работе в моменты, когда мне казалось, что я уловил чудо красоты, я желал повелеть сему «моменту»: «Остановись!» Но ничто не пребывало устойчивым, на всем лежала печать нетления. И рана ложилась на душу.

Что же, собственно, тяготило меня? Был элемент отталкивания от бессмысленности всего, что осуждено на погибель; умирание внушало мне страх и отвращение: смерть не есть решение проблемы – в ней я ощущал отрицание всего существующего. «Земля и все дела на ней» (2 Пет. 3:10) воспринимались духом в их обреченности; нигде не виделось спасение; все утопало в бездонности вечного мрака.

Жажда Бытия непреложного томила меня. В тайниках сердца была вера в некое иное Бытие, не имеющее в себе порока непрестанного возникновения и затем непременного разложения. К Нему я устремился негативным путем: освободиться от земного образа жизни через погружение умом в идею «чистого бытия». Поняв ошибочно Евангелие, я совершил в то время безумный выбор, сущность которого – возвратиться в то небытие, из которого воля Святого Отца вызвала всех нас. Нескоро уразумел я мое заблуждение. Мой дух был в непрестанном напряжении. Перемены во внутреннем состоянии отзывались на моем мышлении: каждый новый опыт тем или иным образом колебал прежнее решение, показывая тем, что наш ум, как он есть в нашем данном состоянии, не способен своею силою утвердиться в искомой Истине через подлинное постижение ее.

Так я дошел до того предела, за который мысль не могла переступить, и все мое существо стало одним ожиданием пришествия духа Истины.

АЗ ЕСМЬ СЫН. Невозможно уловить процесс нашего внутреннего роста. Не потому ли, что дух наш жаждет Бытия непоколебимого (см.: Евр. 12:27, 28), следовательно, беспроцессуального. Жизнь глубокой молитвы слагается из свойственных нам тварных процессов нашего внутреннего человека и прикосновений к нам Бытия безначального. Когда открывается нам воистину Сущий Бог через приближение к нам Своим Бытием, то переживаемое нами изменение настолько велико своим содержанием, что не нашей «тесноте» вместить Его. Однако сердце живет Его в неопишуемой гармонии любви, ум же молчит, пораженный сверхмысленным видением.

По прошествии многих лет, в течение которых на сердце и в ум приходили слова от Бога, я заметил, что в самых кратких словах Своей с нами беседы Господь раскрывает бесконечность через тот «момент», на котором сосредоточен наш молящийся дух. В немногих словах вмещается и высота видения, и глубина познания. Дух наш вводится неведомою силой и непостижимым образом в самую реальность вечного Бога. Не от человека зависят подобные события, а от Бога, благоволящего снисзойти к страдающему творению Своему. Мы не можем предвидеть, когда Он склонится к нам и каким образом: мы только тоскуем по Нему, мы плачем в нашем раскаянии о нашем извращении, мы ждем, что Он исцелит нас, мы скучаем в разлуке с Ним.

Сам человек, помилованный неожиданно Богом, вовсе не склонен рассказывать другим о даре свыше. Наоборот: душа целомудренно хранит обретенное сокровище в сердце своем (ср.: Лк. 2:19). Так было со мною в более чем полувековом подвиге моем. Теперь же, решившись на сей акт, я все же не нахожу ни слов, ни путей к передаче другим того, что сам пережил, по временам с побеждающею силой. «Из встреч взываний, идущих от меня „снизу“, с Твоими движениями, ко мне снисходящими, я вдруг обнаружил в себе Тебя в имени: АЗ ЕСМЬ» (ср.: Ин. 8:23). С этого времени началось мое обращение: я увидел Бытие в перспективе, обратной той, в которой воспринимал его до сего благословенного чуда. И опять не знаю: «откуда» начинать повесть о Безначальном?

Он Своею рукою достиг меня в моем гибельном полете в бездне мрака и возвел в то «место», из которого я увидел Свет Его Царства. Когда окончилось сие вневременное видение, я оказался в среднем состоянии: я видел еще Свет, но как бы вдаль, и вместе ясно помнил и ощущал еще в себе небытийный мрак. И дух мой был в ужасе от «прошлого» моего, и душа потянулась к святому Свету, предавшись покаянному плачу.

Начался благословенный период воссозидания моего явным вмешательством Бога. «Благословенный», но жуткий: вся моя жизнь подверглась решительной ломке. Изменялся ход моего мышления; восприятие всех вещей становилось иным. Общение с людьми моего прежнего круга теряло интерес. Самое искусство, бывшее ранее как бы наиболее существенным элементом моей жизни: путем к познанию мира через созерцание его видимого аспекта, через удивление пред тайной красоты – предстало мне в своей ограниченности и недостаточности для достижения искомого мною Абсолютного Бытия. Все старое рушилось: многое, что казалось мне великим, повернулось ко мне своей, иногда наивной, но чаще отвратительной стороной (ср.: Лк. 16:15). На смену всему пришла неудержимая молитва, уносившая меня в иные сферы Бытия. Она не без борьбы разрывала мои прежние связи, и особенно с искусством, и длилась месяцами, прежде чем мне была дана возможность уйти из мира на Святую Гору. Там, в этом благословенном месте, молитва овладела мною в еще большей мере.

Чрезвычайность задания, поставленного пред нами Христом, не должна нас отклонять от его выполнения, но наоборот – вдохновлять. Творец нашего естества знает лучше нас, каковы конечные возможности нашей природы. И если Откровение говорит о нашем избрании во Христе «прежде сложения мира» (Еф. 1:4), что ярко осознали Иоанн, Павел, Петр и другие апостолы и отцы, то почему бы нам малодушествовать пред таким, единственно достойным внимания, призывом, пред которым все иные цели и смыслы бледнеют? «Много званых, а мало избранных» (Мф. 20:16; 22:14). звание обращено ко всем от Бога; избрание же зависит от нашего ответа.

Конечно, мы не сильнее апостолов, которые «ужасались и были в страхе» следовать за Христом, восходящим во Иерусалим на предстоящий над Ним суд, на предание Его позорной смерти (Мк. 10:32–33). Опять же Господь сказал: «Не мир пришел я принести, но меч» (Мф. 10:34) и «разделение» (Лк. 12:51). На своем опыте мы убеждаемся, что Господь бросил нас на великое сражение веры с неверием, и наша брань ведется в условиях исключительно неравных: руки и ноги наши связаны, и мы не смеем никого поражать ни огнем, ни железом. Оружие наше – «меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:17) и любовь. Это – воистину святая война, избранная и нами. Битва наша – с общим для всех людей врагом: смертью. Борясь за наше личное воскресение, мы вместе боремся и за всеобщее восстание всех от века живших на Земле людей.

Господь оправдал и освятил восходящую линию Своих по плоти предков. Так, каждый из нас, если последует заповедям Христа, слезами покаяния может восстановить омраченный в нас образ Божий и тем оправдать себя в своем личном бытии и содействовать оправданию предшествовавших нам поколений. Все мы носим в себе греховное наследие наших отцов, дедов и прадедов, и наше исцеление положительно отражается и на них; в силу единства естества нашего существует как бы общая порука: не спасается человек один (ср.: Рим. 5:12. 1 Кор. 15:21–22).

С этой идеей я встретился на Святой Горе среди монахов. Монах посвящает всю свою жизнь, всего себя Богу. Если мы жаждем, чтобы Бог был с нами всецело, то и мы должны предаваться Ему всем своим существом, а не отчасти. Монах, отказываясь от брака, от продолжения в веках рода людского в плане физическом, делает это, с тем чтобы возможно было ему свободно, вне житейских забот о семье, идти на всякий риск и подвиг ради сохранения заповедей Божиих. Если монах не достигает стоящей пред ним цели: жить в духе евангельских повелений о любви, то тем самым он показывает, что не вполне оправдал свое звание. Не содействуя относительному увековечению человеческого рода через деторождение, прервав на себе эту линию, не содействует он в должной мере и бессмертию через воскресение. Выпадая из плана исторического, отказываясь от активного действия социального, чтобы не сказать политического, он не переносит человеческое бытие в метаисторию, не помогает людям достигнуть область бессмертного Духа... Впрочем, если монах и не осуществляет в полноте христианского совершенства, а лишь отчасти, то и тогда его молитвы все же благотворны для мира всего мира.

Когда кому-либо было дано, по дару свыше, приблизиться к той мере совершенства, о которой говорит Павел: «В меру полного возраста Христа» (Еф. 4:13), то подобное событие отражается положительно не только на судьбах всего человечества, но идет далеко за пределы земной истории, изменяет ход космической жизни, ибо мир создан ради таких существ. Когда же люди ради «чечевичной похлебки» (ср.: Быт. 25:33–34) отказываются от пути, указанного Христом: от обожения силою Духа Святого и усыновления

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
безначальному Отцу, – тогда исчезает и самый смысл явления человека в мир.

«Человек явился в мир» (Ин. 16:21). Зачем?

Никто никогда не знал бы Бога, ни человека так, до конца, как дано нам знать через Христа: Он открыл нам и Отца Небесного, и человека, как сей задуман прежде создания мира. Господь Иисус есть абсолютная бытийная Истина. Познать сию Истину возможно не иначе как следуя Им же Самим установленному методу: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете Истину, и Истина сделает вас свободными»... «Истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек»... «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 8:31–32; 8:51; 14:23).

«Мы знаем, что чем больше любовь, тем больше страданий душе» – по слову Старца Силуана. Тот, кому было дано испытать Христову любовь, знает, что она влечет сердце желать всем без исключения только добра; она – животворный огонь и Свет несозданный – из недр своего носителя излучает потоки благодетельной для всего человечества энергии. Проникая в нас, она уподобляет Христу и как бы естественным порядком включает нас в страдания Его любви, не терпящей видеть человека лишенным высшего блага.

Печально узнать, что большинство людей живет, не проявляя должного стремления стать причастниками несозданного Света. Больше того: когда они слышат о нем, то не верят и даже полагают невозможным существование его; и тех, кто получил этот дар, склонны считать душевнобольными. Но кому опытно было дано жить любовью Христа, тот знает, как она вводит дух человека в небесные сферы, где нет смерти, где в неопишемом Свете созерцает он Бога.

Логически нельзя доказать возможность для нас вечной жизни. Но когда Божественная сила нисходит на человека, тогда становится он подлинно причастником Божией вечности, и излишними бывают все рассудочные доказательства.

Вечная жизнь есть бытие иного порядка. Собственно говоря, это есть Сам Бог; Его Бытие, безначальное, прикасается к нам, наполняет нас, и мы, можно сказать, вечны постольку, поскольку мы в Боге.

Итак, теперь нам совершенно ясно: все те, что под каким бы то ни было предлогом отвергают Христа, сами не знают, что и кого они отвергают.

Иисус Христос есть премудрость Божия, предвечная, сокровенная, «которой никто из властей и служителей века сего не познал» (ср.: 1 Кор. 1:24; 2:7–8). До Него весь мир, все народы ходили во тьме неведения пути, ведущего в Царство Бога и Отца нашего. Ныне нам открыты тайны сии; дано вернейшее познание о последнем смысле прихода нашего в жизнь сию. Господь и возвестил нам словом о предвечной любви к нам Отца, и Собою явил нам, какой Он – Отец. Но мы, в безумии нашем, распяли Его; и когда висел Он на Кресте, насмехались над Ним; и до сих пор не перестаем издеваться.

Подвиг христианского духа

О порядке жизни во Христе возможно говорить в такой последовательности: верующий постоянно ставит себя на суд заповедей Христа, по учению Его: «Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня. Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и потому не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12:44–50).

Лично я никогда не увидел себя сохранившим заповеди, и суд слова евангельского сокрушал мои кости. И когда я изнемогал, то криком кричал: «Я не в силах исполнить Твою заповедь... Ты Сам приди и вселись в меня и твори заповеданное Тобою... Я знаю сердцем, что заповедь Твоя есть жизнь вечная, и вот я лишен сего блага... Спаси меня, как Ты знаешь...» И, бывало, происходило чудо: вдруг мой строгий судья – слова Христа – становились Светом несозданным, беспредельной мудростью, силою, свыше сходящей и просвещающей. Но сие длится некоторое время, и снова я вижу себя далеким от

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org возлюбленного Бога, и плачет душа моя горько. Подлинно христианской духовной жизни не свойственна ни агрессия прозелитизма, ни пропаганда в специфическом смысле этого слова. Подлинная христианская жизнь по характеру своему невыявляемая, целомудренно-стыдливая, скрывающаяся, самоуглубляющаяся. Но это внутреннее самоскрывание, это искание тайной клетки, где можно было бы «помолиться Отцу втайне» (Мф. 6:6), у большинства начинающих духовную жизнь так или иначе проявляется внешне во всем их поведении. Поведение это при неложном благочестии всегда будет благообразным и потому у многих вызывает удивление, которое они выражают подвижнику благочестия. Последний, слыша похвалы за свое благочестие, прежде чем преодолел в себе страсти, подвергается большому искушению и тогда начинает вести себя «благочестно» уже по тщеславию. Со временем, когда благодать оставит его за тщеславие, он будет стараться вести себя внешне все же так, как бы был действительно благочестив, и тогда в нем появляется особое духовное лукавство, известное под именем ханжества, которое своим уродством так отвратительно людям и так отталкивает от веры.

Опыт показывает, что молитве подлинной противится весь комплекс космических энергий. Мы живем, окруженные безмолвным миром. Лишь с великим усилием пробиваемся через эту незримую, но густую и затягивающую нас атмосферу. Преодолеть навязчивое влияние этой безбожной, духовно инертной массы своею силою мы не сможем. Помощь приходит свыше, и молитва явно становится вышеестественным актом. Мучительно тягостна борьба за молитву; нет ничего труднее сего делания; но если мы не сдаемся, то приходит момент, когда луч Божественного Света тихо, но властно прорежет обволакивающую нас тьму, и душа научится жить по христиански.

В основе нашей веры лежит фаворское видение во Свете: «...мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велепной славы принесся к Нему такой глас: „Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение“. И сей глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с ним на святой горе» (2 Пет. 1:16–18). И сие событие затем в веках повторялось и повторяется в различных условиях и обстоятельствах, но неизменно как бытийное причастие Божественной жизни.

Святой молитве должна сопутствовать святая жизнь. Если мы отступаем от духа любви Божией, то лишаемся единящей нас с Богом молитвы. Когда же с любовью терпим все извне падающие на нас испытания и вовсе не хотим обвинять никого и ничто, кроме как нас самих, тогда молитва углубляется, и в сердце появляется новая сила надежды. Бог есть любовь, и путь к Нему через любовь, которая спасает и нас, и содействует тем, что живут с нами, войти в область Света нетленного. Сей Свет учит нас всякого человека встречать как неповторимую и непреходящую ценность, за которую умер Христос на Кресте. Такое расположение к людям вносит в сердце мир даже тогда, когда кругом нас царит смятение. И все же от большой любви сердце всегда болит, помня, «что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:22).

В состоянии нашего падения, которое стало для нас «естественным», мы можем вынести только некую небольшую долю страданий. И когда эта доза страданий достигает высокой меры, то мы становимся на край смерти. И многие умирали от страданий или кончали самоубийством.

Но есть в человеке духовная сила, приходящая свыше, когда он становится способным выносить несравненно большие страдания. Это особенно важно для священника, совершающего Литургию. Если священник стремится войти в Литургию возможно полнее, то это значит, что он стремится к молитве за весь мир, уподобляясь Христу, молящемуся в Гефсиманском саду, перед Крестом.

Сострадание естественно даже животным. Сострадание «убивает» того, кто исполнен состраданием. И в этом смысле можно сказать, что, чтобы остаться живыми, мы должны жить с «закрытыми глазами», то есть не видеть страданий миллионов людей. Иначе мы умрем. Но духовному человеку необходимо идти навстречу с этим океаном страданий всего человечества, чтобы как-то уподобиться Христу, который дал нам «образ», «пример» (Ин. 13:15), как мы должны жить и чувствовать. Как Христос молился за весь мир, так и мы все должны молиться за весь мир; особенно это важно для священника, иначе он при совершении Литургии пребудет «полупустым», чтобы ни сказать – пустым, далеким от Христа, то есть подлинной жизни Самого Христа...

Всегда возможно после острой боли в сердце при молитве нападение хульных

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org помыслов, а также и наплыв дерзости – спорить с Ним, судиться. А что делает весь мир, как не судится с Ним непрестанно? Мы, люди, судим Бога. Однако, не сомневаюсь, что Он победит в суде. Как много раз я слышал, что кто-то отпадает от веры, потому что судьба его тяжела, потому что убит дорогой человек, или ребенок умер, хотя он и молился об исцелении; и подобное сему. Даже люди, говорящие, что они не веруют, поносят Бога, как только постигнет их беда. И чем глубже уходит в атмосферу греха человек, тем злее и безудержнее его богохульства, ненависть ко Христу, безобразные издевательства над Его святостью. О глубине конфликта мира со Христом можно судить еще и потому, что никого другого: ни Моисея, ни Магомета, ни Будду – никого так не поносят, так не ненавидят, как Христа. Не есть ли сие свидетельство, что только Он и есть ИСТИННЫЙ?

Не должно удивляться тем браням, которые восстают на нас, ни тем огненным испытаниям (ср.: 1 Пет. 4:12–13), которым мы подвергаемся. Жить наши скорби и наши падения нужно и как откровение о страданиях людей по всему лицу Земли, и как соучастие в страданиях Самого Христа, Искупителя нашего. Это есть дар свыше, обогащающий нас спасительным познанием, и залог грядущей славы в силу уподобления Единородному Сыну Отчому. Через возможно полное погружение наше в сей Божественный акт (Литургии) мы, все соучаствующие, являемся «царственным священством, народом святым и избранным» (см.: 1 Пет. 2:9). Таким образом, мы станем живыми членами АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ, согласно исповеданию нашему. Одна историческая непрерывность далеко недостаточна: и нам самим необходимо иметь идентичный опыт, какой усматриваем через предание апостолов и отцов Церкви нашей.

Зло существует только там, где мы встречаемся с принципом персоны. Зло всегда и существенно – *personnel* (персонально). Поскольку зло не сотворено Богом, но есть продукт негативной воли созданных персон, постольку возможно говорить о зле, что оно не имеет своей «сущности» (*consistance*); оно, по определению некоторых святых отцов, есть «лишение бытия» (*privation de l'Être*).

Однако реальность зла есть в полном смысле реальность «экзистенциального» порядка.

Мы знаем, что нет абсолютного зла и что есть единственный «Свет истинный, который просвещает всякого человека, грядущего в мир» (Ин. 1:9), а, следовательно, во всяком человеке есть в той или иной мере отсвет истины. Необходимо всем нам иметь острое зрение, чтобы увидеть присутствие Света Божиего в каждом человеке, чтобы беречь в нем сей Свет и молиться, чтобы он поглотил совершенно тьму, живущую во всяком существе, совершающем грех, так, чтобы все и всё стало светом во Свете безначальном. Присутствие света в каждом делает до известной степени возможным единство со всеми, кто не прибегает к насилиям – единство, конечно, в Единой истине, полноте ее, если возможно. Реально в жизни нашей преобладает борьба не в том смысле, что мы «против» них (да не будет!), но в том, чтобы сохранить не поврежденною и не умаленною человеческими учениями ту истину, которой мы научены от святых апостолов и отцов. Мы вынуждаемся в силу этого отклонять всякое извращение истины, откуда бы оно ни исходило.

Смысл молитвы в том, чтобы дух человека стал един с Духом Бога. На Востоке христианском огромное внимание было отдано культуре молитвы. В силу падения Первочеловека естество человека стало разбитым. И это относится не только ко всему телу человечества, но и к каждому из сынов Адама. Аскет в своем подвиге стремится к тому, чтобы восстановить в себе полноту в единстве духа, души и тела (см.: 1 Сол. 5:23). Конечно, вечность принадлежит, прежде всего, духу, но не отвергается душа (душевность) и тело, которые могут быть также освящены благодатью Святого духа (см.: 1 Кор. 6:19–20). В христианской антропологии сердце по преимуществу органом богопознания. В силу этого аскет стремится в своей молитве соединить ум с сердцем. В своем обычном состоянии, свойственном падшему человеку, ум направлен, главным образом, вовне; он занят приобретением внешних познаний и отрывается от сердца. Современная культура и цивилизация строятся на этом принципе отрыва ума от сердца. Забыта культура сердца. Итак, цель аскетического подвига в том, чтобы восстановить целостность человека, преодолеть дезинтеграцию человека, последствие падения, что достигается, прежде всего, соединением ума с сердцем. Люди обычно не знают того, что ум их живет одною жизнью, а сердце другою. Только когда человек плачет, его ум и сердце живут единым предметом, и это независимо от причины плача. Такое «психическое» состояние является признаком для аскета, что ум его сошел в

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org сердце. Но слезы аскета связаны с сознанием своей удаленности от Бога и никак не с какими бы то ни было земными потерями. Плач о вещах мира сего не разрешается аскету. Его исканием является плач «духовный», то есть о вещах непреходящих, о Боге и жизни в Нем. Появление плача в молитве таким образом является как бы началом истинной молитвы. В своих дальнейших формах, когда ум аскета совершенно соединится с сердцем, и это становится его постоянным состоянием, слезы перестают быть необходимыми, и молитва достигает своей более совершенной формы – ЧИСТОЙ молитвы, когда Бог созерцается бесстрастным образом, выше всяких страстей и вне образов мира сего. Подобное созерцание приходит не ранее, чем аскет пройдет все стадии трудного подвига к достижению своей «интеграции».

Слезы, связанные с эмоциональным переживанием, например – с музыкой, в подлинно аскетической культуре считаются непозволительными. И если когда-либо случится нечто подобное, то аскет немедленно использует это психическое состояние для того, чтобы перевести его на духовную молитву.

Итак, действительно великая гуманистическая культура западного мира не достигает духовного плана подлинного христианства. «Общества» заняты дисциплиной человека, воспитывая в людях постоянную сдержанность, требуя от них всегда «ясного» логического действия, – все это впоследствии привело к атрофии культуры сердца. Слишком часто ум поставлен пред требованием – не сойти в сердце, действовать согласно «холодным» расчетам логики.

Господь заповедал нам скрывать нашу молитву, закрывшись в своем доме (см.: Мф. 6:6). Апостол Павел говорит, что «духи пророческие слушаются пророков» (1 Кор. 14:32). Иными словами, если и придет пророческое вдохновение в некий момент, когда предложить его другим людям неудобно, то пророк сдерживает свой порыв. Подобно сему и с плачем: если аскету приходит духовный плач в момент, когда присутствуют другие, посторонние, люди, тогда он останавливает сей плач, перенеся его на другой момент, когда никто не будет видеть его.

Любовь Христова внедряет в душу чувства ответственности не только за свои индивидуальную поступки, но и за все, совершающееся в человечестве. Сострадательная молитва за мир в существе своем есть покаяние за грехи мира. В сумму грехов всего Адама и мы внесли – много ли, мало ли – своих преступлений и тем отяготили судьбы вселенной. Молитва соединяет в самом бытии с теми, о ком она приносится. Отсюда, естественно, рождается чувство общности во всем. Мы введены в эту жизнь в каком-то месте всеобщей истории как наследники Адамова падения, но меру нашей персональной вины никто, кроме Бога, не знает. И никто сам один не спасается.

Старец Силуан, в связи с таким восприятием всеобщей участи, глубоко почитал епископское служение, налагающее на них страшную ответственность за спасение вверенных их попечению людей. Воистину велика их роль в обширном океане жизни Церкви, да и Земли вообще; велика и предстоящая им слава в небесах. Но есть иной образ «святого, царственного священства» (см.: 1 Пет. 2:5 и 9) – молитва за мир с плачем, переходящая в созерцание Божественного милосердия до забвения о твари. Такая – чистая – молитва наиболее содействует спасению и самого молящегося, и множества верующих людей, воспринимающих исходящую от нее силу новой жизни. Получившие сей дар не могут отдавать свой ум на иные виды церковного служения.

Помню, однажды я выразил Старцу мою печаль о том, что, истомленный болезнью (лихорадка, малярия), я не нахожу сил для более усердного изучения богословия и учения святых отцов Церкви. На это Старец ответил: «Вы считаете это великим делом?.. По-моему, велико только одно: смирить себя, ибо гордость мешает нам любить». На этом остановилась наша беседа.

Из частого общения с ним я мог знать, что имел он в душе своей и уме. Смирить себя в его устах значило – победить в себе корень греха: гордость. Смирить себя – значит уподобиться Христу, сказавшему: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и обретете покой душам вашим» (Мф. 11:29). Смирить себя – есть победа над смертью. Когда смирение Христово наполняет душу, тогда человек ясно ощущает себя в Боге и приобщается Божественной вечности. Приобщается «ощутимо», с неодолимой убедительностью.

Слова Христа: «Обретете покой душам вашим» Старец толковал своеобразно: «Когда с нами Христово смирение, тогда прекращается в нас действие страстей, и враги уже не могут приблизиться к нам, и душа имеет покой. А

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org когда в нас действуют страсти, когда плохие помыслы колеблют сердце и волнуют ум наш, тогда нет покоя в душе. И это явление есть верный знак, что мы еще не смирились».

Кто хотя бы раз за всю свою жизнь воспринял в духе своем благодать Божественного смирения, тому уже не потребуются доказательства от ума о Божестве Христа; тот не найдет слов к изъяснению сей тайны. Ничто тварное не может дать подобного состояния. Самые подходы к сему смирению неопишутся. Вне сего смирения не открывается сердце, чтобы в великом сострадании объять все живущее. Сила сия исходит от Бога, Духа Святого; бесценен дар сей, и все же страшен приступ к этим граням: дух предварительно созерцает страдальческий распад всего тварного, и душа томится глубокою болью за все. На этой грани «тленное начинает облекаться в нетление, и смертное – в бессмертие» (ср.: 1 Кор. 15:53).

Ни личный Бог, ни человек без любви не мыслятся. Персона живет любовью. Можно сказать, что любовь есть преимущественное проявление персоны, сущность которой лежит в глубинах бытия; она (сущность персоны) неопределима, подобно тому как неопределима Сущность Божества.

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... самой души своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). Когда жажда Бога сплетается с ненавистью к самому себе, тогда любовь к Богу становится всецело нашей жизнью. Личное ипостасное начало в нас при этом не только не растворяется, как кристалл соли, в великом океане Сверх-Личного Бытия даже до исчезновения, но, наоборот, достигает своего наибольшего развития. В своем конечном завершении наша личность должна актуализироваться до «чистого акта» итак пребыть вечно в Боге, и Бог – в ней. Это есть, согласно евангельскому Откровению, конец пути: тогда «приемлем мы царство непоколебимое» (Евр. 12:26–29). «И будет Бог всяческая во всех» (1 Кор. 15:28).

Состояние любви к Богу до ненависти к себе может быть дано человеку еще во плоти, но не как постоянное, а прерывчатое, различной длительности и напряжения; особенно в своих более совершенных степенях. Доколе мы облечены сей немощной плотью – это неустраимо, если жизнь наша должна еще продолжаться. Апостол Павел так говорит об этом: «Водворяясь в теле, мы устранены от Господа... и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5:6 и 8); и еще: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере» (Флп. 1:21–25).

Первое действие Божественного света обычно дает человеку видеть не Бога и не вечное Царство Его, а свое собственное состояние, свою отлученность от этой вечности и блаженства, или, иначе говоря, свой мрак и свой ад. Он, этот Свет, сначала приходит как бы сзади и освещает ту область бытия, которая предстает пред нами как наша реальность. И эта реальность обычно есть наша отрезанность от Бога и Света жизни, наш плен, наше рабство, наше тление, наше безумие, наша низость и прочее. Так было со Старцем, как мы видим из последовательности его жизни.

Непременным условием видения Божественного света является хранение заповедей Христа. Если мы оставим наши пристрастия, неприязнь, мелочные заботы; если возжелаем всем сердцем Бога и жизни с ним и в Нем, по слову апостола Павла: «Вышних ищите, где пребывает Христос одесную Бога сидящий; о вышнем мудрствуйте, а не о земном» (см.: Кол. 3:12), то непременно удостоимся быть зрителями горней славы.

Из пережитых мною опытов, быть может, не лишне отметить различие между образами созерцания ИЛИ видения «света». В начале моих, более глубоких, медитаций, сопровождавшихся отвлечением внимания ко всему, что свойственно миру преходящих вещей, временных явлений, я, бывало, ощущал мой ум как свет. Но это явление не привлекало моего внимания, так как стремление моего духа было познать Бытие, если возможно, в его истоках. Позднее, когда я возвратился к христианству, в состоянии покаянной молитвы мне бывало дано узреть ИНОЙ СВЕТ, иным порядком. Но, как это ни странно, я жил эти состояния без попыток определить их природу. Я не знал еще, ЧТО или КТО являлся мне. Молитва переходила в видение ощущение Света, время куда-то

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org убеждало, пространство материальное терялось, иногда же, я не чувствовал и тела моего. И опять я не знал, ЧТО происходит со мною. Теперь, при ретроспективном взгляде на прошлое, я склонился к убеждению, что это было ДАРОМ благодати. Как иначе могу объяснить тот факт, что у меня отсутствовала, казалось бы, естественная рассудочная реакция на все происходившее со мною с немалой силой? Много позднее я принес благодарность Богу, Спасителю моему, влекшему мой дух к Себе с такой исключительностью, что все, что было не Он, – не останавливало на себе мое внимание. В моем, до конца горестном, раскаянии, я не искал ничего другого, кроме прощения моего отпадения, стоявшего предо мной в своем невыразимом уродстве. Если бы не так, то многое пребыло бы недоступным мне, так как обращение ума к самому себе не только умаляет видение, но даже и прекращает его: «Да не познает шуйца твоя, что творит с тобою десница Божия» (ср.: Мф. 6:3). Бог прощал меня, но я долго, до сих пор, не могу вполне забыть моего безумия. Подо мною разверзалась мрачная бездна; предо мною стояла непроницаемая стена в то время, когда мне была дана «смертная память». Если моя жизнь – не более чем короткая вспышка света сознания, долженствующая угаснуть, то было бы лучшим не родиться в сей мир.

Неумеренные сторонники отрицательного (апофатического) богословия в большинстве случаев стоят в опасности принять свое интеллектуальное, чтобы не сказать философское, видение невыразимости и непостижимости Бога за конечное совершенство. Многие из них склонны даже утверждать, что видение нетварного Света стоит ниже созерцания во «мраке». Мрак в их понимании есть высшее состояние богословствующего ума. Непостижимость Сущности Божества ясна даже для философского умозрения, далеко отстоящего от причастия благодати. Видение же света фаворского дано в Новом Завете по вере во Иисуса Христа. Самое состояние видения есть пришествие Бога внутрь нас; проникновение нашей тварности нетварным Божеством. Сама Вечность Всевышнего объемлет при этом человека. Но даже и великие осияния сим Светом не делают человека причастником Сущности Божества, которая вечно пребывает и пребудет недоступною для познания тварными умами. Наше совершенное соединение с Богом осуществляется через преложение всего нашего существа в свет, силою Духа Святого. Бог есть Свет, и святые суть свет: «...праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца» (Мф. 13:43). И это есть высшее состояние обожения человека.

Но и явления света также весьма различны по своему достоинству и действию на душу. Одно вне всякого сомнения, что когда дух наш входит в область НЕСОЗДАННОГО света, тогда нам представляется, что все существо наше становится светом (любви и познания). Но и любовь – особенная, и познание – иного порядка, и говорить о них нелегко. Итак, пока мы, не удостоившись сего «дара» (всегда только дара, никак и никогда не заслуженного, не ожидаемого, в сознании нашего действительного недостойнства), пребудем в молитве искания любви Божией, прощения наших грехов, дарования ВИДЕТЬ грех наш.

Господь открывается нам, но не насилует нашей воли. Только Его пришествием, Его действием в нас преображается наша тленность в нетление. Но Он не может насильно войти в нас, без нашего согласия. Таким образом необходимо нам всем пройти тяжкий подвиг покаяния, посредством которого мы освобождаемся от всего того, что противится в нас Богу со времени падения Адама. При покаянной молитве всеми силами нам нужно отклонить движение к мертвящему самоанализу. Животворная сила – в покаянии пред живым Богом любви; любви, всецело устремленной к Возлюбленному, без обращения на самого себя.

Христос нарушил наш покой; духовно мы спали полу животным сном, но были довольны; а Он пришел, явил нам Божественное совершенство и хочет, чтобы мы стали подобными Ему. Его слова суть тот Огонь, который нас жжет на всякий день. Жить так, как Он заповедал нам, мы не можем. Одно время ужас от самого себя задавил меня: я осуждал людей; я гневался на некоторых; я вспоминал большое и малое зло, которое, как мне казалось, они причинили мне: и мне трудно было простить все. Я каялся, но знал, что прощение мне не придет, если я сам от сердца не прошу всем и каждому. И я изнемог и говорил в моей молитве:

Ты оставил меня; Ты судишься со мною, и я всегда не прав, потому что не храню заповедей Твоих. Но Ты же Сам сказал, что заповедь, которую Ты дал нам, исходит от Отца и что она, заповедь, есть жизнь вечная, которая у Отца. Если Ты или Отец не вселитесь в меня, чтобы сообщить мне сию вечную жизнь, то я погибну. Молю Тебя, не судись со мною, но приди и Сам Ты твори

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
все, что заповедал нам. Ты, беспредельный, безначальный, пощади меня,
осужденного на смерть с момента зачатия моего во чреве матери моей.

И когда приходит сия вечная жизнь, тогда мы в силах все простить.

Бог удивляет меня: я грубый и тупой урод, но Он не отвращается от меня, даже когда я приношу Ему мои безумные молитвы, похожие на ругательства. Как Он терпелив и кроток! Он беседует даже со мною! Почему так? Но вот, Он и с Павлом поступил так же; и ему Он ответил необычайным и чудным Своим явлением во Свете, великом Свете. А ведь Павел шел в своей борьбе дальше меня: до соучастия в убиении Стефана; «дышал угрозами и убийством на учеников Господа» (ср.: Деян. 9:1 и далее). Когда мы честно хотим познать Истину в готовности принять ее так, как она есть, тогда никакая дерзость наша не оскорбляет Его. Он побеждает смиренною любовью, и душа поклоняется Ему до земли, и ниже земли, в жажде уподобиться Ему во всем.

Не смущайтесь моими словами: я старик и все время умом стою во гробе. Пишу только потому, что встречаю людей, которые не знают путей спасения нашего Бога, хотя и получили крещение. Привожу некоторые случаи моего внутреннего просвещения через нередко безобразную молитву, но так рождалось мое понимание Евангелия и познание Самого Христа.

Если бы кто-нибудь пятьдесят лет тому назад, и даже менее сего, двадцать или десять, сказал бы мне, что я буду писать о себе, то я улыбнулся бы, «зная, что со мною этого не может быть». Но как это ни парадоксально, я перед исходом моим исповедую благоденствия, которые излил на меня Бог, чтобы в этой форме благодарить Его. Я предаю себя на суд Божий и суд людской. Немалое число людей «осторожно» вели себя со мною: отталкиваясь, осуждая меня и подобное. Но также и, быть может, еще большее число обращались ко мне с доверием и любовью. Для них пусть написанное мною будет моим завещанием, которое отдаю «даром», подобно тому как сам я получил даром от Бога через отцов моих в Духе.

Один священник во Франции говорил мне, что я слишком мало считаюсь с тем фактом, что люди обычно не терпят слышать о том, что нарушает их будничные покой, что требует от них напряжения всех сил всего нашего существа. Бегут они и от необходимого вначале страха и даже ужаса, которые могут жечь, как огонь. Они еще не верят в то, что пожигающий огонь станет в дальнейшем вечным Светом божественного величия Царства Божия. Они бегут от видения бездны, потому что оно нарушает их повседневность. Я же лично не могу понять такой установки в них.

Опыт веков показал, что всякий, возжелавший последовать Христу, пройдет через все страдания, которые испытал и познал в мире сем Он. И это совершенно необходимо всем нам, так как без этого мы не можем постигать Христа, мы Его не познаем, мы не становимся участниками Его жизни, то есть не достигаем нашего спасения.

Отцы Церкви понимают спасение человека как его обожение. Но, чтобы достигнуть сего, все мы должны познать Бога тем познанием, которое само по себе есть вечная жизнь, по слову Христа (см.: Ин. 17:3).

В какие-то моменты душа человека стремится к Богу, жаждет Его, желает быть с Ним, и только с Ним... Но когда мы приступаем к реализации сего стремления и когда Бог нас оставляет, чтобы дать нам возможность уподобиться Ему воистину, с разумом, тогда все мы слабеем и изнемогаем, тогда многие готовы в ужасе бежать от предстоящего им зрелища, от тяжелых и «бесплодных» страданий богооставленности. (Таковыми они кажутся в тот момент.) И если бы я не увидел Христа, хотя бы в той малой мере, в какой мне было это дано, то я потерялся бы...

Боль, в настоящей форме жизни нашей, убивает нас. Но когда сила Божия входит в нас потоком неумирующей бытийной силы, тогда мы полны любви небесной, которой свойственно совмещать в себе все образы своих явлений: блаженство непреложной вечности и глубокое сострадание всякому тварному существу в его мучительной борьбе за существование. В душе нашей соединяются сразу и радость, и страдание. Думаю, что это останется с нами вечно, если мы сохраним данную нам Им любовь. Только в вечности страдание не сможет убивать нас, умалять в нас жизнь. Так мы научены в Церкви воспринимать и Божию Матерь. Она именуется «присноблаженная», а вместе с тем к Ней несет все человечество свои страдания, которые Она разделяет с

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org нами, даже больше того, берет в себя, не «разделяя», то есть не отчасти лишь, а всецело. Проходят тысячелетия, и миллионы сокрушенных душ обращаются к Ней с молитвой о помощи, и все мы знаем, что Она не оставляет наших прошений без ответа. Такова Божественная любовь – в ней соединены, казалось бы, непримиримые противоположения: сострадание убивает наше земное тело, но оно никак не умаляет полноты нетленного бытия спасенных. Я даже думаю, что в этом странном опыте соединения в нас радости и страдания дается нам опыт и воскресения. Из этого опыта рождается великое терпение и любовь.

Медленно растет человек в плане христианской жизни. Пройдут годы, десятки лет, прежде чем раскроется перед его сознанием величественная картина Бытия: творение мира с его галактиками и небесными телами в их гармоническом движении в веках, с неисчислимыми проявлениями космических энергий в поражающей дух наш красоте. Вот, сей беспредельный космос готов принять своего главного обитателя и затем господина – творится Богом человек; ему сообщается дыхание Божие, то есть Божественная энергия. Он становится связующим звеном между Творцом и всем прочим созданием, как носитель энергий двух планов. И вдруг: сей дивный Адам ниспадает. Трагическое последствие: «стенания всей твари, ожидающей восстановления царства сынов Божиих» (ср.: Рим. 8:20–23). И вот – пришествие на Землю в нашей плоти, в условиях уже нашего падения, Самого Творца; явленное нам Им совершенство Отца; раскрытие пред нами истинного пути к возврату и даже к еще большей славе в невечернем дне будущего века, в достоинстве богосыновства.

Печально мне: все мне кажется звучащим бледно, нисколько не отражающим скрытой за словами реальности. Вот и мне, действительно ничтожному, дано познать Бога, который любит совершенную любовь, выражающейся в отдаении всего Себя в акте неисповедимого «истощания». Отец в ответ получает такую же до конца самоистощающуюся любовь Сына. И мы, человеки, призваны включиться в сию ЛЮБОВЬ. Это возможно не иначе как максимальным хранением всего, что заповедал нам Господь: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и САМОЙ ДУШИ (жизни) СВОЕЙ, тот не может быть Моим учеником. И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником. Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее...» (Лк. 14:26 и далее).

Помню, еще в монастыре, до выхода моего в пустыню, я говорил: «Страшные слова..; такую цену – я не могу». Однако позднее, когда я не терпел самого себя в моих свойствах, в извращении моего ума и сердца, Бог дал мне эту святую ненависть как бы совсем иным путем, и я благословил и благословляю вечно Его о мне Промысл. До самого живого опыта мы понимаем слова Христа в искаженном виде; доколе мы в этой растленной плоти, мы не разумеем Бога. Но когда в подвиге веры мы все же воспримем воплощенного Логоса Отчего как нашего Творца и Бога и призываем в молитвах помощь Его, тогда Дух Божий берет нас в Свои руки и ведет по таким безднам и высотам, которых никто другой не ведает и не может знать. Пред духом человека Господь открывает неопишемую беспредельность подлинного Бытия. Да, жизнь – не дешевая игра.

Так нам открывается Бог Троица. Мы постигаем из опыта, что Бог любви может быть только в Троице. В этом образе вечного Абсолюта дается нашему духу созерцать предельную динамику живого Бога – жизни, никогда не умаляемой, вечно пребывающей в кульминационном напряжении безначального Бытия.

Не потому ли некоторые из отцов вечную жизнь в Боге разумели как непреставшее восхождение наше, нас – конечной твари – к Бесконечному! Их идея восходящего движения не есть ли, по существу, неизменное состояние предельного напряжения любви ненасытимой и никак не изменение положения «движущегося»?

Мне представляется более верным говорить о сем предмете в терминах Послания к евреям: «Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (Евр. 6:17–20).

Христос для нас мера всех вещей. Он сказал: «Кто Мне служит, Мне да

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитает Отец Мой...» (Ин. 12:24–26). Но Христос «воссел одесную Бога» (Мк. 16:19), и к Нему неприменима идея вечного восхождения: престол Отца достигнут, и Он равен Отцу не только по Божеству Своему, но и по воспринятому Им человечеству.

Когда сила молитвы покидает нас, сменяясь душевным миром, тогда очень полезно читать творения святых отцов или Священное Писание: Евангелие, послания апостолов, псалмы, пророчества, богословские сочинения. Ум, очищенный плачем, глубже и сильнее проникает вовнутрь. Читать надо, прежде всего, Писания, пробуждающие в нас молитву, согревающую сердце. Потом творения святых отцов, разъясняющие смысл Божественных откровений. Затем следует труд, повседневные работы, тогда, если возможно, сопровождается всякое наше действие соответствующей молитвой.

Этот путь обычно положен людям Господом, быть может, потому, что на подвиг большой способны лишь немногие. Чтобы понести свидетельство истины, человек подымает чрезвычайный подвиг. О тех искушениях, которым он подвергается, отцами хранится молчание. Малодушным лучше об этом не знать: они отчаиваются от одного слышания.

Доколе человек не переживет реально в духе страшных глубин ада, с одной стороны, и своего во Христе воскресения, с другой, он должен следовать путем, указанным святыми отцами и от себя не учить. Как бы он ни был богато, по сравнению с другими, одарен интеллектуально, какими бы познаниями теоретическими он ни обладал, пусть он на себя не полагается. А если он к тому же одержим, при своем теоретическом познании, страстями зависти, ненависти и подобное, то тем более опасно для него быть учителем...

Наша душа может и должна стремиться к Богу; она жаждет Его, хочет быть с Ним всецело, и только с Ним, но когда мы действительно всецело отдаем Ему нашу жизнь, когда мы хотим «реализовать» наше стремление и сделать его уже единственным «актом» всей нашей жизни, тогда мы встречаем нечто такое, чего не ожидали во время нашего начального inspiration (вдохновения). Многие пришли в ужас от тех испытаний, которым подвергается человек на пути к Богу, и многие бежали от тех страданий, которые показали им «бесплодными» в минуты богооставленности.

Есть удивительная последовательность в восхождении к Богу. Она повторяется почти во все времена, во всех местах. Всем нам необходимо помнить, что воскресение было предварено Голгофою.

В пустыне я НИКОГДА не ощущал себя «одиноким». Опыт «одиночества» в острой форме, однако, дается среди людей. И этот опыт имеет множество форм, некоторые из них положительные, а некоторые и отрицательные. Но никогда и никто не достигает сего опыта в той мере, в какой проходил его Сам Христос. Опыт совмещения (соединения) в душе и радости, и страдания есть норма христианской жизни. Но когда сей опыт истинен, тогда через него мы вводимся в другой, высший сего, опыт воскресения, а из сего последнего рождается в душе великое терпение и любовь.

Стояние нашего духа на двух противоположных полюсах – с одной стороны, в мрачных низинах ада, с другой, в состоянии озарения свыше незаходимым Солнцем – чрезвычайно расширяет содержание нашего бытия. В безумной молитве, когда душа стремится к Богу, ненавидя себя самих, мы не сразу, но постепенно воспринимаем Самого Бога, молящегося в нас. Через сию молитву мы постигаем бытийно Христа, сначала в Его неисповедимо таинственном истощении и снисхождении даже до преисподних глубин, а затем в Его безначальном Божественном всемогуществе. В молитве лицом к Лицу усвершеняется наша ипостасность.

Процессы духовной жизни сложны и своеобразны по самой природе своей. Некоторые из состояний нашего духа могут включать в себя, казалось бы, несовместимые переживания: святого торжества и сострадательного отчаяния; чудного восторга и бессилия подняться; давящей печали и вдохновляющей радости. При сильной молитве внутри души происходят глубинные сдвиги, смены состояний, переходы от одного к другому, иногда внезапные, иногда же медлительные. Я вовсе не надеюсь представить их в слове так, чтобы читателю была ясна та реальность, о которой идет речь. Я сомневаюсь, что это возможно какому бы то ни было писателю. Но, ощущая внутренний долг отдать

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org моим братьям и сестрам, хотя бы и в весьма несовершенной форме, то, что выпало на мою долю испытать, и то, что я услышал от моих наставников, слово которых утвердило меня, дало мне силу пойти сим царственным путем.

Найти безошибочно «длину волн» для беседы о «едином на потребу» – непросто. Слово иногда дается сразу, иногда со многим трудом, а иногда ускользает от нас. Тайна подобного «ускользания» не подлежит объяснению. Лично я всем существом сознаю, что это является одной из форм Божественной педагогики. А если это есть действие Бога, то оно не подлежит никакому логическому исследованию. Из опыта нашего познаем мы и Его неожиданные посещения, и Его «уходы» в непостижимые для нас глубины. Уходит Он на сроки, Ему единому ведомые.

Но даже и длительные оставления нас Богом не должны умалить в нас надежды на Его полный любви возврат.

Мы сами себя осуждаем во ад, как недостойных ТАКОГО Бога. Да и вообще можно сказать, что мы пока живем во аде мира сего. Кругом нас иссякла первая (первозданная) любовь, и холод все более и более становится нестерпимым.

Пребывание во аде богооставленности дает нам полнее познать нашу немощь, нашу покинутость. Страшное одиночество пред неотвратимым таинством смерти – не единственный момент в конце нашей жизни, постигающий нас. Мы живем нашу покинутость в той или иной степени почти всю нашу жизнь. Особенно сильна боль эта для тех, кто в какой-то мере познал величие прикосновения любви Божией к сердцу и уму. И все же только через смену посещений и оставлений можем мы совершить «двойное движение»: вниз, в темные бездны «безбожия», и затем вверх, в светлые сферы, где БОГ «всяческая во всех» (1 Кор. 15:28).

С самого начала моей жизни на Афоне я услышал урок о необходимости для нас, всех нас, долгого терпения. Да, долгого, иначе мы не способны «освоить», сделать своими страдания всего человечества. Из нашего сострадания рождается некая несовершенная любовь. Затем она нормально должна перейти в настоящую любовь, характерным признаком которой является радость и даже торжество при виде других в большей, чем мы, славе. Слава наших братьев становится для нас источником глубокого мира и блаженства. ТАКАЯ любовь исключает всякую тень соперничества и пребывает вовеки чистою.

Видеть Божественную славу, почивающую на братьях, может только тот, кто и сам причастен той же славе. Но мы не будем «видеть» своей славы, так как все наше внимание и стремление обращено к Богу и славе святых. Созерцать их красоту в силу Божественного озарения явится нашим наслаждением, столь сильным, что мы забудем о самих себе.

Возможно, что кому-нибудь покажется непонятным то устройство души, которое бывает у людей, познавших Божие посещение, а именно: они действительно и мыслят, и чувствуют себя достойными ада и вечных мук, но при этом не отчаяние овладевает ими, а все существо заполняющее чувство величия святости Бога, вовеки благословенного.

Видение бесконечной святости смиренного Бога Христа доводит сознание и чувство живущего и действующего в нас греха до такой степени, что человек положительно весь, всем своим существом сжимается и в великом порыве к Богу и в сильном отвращении от своего ада погружается в глубокий плач. Желание души уподобиться Богу в святом смирении становится тогда подобным смертельной жажде. Особая духовная печаль от сознания своей мерзости сильно томит тогда душу. В этой томительной печали о святости есть уже начаток самой святости, и потому отцы называют ее святою печалью, и, полюбив ее за святость, они дорожат ею и хранят ее. То, что нам пришлось наблюдать у монахов, не есть культивирование патологического, гордого долоризма; совсем нет. Это есть нечто совершенно иное по роду и качеству своему.

Когда человек плачет всем своим существом от сознания своей неправды, своей вины, и испытываемого глубокого стыда за себя, и острого сознания себя лишенным того света и той жизни, которую ему дано было узреть, тогда от той ни с чем не сравнимой печали рождается энергия устремления к Богу, соответственная силе печали, силе страдания, которое может достигнуть такой меры, что действительно вырывает человека из мира сего, так что поистине забывает человек весь мир и бывает в таком состоянии, что не знает – «в теле или вне тела» был он (ср.: 2 Кор. 12:3).

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Томление души, кающейся о своих грехах, бывает различных степеней. Иногда оно может достигать столь великого напряжения, что некоторые отцы называли его «адом покаяния». И кто не проходил через этот ад покаяния, тот мало «способен» к Царству Небесному.

Однако, как ни тяжело это «Адамово мучение», как ни велико страдание во «аде покаяния», в нем, в силу устремления к Богу, в силу влечения, являющегося следствием зова Божия, заключена жизнь и радость; так что и плач тот и печаль та, по выражению святых отцов, «радостотворная». И когда покаяние достигнет известной полноты, тогда в меру полноты его удостаивается человек видения Божественного света. Насколько возможно нам судить из свидетельства многих монахов, видение это происходит в момент, когда человек его совсем не ожидает, и предваряется оно особым миром, а в себе несет кроткую любовь и подлинное воскресение души.

Святые отцы Церкви по исключительному дару благодати в вековом опыте Церкви, неизменно повторяющемся из века в век, категорически утверждают, что единственно верный путь ко спасению – путь покаяния и иного пути нет. Покаяния, истекающего из подлинного и глубокого сознания своей вины и ответственности. Подлинное покаяние не есть простое сознание нашего данного состояния, как состояния грехопадения. Такое сознание возможно и вне христианства. Христианское покаяние исходит из сознания глубоко разумного, свободного, личного, вечного существа – сознания своей вины.

В некоторых нам приходилось наблюдать столь глубокое сознание своей неправды, вины, что при молитве к Богу: «Помилуй меня», человек на прощение смотрит как на чистый дар милосердия. Если бы подходить с мерилем справедливости, то прощение не будет дано. Прощение исходит только от безмерной благодати Бога. Немужественная и немощная душа скоро приходит в отчаяние и не достигает полноты покаяния и очищения, а, получив за свое малое и нетерпеливое покаяние некоторую милость от Бога, успокаивается на том.

Испытывается человек, стремящийся к Богу, иногда сурово, а иногда даже «жестоко», но не все так испытываются, а лишь те, которых «предузнал» Бог как верных и мужественных (ср.: Рим. 8:29). Верную душу Бог медлит посетить. Промедление сие в верной и крепкой душе углубляет покаяние, увеличивает отвращение ко всякому греху, более горячим и напряженным делает обращение к Богу.

Наше Таинство Исповеди существенно отличается от «психоанализа» и отстоит от него так же далеко, как небо от земли. Главное различие заключается в том, что наше видение человека, наша антропология не только неведомы психологам, но и не позволено иметь им таковую. Мы знаем, ЧТО есть человек, каковым он должен был бы быть или может стать в своем последнем осуществлении по дару Божию.

За время моей молитвы за мир в пустыне Афона мою личную жажду Бога я мыслил как естественно свойственную всякой душе. Душу же, в ее глубине, я воспринимал прежде всего как ПЕРСОНУ, в которой для меня прежде всего и больше всего отразился образ Предвечного Отца всех нас.

Таким образом во мне создалось устройство духа, по которому я при встрече со всяким человеком, мужчиной или женщиной, воспринимал, главным образом, личность. Мое внимание к этому незримому внутреннему центру встречаемого лица бывало таким, что почти никогда я не смог бы сказать после, как был одет человек. Но был со мною один странный случай, поразивший меня самого. Я жил во Франции, в Донжоне; пришла ко мне французская дама, адвокат, со своими духовными проблемами. Я и раньше встречался с нею много раз. Мы беседовали два часа. Она должна была возвратиться в Париж на автобусе в пять часов. Просидела у меня до последней минуты. Когда она ушла, чтобы не пропустить этого автобуса, она должна была бы пройти по самой короткой дороге, которую я объяснил ей. Не уверенный, что она хорошо поняла меня, я посмотрел через окно на дорогу; ее не было. Я вышел из Донжона и вдалеке увидел женскую фигуру в розовом костюме, на голове такая же розовая шляпа. Я потерпел почти что «шок». Если бы я не вышел, я не мог бы сказать, как она была одета. Но лица и остроту страданий человека я не могу забыть.

Почти вся моя жизнь проходит где-то на далекой периферии мира. Мой дух никак не идет на включение в борьбу людскую. Я действительно не хочу

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org участвовать в кошмарном братоубийстве, в войне за обладание материальными именными, в жестоком дележе имений. При всей моей болезненной жалости к бедным и униженным я молюсь, по существу, только об одном, чтобы все люди познали Христа как Он есть. При этом познании даже и самые бедные будут сиять от радости любви. Я знаю, о чем я говорю сейчас. Я сам прожил семь лет в пустыне Афона в такой нищете, о которой никто в Европе не может иметь представления. И это были самые блаженные годы моей жизни: Встречал я и богатых, и «сильных» мира сего и не видел на лицах их сияния воскресной радости. Больше того: именно богатых я видел лишенными благодати больше, чем бедных, и в этом смысле они вызывают сожаление.

О, бедные люди; разбитые и замученные безлюбовной жестокостью бессмысленной повседневности; цепляются они за всякое проявление подлинной человечности и готовы пойти на многие жертвы ради встречи с этим, ставшим редким, явлением.

Спросил я однажды одного молодого монаха: «Вот Вы видите, как повсюду в мире страдают люди... Как всякого рода диктаторы и властители насилуют народы, разжигая распри и ненависти между ними... Сколько убийств совершают сии жестокие правители... Они бросают миллионы людей на взаимные убийства, начиная войны... и подобное... Спрошу Вас: если бы у Вас была абсолютная власть над жизнью каждого человека, то что бы Вы сделали в настоящем положении вещей, столь трагическом для всего мира?» Ответ молодого монаха: «Если бы у меня была, как Вы говорите, абсолютная власть над всеми и каждым из людей, то я не посмел бы никуда двинуться. Эта власть связала бы меня по рукам и ногам». Так мы видим и Христа. Миллионы и миллионы людей отпадают от Бога, потому что им кажется, что если бы был Бог, то Он не допустил бы тех страданий, в которых утопает Земля. Видите теперь, как отстоит видение Бога от мыслей людских? По слову пророка Исаяи, «как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55, 9). Но Бог в силах спасти каждого страдальца по смерти его; и даже при жизни его, если сам сей страдалец начинает идти путем, указанным Самим Богом. Воистину и совершенно неповинно страдающие встречаются реже, чем мы склонны думать. Но понимать сие мы начинаем только тогда, когда сами стремимся жить в духе евангельском. Мы слишком склонны прощать самих себя за дела, кажущиеся нам малыми, но которые так или иначе ранят наших братьев. Ведь одним отрицательным словом критик иногда может навсегда погубить карьеру человека, все его будущее на Земле. И если мы совершаем подобного рода «убийства» братьев наших, то не лучше ли нам проверить нашу совесть? Путь христианский несравненно универсальнее и величественнее, чем обычно люди мыслят о нем.

Быть монахом составляло для меня дарование, превышавшее мои надежды. Я был глубоко благодарен Промыслу Божию и не ждал ничего большего. Однако, когда я был призван, неожиданно для меня, к священству, то это новое восполнение моей жизни во Христе едва ли не было еще более драгоценным: вот, я допущен внутрь алтаря осязать и созерцать великое таинство Литургии, которую я переживал как Божественный Акт. Десятилетиями я ношу сию драгоценность в сердце моем, и, как всегда, мой ум останавливается, бессильный говорить или писать о ней.

Литургия моментами захватывает всего меня. В ней я поставлен более близко, чем раньше, к Гефсиманской мироискупительной молитве; более тесным образом к голгофской смерти Христа; к его сходу во ад; к Его воскресению и вознесению. Сошествие Святого Духа на апостолов и на всю Церковь стало как бы осязательнее через призывание Святого Духа на Святые Дары (эпиклез). Литургия с проскомидией вовлекают дух вглубь всех веков, к началу человечества, к Первочеловеку Адаму, трагически падшему. Литургия ставит меня лицом к ожидаемому со страхом концу истории сего мира, Страшному Суду. Составлена святыми отцами Литургия таким образом, что я духом все время нахожусь в движении между Богом и жизнью человечества во времени и в пространстве. Повторение сего служения впечатлевается в сознании в своей божественной универсальности, вынуждая и сердце, и ум расширяться до беспредельности. Дух наш воспитывается и увлекается в космическое созерцание; в своем стремлении действительно вместить в сердце безмерность сего священнодействия немощь наша исцеляется содействием благодати.

Великое дело, но недоступное тому, кто «от нижних» (Ин. 8:23), – включиться в святую жизнь Самого Христа, носить в себе любовь Божию, сошедшую в наш мир в непостижимом для нас унижении. Почти полвека вхожу я в алтарь для совершения сего таинства, приготавливаясь к нему, размышляя о нем, и не было

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org случая, чтобы я достиг Литургии в той силе, в которой в какие-то моменты было дано моему уму предвосхитить ее. Я ни разу не удостоился подняться духом до того состояния, которое приближалось каким-то краем своим ко мне во время ли самой Литургии или моего приготовления к ней.

Я говорю о «приближении» ко мне того, что давало духу моему как-то предвосхитить совершенство. Молитва литургическая – молитва всеобъемлющая, космическая. Она носит в себе всю длительность временных веков; превосходит эту длительность ощущением вечности; сострадание Христовой любви при молитве о мире всего мира, страждущем непрерывно, ведет дух за пределы того, что доступно психике и телу... Нет, я не способен писать о сем великом таинстве: оно слишком превосходит человека. И нет слов выразить восторг пред Христом.

Апостол Петр в Гефсиманскую ночь в избытке преданной любви с уверенностью говорил Христу: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнусь» (Мф. 26:33). Да, «дух бодр, но плоть немощна» (Мф. 26:41): «Петр сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: „И ты был с Иисусом Галилеянином“. Но он ОТРЕКСЯ перед всеми: „Не знаю, что ты говоришь“, и затем повторил еще дважды свое отречение. «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: „Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня“. И, вышел вон, плакал горько» (Мф. 26:69–70, 75). По Евангелию от Иоанна мы знаем, что Господь, по воскресении Своём, простил Петру его слабость и восстановил его в достоинстве апостола; но сам Петр, по преданию, не забыл своего греха и всю жизнь не без слез вспоминал о своем падении. И это смирение дало ему возможность не возгордиться, когда через него совершались многие чудеса.

Иногда падения наши нужны нам, чтобы в смирении раскаяния иметь силу воспринять большее благословение. Такие падения можно назвать «промыслительными». Бог покидает нас на некоторое время, а без Него мы становимся ничтожными, безумными, не способными ни на что, достойное Его. Весь смысл нашего подвига в том, чтобы воспринять Бога в себя, жить Его жизнью по дару свыше. Говорю теперь об этом, чтобы от Петра перейти к самому себе, не на уровне Петра, а на моем низком уровне, что если бы я не пережил моего действительного падения, длительного и упорного, то никогда бы я не возмог познать НЕСРАВНЕННОГО ХРИСТА. Все, что чуждается Господа, устраняется от него, – все теперь в моих глазах является совершенным ничтожеством. И опять не на уровне апостола Павла, но на моем низком уровне, однако до некоторой степени аналогичном ему, я вспоминаю и понимаю слова его: «Христос умерший, но и, больше того – воскресший: Он и одесную Бога, Он же ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: „за Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, (обреченных) на заклание“. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Я уверился, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (ср.: Рим. 8:34–39).

К любви Божией влечет нас Тот, Кто Свои руки распростер на Кресте. Но на пути к ней встречаемся мы с гордым насильником, князем мира сего. Сей князь отпал от Света Истины, но ум его по природе своей – космический. «Ум с умом борется... наш ум – с умом врага», – говорил Старец Силуан. Сами мы не в силах победить врага, но, следуя за Христом, – можем и мы. «Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу... Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:27–28, 33). Нам предлежит великая брань, чтобы победить «космос» (по-русски «мир»). Победители во Христе становятся сверхкосмическими. Сопротивный представит нам свои «глубины и высоты», великолепие своих переживаний, например, славы или власти над братьями, величие и услаждение земными богатствами; свои созерцания сверхбытийного Абсолюта. И если мы отказываемся, он подвергнет нас и болезням, и нищете, и гонениям, и страху даже до смерти. Держа действительно сказать, что христианину раскрываются бездны мироздания глубже, чем кому бы то ни было иному; что возводится он в область Света, неприступного для избравших иные пути (ср.: 1 Кор. 2:15–16).

Вера во Христа Богочеловека дает нам опыт состояний, которых не может дать тварь. И так совмещение в Лице Логоса – и безначального Божества, и

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org человечества-твари – является для меня основой жизни вообще. Через Него я воистину живу Бога живого, через Него же я познаю человека в последних, доступных ему возможностях. Догмат о Христе в двух естествах при единой Ипостаси составляет для меня крепкий фундамент, на котором строится все здание моего временного и вечного бытия. Это вовсе не есть некая отвлеченность академического характера; это путеводная звезда; источник вдохновения; достоверное знание: разумение стоящей пред нами идеи Бога, Творца нашего, о нас; откровение тайны, необходимое для моего спасения.

Есть параллель между Творцом и человеком-тварью. Если бы «образ» не был соизмерим с Первообразом, то невозможным было бы вочеловечение Бога. Сей акт реализуется через совмещение в единой Ипостаси Логоса двух естеств. Подобно сему тварная человеческая ипостась наделена способностью воспринять не Сущность, не безначальную Натуру Бога, но Акт Божественной жизни. Тварь не становится единосущною Творцу, но по содержанию жизни во Свете Божества уподобляется Богу до тождества: становится богочеловеком.

В древности часть христианского мира восприняла монофизитскую идею о Христе. В наши дни появилось также монофизитство, но диаметрально противоположное: древние видели в нем только Бога и Божество, современники наши видят в нем только человека, получившего от Бога Отца обожение и усыновление за Свою исключительную святость и чрезвычайный подвиг любви. Мы отвергаем сию идею, так как нам очевидно, что если бы в Самом Божестве изначально не существовал принцип Отечества и принцип Сыновства, то невозможно было бы введение сего нового принципа в предвечное Божество.

И для людей усыновление осуществляется через Единородного Сына Отчего: «...никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11:27); «...никто не приходит к Отцу, как только через Меня... Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил... Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Ин. 14:6; 1:18; 3:13).

Существенный аспект Евангелия, то есть «благой вести», в том, что оно возвещает нам вечную жизнь по подобию Самому Богу. Возможно усмотреть в Евангелии основы для нравственности, но не должно сводить его до сего уровня. Жизнь во Христе стоит выше всякой физиологии или психологии; она по природе своей принадлежит небесному плану, то есть онтологии. Все, кто забывает об этом, теряют самое важное и тем самым как бы извращают и унижают «дело Христа» (см.: Ин. 17:4).

Когда мы сопоставляем длительность космических процессов с человеческой жизнью, то сия последняя представляется кратчайшим мгновением. Однако цикл развития потенций нашей природы психологически воспринимается нами как тягуче медленный; особенно когда мы вступаем в период страдальческих испытаний или умом созерцаем грандиозность задания, сравнивая его, задание, с нашим едва уловимым прогрессом в познании Вечного. Надо при этом знать, что в этой форме «быванья» полнота совершенства не укладывается; наша земная доля – стремиться, тянуться «к»... Однако стремление наше должно быть предельным для наших сил. Тогда при исходе из этого мира наш дух, наше существо получит иные возможности, перейдет в иные измерения, и движение к Абсолютному Благу, в известный Отцу нашему Небесному момент и Ему единому ведомым образом, может из относительного стать безотносительным. Хочу сказать, что Бог, когда и если благоволит, сообщает человеку полноту Своей жизни, – «вводит его во внутреннейшее за завесу» (ср.: Евр. 6:19). Преложение «относительного» движения к Безначальному в «безотносительное» означает, что кульминационное напряжение любви пребудет вечно максимально динамическим, но никогда не прелагающимся в «пресыщение» или умаление: это есть вечное состояние, не подлежащее изменению.

Заповедь о совершенной любви дана Христом в словах: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). Здесь указана необходимость обнажиться нам от всего, что нам дорого в мире сем. Понять онтологическое содержание сего повеления никто не может своим критическим умом, но только познав опытом, по вдохновению свыше, сие состояние всецелой любви к Богу.

Полнота совершенства любви в Божестве, согласно данному нам в Церкви Откровению, таинственным путем связана исчерпывающей степенью «истощания». «Отец Господа нашего Иисуса Христа... да даст нам, по богатству славы

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца наши, чтобы мы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы нам исполниться ВСЕЮ ПОЛНОТОЮ БОЖИЕЮ. А Тому, кто действующею в нас силою может сделать НЕСРАВНЕННО БОЛЬШЕ всего, чего мы просим или о чем помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь» (Еф. 3:14-21).

Эпилог

Я родился в эпоху исключительно глубоких перемен в жизни всего населения Земли. Как современник, я не имею возможности судить о «качестве» событий, предвидеть последствия происходящей по всему лицу Земли борьбы идей. В истории далеко не всегда лучшее бывало победоносным. Ужасы нашего века в некоторых отношениях превзошли все, известное нам в прошлых веках. Прежде всего – количественно: миллионы и миллионы погибли на полях сражений в международных и гражданских войнах. За сим следует великое множество жертв в связи с террором внутри отдельных стран.

Моя душа никогда не склонялась к тому, чтобы физически включиться в схватку между различными политическими идеологиями. Но за долгую жизнь, естественно, я смог составить себе некоторую картину о том, как фактически строится жизнь народов, с одной стороны, и, в силу моего священства и молитвы за мир, как она должна была бы строиться. На мою долю выпала нелегкая привилегия: я оказался в России – в таком месте всеземного тела Адама, где оно, сие «тело», начало жестоко страдать в попытке изменить веками насильственно сколоченный порядок, глубоко несправедливый. В дальнейшем для меня раскрылись inferнальные стороны человеческого характера, что погрузило меня в отчаяние за род людской.

Но параллельно с этим я был с силою захвачен в поток иного бытия. Увлечком был Христом, Сыном Бога Живого. Он удостоил меня быть причастником Его Тела; Он явил мне Свой Свет и излил на меня изобилие благодати Своей. Он, Божественный Сеятель, забросил Свое доброе семя на поле сердца моего, и я трудился, чтобы не остаться бесплодным; Слова Его подобно огню сообшились уму и сердцу моему, и я учился мыслить в Его перспективе, потому что слово Его стало моей жизнью. Содействием Духа Святого я имел благословение соучаствовать в Его страданиях и радостях. Пусть отчасти, но действительно, Он открыл нам Отца Своего, и я навек люблю Отца и чувствовать, что я, последний из людей, не отвержен от Лица Отчего. Дерзаю сказать, что ни жизнь перстного Адама в его падении, ни жизнь Небесного Человека (ср.: 1 Кор. 15:45-49) – не чужды мне, не неведомы. И так мне стало естественно жить трагедию человечества, с одной стороны, и мир Христа – с другой. Верующим Господь дает предвосхитить созерцание вечной победы Иисуса; трагедия падения – черная бездна смерти, преодолевается Христом, который не отвергает нас, но принимает в лоно Свое.

Дорога до Царства далеко не гладкая. Когда к сердцу человека прильнет любовь Христова, тогда дух наш бывает восхищен силою любви Его; да, могуществом, объемлющим все мироздание, и вместе тихостью ее, любви; когда ум наш пройдет через живой опыт познания Христа, являющегося как Свет не от мира сего, тогда все реакции человека меняются на всякое явление жизни. Перерожденный Духом Христовым становится до предела восприимчивым ко всему доброму и недоброму. Последнее – даже в своих неярких формах – ранит душу. О себе скажу, что уже более полвека я болезную до остроты от видения кошмара взаимных убийств людей-братьев. По временам от этой боли я готов рычать, как дикий зверь, и выть, как бедная собака, которой автомобиль расплющил лапы. И так же, как собака, корчась от болей, отползает в сторону от людских путей. Но когда болезнь сердца доходит до грани нашей физической возможности, тогда призывание имени Иисуса Христа приносит МИР, который удерживает в жизни человека. Когда в движении своем сострадательная любовь выражена в молитве до конца, тогда осеняет человека тот мир, о котором апостол Павел сказал, что он превосходит всякое воображение (см.: Флп. 4:7). Это есть тот мир, который Господь дал апостолам в ночь Своей мироискупительной страсти (см.: Ин. 14:27).

Надо ли повторять, что я ни на мгновение не забываю той великой дистанции, которая существует между мною и Богом; но и эта дистанция не исключает некоторой аналогии, без которой никакое познание Христа не может реализоваться. Следование за Ним непрестанно бросает нас то в крайние страдания, то в светоносную сферу непоколебимой ничем и никем победы Божией

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org любви. И это вовсе не суть истерические депрессии, чередующиеся с мнимыми восторгами, тоже истерическими. Нет. Вначале до некоторой степени это может походить внешне, но не по существу. После же многих повторений того же явления и нисхождения во ад, и восходы до небес становятся содержанием духа нашего, всегда присутствующим (содержанием) в недрах нашего бытия. Таков Христос: Он объемлет все бездны, и нет никого, подобного Ему. И с возлюбившим Христа то же бывает. Вот, Христос: в Гефсимании Он живет истощающим образом всю трагедию нашего мира даже до «кровавого пота». И после такой молитвы Он встает и идет на дальнейшие терзания, полный мужества и мира, который утоляет боль и не допускает до времени умереть. «До времени» – момент завершения ДЕЛА, когда есть место для слова: «Совершилось» (ср.: Ин. 19:30).

Боже мой, Христе мой! Сохрани меня в путях Истины Твоей. Ты знаешь, как близка моя смерть и нужду мою в тот час. Не презри невежества моего, ни безумия. Не отверти меня за дерзновение мое: оно исходит из отчаяния моего за самого себя; из страха остаться вне Света Царствия Твоего, быть брошенным во «тьму кромешную». Найди путь просветить меня в день умирания моего: я не ведаю, что постигнет меня тогда и какую чашу должен я испить, чтобы затем быть с Тобюю.

Господь сказал: «Я есмь путь... никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Я в благоговейном страхе от этих слов: я не хочу погрешить ни в чем, что могло бы положить какую бы то ни было грань между Ним и мною. Но я не разумею глубинного смысла слов Христа. Всматриваюсь в Его жизнь в нашем мире, как она представлена в Евангелии, и вижу такие крайности, которых не постигает мой малый ум. Он совместил в Себе всю полноту Божества, по собезначальности Своей со Отцом, и также – полноту человечества в воплощении Своем. Абсолютный в Своей безначальности, Он сообразен воспринятому Им естеству нашему Свою беспредельность. Ему были послушны природные стихии; страшные болезни исчезали от одного слова Его или легкого прикосновения пальцев к телу больных; мертвые воскресали, слепые прозревали; бесы с трепетом выходили из одержимых ими людей.

Вот мы идем с Ним до конца Его земного пути: видим Его на Тайной вечере в Сионской горнице совершающим Свою единственную, неповторимую в веках Литургию; сердце и ум принимают к словам Его молитвы пред тем, как Он дошел до кровавого пота (см.: Ин. 17. Лк. 22:44). Нам дозволено услышать слова Его: «Авва Отче! ...пронеси чашу сию мимо Меня» (Мк. 14:36). Что есть ЧАША сия, которая предстала Ему как превосходящая ЕГО силу? Я, немощный, все время, годами, десятилетиями стою в моем следовании Ему пред превышающими меня задачами. Но Он, Которого я умоляю укреплять меня, – ищет помощи для Себя?

«И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не ведают, что делают»... «И сказал Иисус разбойнику: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»... «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»... «Отче! В руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:33, 34, 43, 46. Мф. 27:46). Затем: гроб, схождение во ад, восстание из мертвых, вознесение на небо, сидение одесную Отца, ниспослание Духа Святого на апостолов и на всю Церковь. Ко всему сему прилагается Его ни с чем не сравнимое слово жизни нетленной, от Отца исходящей.

Если так, то кто может последовать за Ним? В чьих силах за короткий срок жить все сии состояния, столь крайние? В молитве до кровавого пота Он жил трагедию нашего падшего мира. В ту страшную ночь нестерпимого позора для всего человечества, убивающего Праведника (см.: 1 Пет. 3:18), Он дает ученикам и через них всему множеству верующих в веках Свой мир, «превосходящий всякий ум» (см.: Ин. 14:27. Флп. 4:7). Опять: как уживается в одной душе мир непреложный с безысходным мраком падения? Что скажу я о себе, нищем и убогом? В те еще молодые годы, когда мне была дана благодать смертной памяти, моментами бытие всего космоса утопало в глубине бесконечной тьмы на безвозвратное забвение. По существу, тьма сия была моим состоянием в то время. С этим видением я испытывал страх особого порядка, по природе своей не похожего на нормальный животный страх перед смертью. Не сию ли смерть надлежало взять на Себя Христу, чтобы искупить нас от вечной смерти? Но возможно ли было Христу совмещать в Себе такую всепоглощающую смерть? Однако со мною происходило именно так. Не одновременно, то есть в один и тот же момент времени, а в некоторой последовательности одного опыта за другим. Совмещение создавалось после: в памяти духа моего. Можно

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org сказать, что я безумствовал, но просто сумасшедшим я не бывал. Я хочу поведать правду, которой сам не вмещаю логически. Переживания человека чередуются, но впоследствии они, как знание, как опыт духа нашего, сожигаются внутри нас. В конце нашей жизни вся она предстанет как единый непротяженный акт известного содержания и качества. Вот, теперь во мне, как живая память, как знание живое, присутствуют: и то видение совершенной смерти, и то отчаяние в самом себе, даже до ненависти к себе; и воскресение души от посещения не вечерним Светом Царства Божия, и многое другое. Но каждый из сих даров Бога моего имел свое время исключительно для себя: когда я ненавидел себя, то это была подлинная реальность, а не просто философская идея; то же с созерцанием полной смерти: не могу объяснить, но я как-то «жил» эту бездну тьмы, а не воображал. Христос – моя жизнь: я ничего теперь не живу без того, чтобы сравнить мое состояние с Его жизнью на Земле. Он и Бог, Он и человек, настоящий; не привидение, а факт. Воплотившись, Он все переносил, что свойственно нам, но не как грех, а как узрение происходящего в нас; узрение, связанное с соответствующим данному созерцанию страданием или радостью. До воскресения Он был подвержен умиранию, пусть добровольно взятому ради нашего искупления, но не мнимому, а действительному. Он должен был умереть. Было ли принятие смерти для Него решимостью на некий короткий срок с ясным сознанием Своего воскресения, или Он умирал, воспринимая всекосмическую смерть в неисследимой бездне? Я ничего не знаю, но хотел бы понять Спасителя моего.

Я никак не могу выделить себя из великого тела всеродного Адама: сам я являюсь клеткой этого массивного организма. Как таковой, я, конечно, рождаюсь в условиях осуждения на смерть; трагизм сего положения неустраним. Из-за Адама пало проклятие Создателя на Землю, и был самому Адаму изнесен приговор: «возвратиться в прах, из которого он взят» (см.: Быт. 3:17–19). Общность наследия связывает меня со всем родом людским. Господь, приняв на Себя нашу форму существования в условиях по падении, не переживал ли всего, свойственного нам, до последнего предела? Кроме, конечно, греха: одно – согрешить, совсем иное – разделить состояние согрешившего силою сострадательной любви. Итак, что значит: «Отче Мой! если не может ЧАША сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26:42). Христос все жил «до конца», чтобы в полноте «искупить нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал. 3:13). Самые слова эти кажутся нам знакомыми, но бытийная действительность, выраженная ими, таинственна. Дерзко намереваться узнать сие; но когда в старости стоишь пред дверями смерти, готовясь перешагнуть сей страшный порог, то нелегко уклониться от глубокого желания последовать Господу в установке Его духа пред Отцом; и сие, чтобы «соединиться с Ним подобием смерти Его, чтобы соединиться с Ним и подобием воскресения» (ср.: Рим. 6:5), да так, чтобы не осталось внутри ни единой занозы в грядущем веке; никакого препятствия к чистоте общения с Ним от всяких усвоившихся нам складок души. Нецеломудренное дерзание... Но кто удержит меня в тот час от неверного движения ума или сердца, в силу которого можно потерять Бога? Самая мысль об утере единства с Ним пугает меня. Я страшусь потому, что всякое мое дело здесь всегда как-то смешано с прахом земным и потому не чисто. Он дал мне жить Его Абсолютность чудным образом: беспредельное всемогущество с бесконечным смирением любви. Я приблизился к вратам смерти; но каждый день в той или иной мере я испытываю умирание. В течение моей жизни я наипаче страдал от горько-соленых волн ненависти между людьми; никакие молитвы не преобладают этого яда, напоющего земную атмосферу запахом крови и ужасом смерти. Устает душа от чрезмерно печального зрелища и не влечется к продолжению дней на Земле, чтобы пить сию «чашу». Но какая чаша ждет, конечно, меня в час кончины, скрыто от меня. И молю я Господа моего – не оставить меня в тот неведомый момент и не отвергнуть меня от подножия престола Своего за множество беззаконий моих.

Боже мой, законоположи меня в путях заповедей Твоих и даже до последнего моего издыхания не попусти мне отступить от света повелений Твоих, доколе сии не станут единственным законом всего моего бытия – и временного, и вечного.

Ей, Владыко, о многом и великом молю я Тебя, но не презри меня и не отринь от Лица Твоего за дерзновение мое, паче же умножь во мне святое и истинное дерзновение и силою любви Твоей укрепи меня на путь вслед стопам Твоим даже до конца.

Дай мне любить Тебя, как Сам Ты заповедал Нам: всем сердцем, всем умом, всею крепостью, всем существом моим. Продли дни мои в мире сем, доколе не принесу Тебе достойного покаяния. Не восхить меня во время омрачения моего, но по благоволению Твоему дай мне добрый конец. Предупреди меня о смерти моей, дабы душа моя приготовилась встретить Тебя. В тот великий для меня

Таинство христианской жизни. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
день, в тот страшный для меня час – пребудь со мною, Господи, и воздаждь
мне радость спасения Твоего. Очисти меня от всякого явного и тайного греха,
от всякой неправды, таящейся во мне. Ты бо един, Бог мой; кроме Тебя иного
не имею, не ведаю. Тебе единому приношу благодарение и славословие со
безначальным Твоим Отцом и Духом Святым.
Аминь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!